

...Воланд не отрываясь смотрел на необъятное
сборище дворцов, гигантских домов и малень-
ких, обреченных на слом лачуг...

— Какой интересный город, не правда ли?

Азazelло шевельнулся и ответил почтительно:

— Мессир, мне больше нравится Рим!

— Да, это дело вкуса...

М. Булгаков
Мастер и Маргарита

Я Н Л Е В И Н

100

ДЕТАЛЕЙ
ЯРОСЛАВЛЯ

Ярославль 2009

Здравствуйте, дражайшие читатели.

Меня зовут Ян, и я вроде как автор этой книги. Посему разрешите, яхонтовые мои, несколько слов вступления — о том, что же вы получили, зачем и почему. Небольшая предыстория, так сказать.

Мне уже 27 лет, и добрых 20 из них я неистово увлекаюсь географией и картографией, архитектурой и историей градостроительства, да и вообще историей. А еще всякой прикладной прелестью вроде геральдики, нумизматики, фалеристики и клейки корабликов. В переводе на русский — я очень люблю наследие именно материальной культуры человечества. Логично, что наиболее близка мне материальная культура моих родных мест. Я же в ней живу.

Город дает множество поводов для наслаждения и этой самой материей, и этой самой культурой. Здесь их так много. Особенно если город старинный, вроде моего Ярославля. Веками люди рождались, жили и умирали здесь — они не могли не оставить после себя чего-нибудь осязаемого. Это было бы просто нечестно с их стороны по отношению к нам, их потомкам.

Очень многое сказано, спето про мой Ярославль. Его рисуют, фотографируют, вспоминают в мемуарах. У него богатая история, и немало о ней написано. И пишется, и будет писаться — нетрудно объяснить и стремление опрокинуть противоречия сегодняшних дней в бурные события Смуты XVII века и Мятежа — восстания 1918 года.

Конечно, заслуженное место занимает в описаниях Ярославля и архитектура наших церквей. Понятно восхищение иконами и фресками. Объяснимо и создание целых

томов, в тонкостях описывающих нюансы градостроения XVIII–XX веков.

Но город — это не только шедевры зодчества. Город всегда был населен людьми, которые, построив свои дома, жили в них, обустраивали свой городской быт. Они ходили по его улицам и освещали их, сидели на лавочках, выкидывали куда-то мусор, помечали свою собственность, размещали рекламу своего дела. Они делали город удобным, практичным с помощью мелочей. И часто хотели, чтобы этот комфорт был не только функционально-рациональным, но и попросту красивым. И тогда они украшали окружающее их городское пространство, дабы была улада для их обывательских глаз. Ведь обыватель — это человек, имеющий постоянное местожительство.

Телефонная будка. Крышка смотрового люка. Лепная дата постройки на фасаде здания. Скамейка в парке. Реклама. Гидрант. Ручка входной двери. Агитационный плакат. Инициалы владельца дома на въездных воротах. Почтовый ящик. Светофор. Страховой жетон на доме. Все это — **городские детали**. Мелкие штрихи на его улицах.

Деталь — штучка неброская, зачастую ее не сразу-то и заметишь. Сами по себе они, может, и мало что значат для тысячелетнего города, но вместе они дают незабываемую и самобытную сегодняшнюю **городскую атмосферу**, удивительный сплав из мелочей той или иной эпохи ярославской культуры. Каждая из них — кусочек прошлого, который можно — вот здесь и сейчас! — посмотреть, потрогать, попытаться понять.

Так что же такое «деталь»? Это любопытный нюанс материальной городской культуры. Понятие «любопытный» — довольно субъективно, поэтому конкретизирую: нюанс, любопытный **для меня**.

Они, детальки, то и дело исчезают, безвозвратно тают, но в это время где-нибудь появляются новые. Современная эпоха, как, впрочем, и любая другая, беспощадна к таким маленьким городским деталькам. Новые владельцы зданий и территорий обустраивают свою собственность на свой вкус, закрашивают старые таблички, сбиваются

с фасадов даты постройки, падают от старости барельефы, обновляются водосточные трубы. Кто-то утаскивает к себе на дачу скамейки с набережной, меняются крылечки, крышки люков, демонтируются столбы уличного освещения, давая место более современным. Вывеску «Колониальные товары» сменяет призыв «К победе коммунизма!», а он в свою очередь уступает место «Обвалу цен».

Это жизнь, с этим ничего не поделаешь, это и не хорошо, и не плохо. Это просто факт. Жизнь идет своим чередом. Но, боже мой, как же хочется сохранить эти крохотные разрозненные, затерянные кусочки большого паззла под названием «Город Ярославль»! Пусть хотя бы на фото, пусть на бумаге, ведь никакой гарантии, что такие кусочки проживут на городских улицах еще хотя бы год — нет, они же не памятники федерального значения (хотя и эти не вечны), они — **детали**.

Современный житель спешит мимо них по улице по делам, он занят, у него нет времени рассмотреть, да что там рассмотреть — просто заметить их. Порой нужно лишь поднять голову или посмотреть под ноги, но все мы настолько закрутились, что нам вечно не до них.

Ну да ничего. Зато есть я — молодой тунеядец, у которого всегда найдется свободная минутка побродить по родным улочкам, позадирать голову, ползать по обшарпанным дворам, заглянуть в такие углы нашего города, о которых и сам до этого дня знать не знал. А будучи с детства влюблен в архитектуру, историю и краеведение, я иногда даже понимаю, что же именно отыскал.

Я буду собирать такие детали, и в том порядке, в каком нравится мне. Я не профессионал и не собираюсь заниматься их классификацией и систематизацией. Я не претендую на историзм, на какую-то верную оценку, я вообще ни на что не претендую. Только личностный подход. Я — обычный горожанин, любящий свой город и его историю. Перед вами — мой субъективистский проект «Детали Ярославля», такого, каким его вижу я,

Ян Александрович Левин.

Ул. Максимова, 6

СТРАХОВАЯ ДОСКА

Страховое дело, проникнув в Россию в 1820-х годах, достигло расцвета ко второй половине XIX века. Страховали в основном недвижимость и чаще всего — от огня. На каждом застрахованном объекте размещали такую специальную жестяную табличку-клеймо, называемую страховой доской или жетоном. Традиция вешать доски пришла к нам из Европы, где подобные детали городской культуры существовали и в XVIII веке. Они красноречиво назывались «Fire Mark». «Пожарные отметины» наглядно свидетельствовали, что пожар пожаром, а хозяину, уплатившему взнос за страховку, — трын-трава. Денежки-то вернут!

Такая табличка служила и своеобразной рекламой того или иного общества, которых в Империи к рубежу XIX и XX веков насчитывались десятки. Она свидетельствовала и о статусе домовладельца. Коли есть у тебя деньги на страховку — значит, молодец, не из бедных. А уж показать свою зажиточность на всю улицу — это по-русски. Европейская традиция прижилась в России отлично.

В Ярославле, как и в других крупных городах, к революции многие дома были застрахованы

и, соответственно, имели материальные свидетельства об этом факте. Но табличек до нас дошли лишь жалкие единицы: после 1917 года старые страховые общества ушли в небытие, их заменило «советско-народное страхование», а монополист Госстрах уже не баловал былым разнообразием страховой рекламы.

Несмотря на постоянные утраты в ходе множества ремонтов фасадов зданий, некоторая часть царских страховых знаков таки дожила до наших дней.

И вот одна из таких страховых досок, в прекрасном для своего возраста состоянии, радует нас глаз в тихом уголке центра города — в начале улицы Максимова. 1827-й год — это год образования первого в стране Российского страхового общества. Значительная часть сохранившихся в Ярославле страховых жетонов принадлежит именно ему. Это-то самое общество и гарантировало возмещение убытков от огня владельцам здания по улице Всехсвятской, дом 2. Старый номер дома также великолепно сохранился, аккуратно под жетоном. Всехсвятская, 2 — это, собственно, и есть современный адрес Максимова, 6.

ОРБИТА

Ул. Андропова, 25

КЕРАМИЧЕСКАЯ ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

В начале XX века на волне увлечения модерном стало модно отделывать фасады домов кафельной или керамической плиткой, особенно в столицах, но и провинциальный Ярославль не стал исключением. Многие строительные организации занимались производством такой плитки, среди них московская «Декоративно-строительная контора» Артура Перкса, и лишь она единственная осталась в веках. И не только потому, что была одной из крупнейших, но и благодаря ноу-хау владельца: после облицовочных работ строительная бригада на каждом здании крепила его плитку-визитку с телефоном. Она монтировалась у входа, дабы было видно каждому.

Работа оказалась сверхкачественной — держится плитка больше века и сдаваться не собирается. И конторы-то уж в помине нет, и телефоны в Москве уже становятся десятизначными, и прошло сто с лишним годков, а люди все равно могут узнать, что был когда-то в мохнатые времена такой московский господин — Артуръ Перксъ, и даже номер его телефона. Вечная реклама!

Вечная, но не совсем. В большинстве случаев по всей стране плиточный декор так и утрачен, в основном триви-

ально замазан штукатуркой или краской. В Ярославле — один из немногих уцелевших образцов. Такие же пока живы в Москве на Покровке, Каланчевке, Никитской и, возможно, еще в нескольких местах. Раритетную плитку какая-то добрая душа догадалась сохранить при ремонте перехода Курского вокзала — ведь изначально его тоже облицовывали плиткой умника Перкса!

Ну а у нас благодаря этой перксовской плитке все отделанное ей здание вошло в городскую историю как «Кирпичи» («Кирпичики»). Так же назывался и молочный магазин, что был в здании еще каких-то десять лет назад. Это неофициальное, бытовое название прижилось и передается уже не одно поколение из уст в уста. От него же получил молодежное сленговое название и соседний продуктовый (на данный момент закрывшийся) на углу Андропова и Максимова, и сам перекресток этих улиц. «Ичи» — это молодежь XXI века ленится слово «Кирпичи» выговаривать.

Уникальная плитка, давшая жизнь городским топонимам разных эпох, год от года все хуже выглядит, время и люди стараются.

Ул. Будкина, 9/28

БАРЕЛЬЕФ С ГЕРБОМ РСФСР

Школа №40 на Комсомольской площади — одна из первых каменных построек, возведенных в Ярославле после разрушений в июле 1918 года. И потому по стилю представляет собой эклектику — полный компот, где намешаны самые разнообразные архитектурные решения: романтика первых послереволюционных лет отменила стеснявшие доселе архитекторов догмы и создала поле для экспериментов.

Такой же несообразной, как и само здание, представляется нам очаровательная деталь под крышей над главным входом — лепной барельеф. Дата его изготовления не совсем ясна. Одно известно точно — над ним работали не сами строители, потому что на фото двадцатых годов этой лепнины еще нет. 1924-й — год постройки школы, против этого не попрешь, равно как и против того, что назвали ее в честь только что почившего дорогого Владимира Ильича. Любопытнее всего центральная часть барельефа — герб.

Несмотря на надпись «С.С.С.Р.» над ним, очевидно, что нас вольно или невольно обманывают. Это не союзный герб, а герб РСФСР. Первый был узаконен лишь в январе 1924-го, здание в это время уже достраивали, создатели барельефа использовали символику РСФСР, которая существовала с 1918-го, — скорее всего, по привычке. Но тогда непонятны два момента: во-первых, почему над гербом РСФСР написано «С.С.С.Р.». А во-вторых, что на нем делает красная звезда, которая попала на этот герб лишь в 1978 году. Можно предположить, что современный вид барельеф принял лишь после этой даты. Окончательно запутывает картину именно аббревиатура «С.С.С.Р.» — с точками она могла быть сделана лишь до орфографической реформы середины 1950-х годов.

В общем, какое здание, такая и деталь. Компот. Гербово-орфографический компот.

БОНСЯ I
- там
СОБАКА

Ул. Циолковского, 8

ДАТИРОВКА ЧЕРЕПИЦЕЙ

Улица Циолковского находится в поселке Сокол, который, как известно, возник сразу после войны — около полусотни небольших, опрятных, одинаковых домиков. Цифры на крыше одного из них зафиксировали дату постройки — 1950, причем столь оригинальная маркировка (ярко-красная черепица по светло-коричневой) уникальна для Ярославля.

И сейчас, несмотря на прошедшие полвека и на то, что черепица в немецком вкусе была на части домов со временем заменена другими кровельными материалами, до сих пор что вблизи, что при взгляде со спутника поселок Сокол во всей своей планировке, в аккуратности деталей демонстрирует какой-то не наш порядок и неуловимо напоминает спокойную окраину какого-нибудь небольшого немецкого городка. Этот непривычный «орднунг» не оставляет сомнений — поселок строили, а может, и проектировали пленные немцы. Среди местных жителей бытует прозвище этих домиков — «финские», происхождение названия нам неизвестно, да и используют его лишь некоторые аборигены.

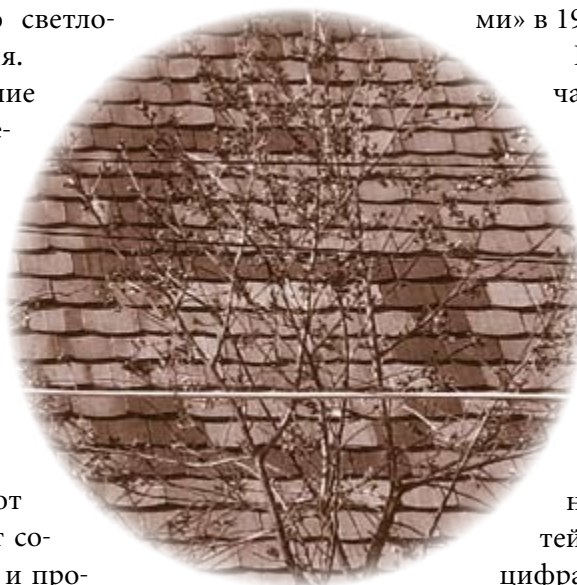
А между тем именно эти аккуратные бюргерские домики дали жизнь ныне раскрученному ярославскому то-

пониму — «Сокол». Но современный район многоэтажной жилой застройки имеет к послевоенному поселку косвенное отношение. Мало кто вдумывается в изначальный контекст этого названия. Тогда как топоним встречается во многих городах России. Дело в том, что «соколами» в 1930–1950-е годы называли летчиков.

Наш ярославский «летный» район не случайно появился именно здесь. Новый микрорайон «Сокол» стоит, практически, на месте бывшего военного аэродрома «Дядьково», на окраине которого усилиями пленных немцев (а может, и финнов) возник в начале 1950-х годов поселок для семей летчиков.

Любо-дорого представить, как летчик, живший в этом доме, заходил на посадку и еще в небе по этим гигантским черепичным «1950» без труда находил свой дом, представлял жену, детей, которые ждут его под этими самыми цифрами, а вероятно, и вспоминал тот светлый день тысяча девятьсот пятидесятого, когда он и его семья справили новоселье.

Кстати, а на посадку «наш» летчик заходил на взлетно-посадочную полосу, по которой теперь проложена прямая часть проспекта Фрунзе.

Ямская ул., 4

ПУЛЕМЕТ «МАКСИМ»

Дом номер 4 на Ямской улице — это добротный, отреставрированный особнячок с мезонином. Бывшая Тропинская слобода. Виднеется куб обезглавленной слободской Никольской церкви. Частная застройка. Бабушка с клюкой идет в магазин. Собачки наслаждаются уличной грязью. Несколько шагов от оживленной Мельничной улицы — а такая тишина и благодать.

Тем сильнее смотрится на этом чеховском мезонине такая неординарная деталь, как легендарный пулемет «Максим». Он закреплен на металлической раме, вмонтированной в фасад здания. По торцам здания пулемет фланкируют два российских флага, развевающихся на фасаде круглосуточно и круглогодично и постоянно обновляемых.

Нам неизвестны цели, с которыми владелец (владельцы?) здания предпринял этот оригинальнейший дизайнерский ход. Неведомы, к сожалению или к счастью, подвигшие их на это мысли и чувства. Вряд ли это

были нежность и любовь к американскому изобретателю Хайрему Максиму, в честь которого названы пулеметы. Нет, тут чувствуется что-то русское, этакий кураж. Хочется порыскать взглядом по окрестным кустам — а вдруг там замаскирована тачанка? Или за углом стоят во фронт господа офицеры?

В наше время всеобщего прагматизма и серебролюбия, в век евровагонки и профилей «Рехау» такая любовь к деталям декора, пусть даже столь оригинальным, не должна остаться незамеченной. Здание и пулемет принадлежат некой компании, ООО «Ремсервис». Оставим ее скромное имя на наших страницах, они заслужили и большее.

А в Ярославле есть еще один Максим, но стоит второй пулемет внутри дома. О деталях ярославских интерьеров мы, может быть, сделаем другую книгу.

Ул. Собинова, 25

УЗНАВАЕМЫЙ БРЕНД

Перед нами вновь страховая доска, но уже Северного общества, на текущий момент единственная из обнаруженных в центре города. Скупые строчки информации: Северное общество страхования и склада товаров учреждено в 1872 году в Москве. Производило операции по страхованию от огня движимого и недвижимого имущества, морских и речных судов, грузов, перевозимых по железным дорогам, морским и речным путям. Имело отделение в Петербурге и агентства в губернских и уездных городах России. Ликвидировано в ноябре 1918 года.

Прекрасно сохранившаяся, оригинальной формы доска на улице Срубной — Собинова является ярким примером работы «маркетологов» XIX века. Дело в том, что данная страховая компания пришла на рынок далеко не первой. К этому времени, к 1870-м годам, уже тысячи табличек конкурентов захватили фасады домов по всей Империи. Однако практически у всех страховщи-

ков, как правило, они были одинаковыми по форме — круглые, а еще чаще — овальные.

И вот работники Северного общества идут на смелый шаг: они делают свою эмблему в виде восьмиугольника. Пошли на риск и попали в точку — если в случае с примелькавшимися овалами зрителю приходилось приближаться практически вплотную к самому зданию, вчитываясь в надписи, кем же именно застрахован дом, то характерный восьмиугольник Северного страхового узнавался издалека.

Все без исключения страховые доски крепились на достаточно большой высоте, в месте, недостижимом случайному человеку, то есть потенциальному хулигану. В то же время жетон — это реклама, и потому он должен быть виден прохожему. Таким образом, своим, как сейчас бы сказали, маркетинговым ходом Северное страховое общество на шаг опередило конкурентов по части узнаваемости бренда.

МАГАЗИН

СТРОЙМАТЕРИАЛЫ

2000

Большая Федоровская ул., 1076

ОДНОГЛАВЫЙ ОРЕЛ

Дом по Большой Федоровской улице 1830-х годов постройки — один из редких для нашего города образчиков архитектуры, который можно отнести к такому стилю как «московский ампи́р». Несколько барельефов в виде орла с факелом в лапах — прямое тому подтверждение. Чтобы понять, откуда на скромном особнячке на бывшей окраине города взялись столь агрессивные для провинциальной глубинки символы, нужно представить себе атмосферу, царившую в Империи после победы над Наполеоном. Это был праздник, ликование всех слоев общества, которое всенародным усилием одолело непобедимую армию воинственного корсиканца. Культ победы в Отечественной войне процветал в России более ста лет, пока его не затмили культы советской пропаганды, а затем культ победы в другой Отечественной войне — Великой.

Триумф нашего оружия едва ли не в первую очередь пришел тогда отражение в архитектуре. Чрезвычайную популярность по всей Империи получает французский имперский стиль, вернее, его проекция на русскую действительность. Своего рода архитектурное отображение мощи российской

армии. Новые здания обильно украшаются «импортным» пышным декором с военной тематикой: это изображения лавровых венков, оружия, лошадиных голов, щитов и, конечно же, орлов. Даже государственный герб Российской Империи в эпоху Александра I претерпевает изменения: крылья у орла становятся широко раскинутыми и опущенными вниз, на манер наполеоновского, а в лапы вместо державы и скипетра попадают милитаристские атрибуты — молнии и стрелы, факел и фации (это такие пучки прутьев с топориком, воткнутым посередине), которые еще во времена Рима символизировали власть. Вариации на мотивы этого герба мы можем видеть и сейчас на эмблемах военных ведомств.

И вот к 30-м годам XIX столетия архитектурное эхо победы над Наполеоном докатилось и до ярославской Толчковской слободы. Построенный здесь особняк богато украсила лепнина «а ля ампи́р» — орел, восседающий на факеле. Вернее, шесть орлов. В каком-то смысле им повезло, что они оказались одноглавыми, а не традиционными двуглавыми — иначе маловероятно, что мы бы сейчас ими любовались. Впрочем, половина птиц и так уже осыпалась без чьей-либо идеологической помощи.

18
КАСС
1808

2076
АУТ. ШЕЧЕ

1801

Окраина Донского кладбища у пос. Текстилей

ПАМЯТНИК-ТРИБУНА

Это не надгробие в прямом смысле слова, а, скорее, своеобразный памятный знак, стоящий у одного из кладбищенских входов. Редчайший, тем более у нас, в Ярославле, образчик монументально-погостного конструктивизма. Главная особенность подобного памятника — это его утилитарность и многофункциональность. Конечно, около него можно поскорбеть об усопших. Но на такой монумент человек может подняться по мини-лестенкам, как на трибуну, чтобы обратиться к собравшимся пламенной речью, воззвать к праху убиенных, поднять в атаку, да чего уж там, даже призвать к подвигу. Здесь можно принимать в пионеры, что, собственно, и происходило в нашем варианте.

Этот ярославский Мавзолей сооружен в 1935 году в ознаменование тридцатилетия событий 1905 года на Ярославской Большой мануфактуре. Но первый бунт-протест против низкой заработной платы и чересчур долгого рабочего дня на ЯБМ произошел в 1895 году. Он был подавлен войсками, и впервые в городе в таком столкновении погиб человек. На другой день несколько тысяч человек вышли на улицы.

Еще одно выступление рабочих вошло в историю под названием «кровавая пятница», когда 9 декабря 1905 года

по всей стране прокатились митинги протеста. В этот день в столкновениях с казаками в Ярославле погибло 9 человек, в основном на пересечении Екатерининской (Андропова) и Воскресенской (Революционной) улиц. Похоронили убитых на Донском кладбище — месте захоронения рабочих фабричной слободы. Рядом с их прахом и возвели через 30 лет «мавзолей».

Созданный на закате эпохи конструктивизма памятник сделан из непрочных материалов. Однако, как оказалось, смена идеалов губит гораздо быстрее. Редкий образец конструктивизма уже, практически, развалился, пока его не отреставрировали общими усилиями в 2005 году. Несмотря на реконструкцию, эта едва ли не самая интересная архитектурная деталь всего кладбища, что у поселка Текстилей на Красном Перекопе, за три года вновь пришла в негодное состояние. И идеалы тут ни при чем.

Что касается «Красного Перекопа», то даже не все ярославцы знают, почему у старого фабричного района такое «копательное» название. Земляные работы тут ни при чем. В июне 1922 года рабочие присвоили национализированной мануфактуре новое название в честь победы над Врангелем в Крыму.

Угличская ул., 14

ДЕРЕВЯННЫЙ НАЛИЧНИК

Такой наличник смотрелся бы естественно на деревянном частном доме, а отнюдь не на заурядной, на первый взгляд, двухподъездной трехэтажке. Собственно, поэтому он и попал в коллекцию — подобное архитектурно-излишественное решение вряд ли найдется еще где-нибудь в городе. Нам неизвестна история этого скромного жилого домика на бывшей окраине. По слухам, его строили для военных.

Смотрим и не понимаем: то ли до революции построили, но тогда откуда конструктивистские штучки? А ведь еще и поздняя «сталинка» с ее ампиром проглядывает. Можно предположить, что это перестройка времен советских пятилеток, но в основе — здание еще более ранней эпохи. А ведь

именно детали и дают понять: перед нами — полный абзац. Деревянные наличники на фоне штукатурки прекрасно сохранились и, вместе с замыкающими их под окнами металлическими решетками, придают обалденный колорит изначально безликому фасаду дома.

Обогнув здание и зайдя во двор, мы видим еще одну деталь, которая в общем и целом достойна была бы занять отдельную строчку в нашем списке. Это вход в подъезд а ля портик. Мощные приземистые колонны, тяжелый крупный фронтон — так должен быть оформлен вход в античный храм. Два необыкновенных крылечка-портика вкупе с шикарнейшими деревянными наличниками окончательно рушат все представления о чистоте архитектурных стилей.

10

2-я Норская набережная, 10

РАЗРУБЛЕННАЯ НАБЕРЕЖНАЯ

Один из редчайших примеров сохранившихся у нас до-революционных домовых знаков. Хорош и ценен уже тем, что благополучно висит себе вот уже сколько лет, и можно даже его потрогать. О нумерации домов и знаках, для этого служивших, мы поговорим в другой раз, а сейчас интересное другое.

Поломав зрение, так можно прочесть цифры, когда-то нарисованные на табличке. Это число 30. Нынче же дом значится десятым. Ладно бы отклонение в 2–3 дома, такую погрешность всегда можно списать на сносы, перестройки, пожары, прочие человеческие обстоятельства. Но не двадцать же! Даже если сто лет прошло, превратить тридцатый дом в десятый в частном секторе сложновато.

Тут-то и можно стряхнуть пыль с полочек мозга, отвечающих за историю. А история гласит, что до революции в Норском была одна набережная, она и называлась очень оригинально — ул. Набережная. А уже в советское время ее разделили на две части (она действительно делится надвое впадающей в Волгу речкой Норой). И узаконили в Норском 1-ю и 2-ю Волжские набережные. Потом, когда Норское вошло в границы города, Волжских набережных в Ярославле оказалось как собак нерезаных, и норские варианты снова переименовали — соответственно, в 1-ю и 2-ю Норские.

Вот так вот наш дореволюционный тридцатый дом и стал советским десятым.

ДЕТСКИЙ
САД № 5

НА ФЕДОРОВСКОЙ
СПОРТЗАДАНИЕ
ДЛЯ СЛУЖБ СПОРТОВЫХ
И ВОДОСНАБЖЕНИЯ

Зеленцовская ул., 11

КИРПИЧНАЯ ДАТИРОВКА ЗДАНИЯ

Улица Зеленцовская практически на всем ее протяжении позволяет нам представить, как выглядели окраины нашего города сто лет назад. Точнее, его Закоторосльская часть. Чуть ли не каждый дом здесь построен до 1917 года, об этом свидетельствуют наши верные помощники — страховые доски Великой Империи. Их самих, в той или иной степени сохранности, или же следы от них мы можем видеть аж на шести домах подряд. Рядом с домом Кобытова, построенным в самом начале XVIII века, мы видим нашу очередную деталь. Она заметна и бросается в глаза издали.

Дом за номером одиннадцать по улице Зеленцовской, бесспорно, является флигелем

или подсобным помещением здания номер 13 — вместе они образуют единый архитектурный комплекс, причем сохранились даже ворота в стиле модерн. Сам же так называемый «казенный краснокирпичный» стиль не оставляет сомнений во времени постройки ансамбля — это рубеж XIX и XX веков. Взгляд на меньшую постройку позволяет уточнить — 1908-й год. Стоит отметить, что способ зафиксировать датировку с помощью кирпичей, выступающих из фасада, является одним из самых надежных и практичных, в отличие от лепнины, которая имеет свойство со временем осыпаться либо же становиться жертвой злоумышления.

Ул. Станция Урочь, 10

ДЕРЕВЯННАЯ НАДПИСЬ

Место действия — Тверицы, ближнее ярославское Заволжье. Эта старинная слобода, известная, кажется, с XIV века, названа так потому, что ярославский князь Василий Васильевич насильно поселил здесь пленных тверичей. Наши местные руководители вон еще когда поняли, что с некоей Москвой дружить-то надо: выступили союзниками первопрестольной против гордой Твери.

Нашу следующую деталь можно увидеть на улице со странным названием «Станция Урочь». Лаконичная, простенькая надпись «ШКОЛА» сделана из дерева и размещена под самой крышей здания. Когда появилась надпись, неизвестно, но, судя по всему, это первая половина XX века. И вполне вероятно, что она существует со дня постройки школы. Если так, то это 1900-й год. Школа №97, расположенная здесь в наши дни, уже справила свое столетие. Здание всю жизнь было школьным, в нем находилось начальное урочское училище. А его нынешний странный адрес напоминает нам о тех временах, когда вся эта территория была вотчиной железнодорожников.

До постройки моста здесь находилась станция Урочь, фактически являвшаяся вторым, заволжским ярославским вокзалом. Путешественник, совершавший вояж, напри-

мер, до Вологды или Архангельска, в Ярославле застревал на довольно долгое время. Так, выйдя на конечной станции — Московском вокзале, он на извозчике (с 1901 года — и на трамвае) ехал на пристань, где пересаживался на паром или весельную лодку. После переправы на заволжский берег — пешочком на урочский вокзал, где его уже ждал под парами поезд на Север.

После постройки моста в 1913 году эти пассажирские мытарства миновали. Но это же привело и к утрате значения урочского вокзала (хотя он действовал еще и в Великую Отечественную войну).

Однако это будет нескоро. А сейчас на дворе — 1900-й год, заволжскую станцию и ремонтные мастерские обслуживают две

тысячи человек. И вот комитет управления Московско-Ярославско-Архангельской железной дорогой принимает решение открыть для детей тверицких железнодорожников начальное училище, а для него — построить в поселке этих самых железнодорожников новое здание.

Сказано — сделано. Из дерева тогда строили быстро. Меньше чем через год новая школа распахнула двери. Приятен глазу деревянный модерн — такое здание и на центральной улице не затерялось бы.

свадебный салон

ТЦ "КОРОНА"

ул. Б. Октябрьская, д. 32

2 этаж, вход через арку

СТОП

Ул. Свободы, 13

РУЧНАЯ РАБОТА

Потрескавшаяся, выдавшая виды вывеска смотрится на оживленной улице на фоне окружающей ее современной рекламы странным пережитком. И верно, вывеска была изготовлена еще в перестроечные годы, и вместе со своей небольшой книжной лавочкой мужественно прошла сквозь горнило всех 1990-х и продолжает и в наши дни доблестно отбивать атаки ювелирно-обувных магазинов.

У меня присутствует смутное подозрение, что красоваться этому раритету осталось недолго, и поэтому он про-

сто должен попасть в мою коллекцию. Тем более, что его изготовила моя мать.

Казалось бы, прошло совсем немного времени, а в наш век рекламных агентств, широких форматов, пленки-самоклейки и прочих баннеров сложно представить, что когда-то, а всего каких-то двадцать лет назад, вся наружная реклама делалась исключительно вручную. Такими вот кустарями-одиночками, художниками-оформителями, вроде родной мамы автора.

Ул. Карла Либкнехта, 45

«БЫКИ»

В Ярославле, на Пятерке, в самом конце сороковых годов было построено несколько новых кварталов, а посреди них — типовые продуктовые магазины. Строили здесь немцы, а у этих ребят все четко-логично-казарменно. Три дома — управа — магазин — два дома — почта. Три дома — церковь — магазин — два дома — тюрьма. И поехали таким манером целый город возводить. Вот и украшают «немецкие» кварталы Пятерки, в районе улиц с говорящими интернациональными названиями Карла Либкнехта и Розы Люксембург, типовые продуктовые.

Всенародную известность получил лишь один из магазинов. И стал он первым среди равных именно благодаря одной своей маленькой детали. Он единственный великолепно украшен так называемым «продуктовым» сталинским барельефом. Это характерно для многих продовольственных магазинов, расположенных в домах конца 1940-х — начала 1950-х годов. В данном случае строители пошли дальше и помимо традиционной роскошной гирлянды из овощей и фруктов увенчали композицию огромной бычьей (коровьей) головой, призванной слу-

жить наглядным доказательством богатства мясного ассортимента данного магазина в частности и советской страны в целом.

Грустный коровий лик моментально закрепил за магазином народное название «Быки», которое активно употребляется и поныне. И более того — он стал неофициальным символом всей этой части Пятерки. Еще некоторое время назад бык выглядел сильно помятым, он даже потерял в неравной схватке со временем один рог, но в ходе реставрации домов по улице Либкнехта летом 2007 года восстановил потерю и ныне вновь радует глаз многочисленных посетителей скромного районного магазинчика.

Вообще-то такой вид скульптурного украшения зданий в форме головы человека или животного в анфас, как на масках, называется маскароном.

Их в наши детали попало несколько.

Надо еще про народное название всего этого района сказать. Когда стал он расти, к новостройкам по улице Чкалова проложили трамвайную линию, и маршрут получил номер 5. Потом маршруты в городе перенумеровали, но в ярославском быту район так и остался Пятеркой.

ЗАПЧАСТИ ДЛЯ ИНОМАРОК
GENERAL AUTO

GENERAL AUTO

1970
1975
1980

Ул. Суркова, 18

СЛУХОВОЕ ОКНО

Небольшое здание по улице Воздвиженской — Суркова, дом № 18 представляет собой постройку начала XX века в «кирпичном» стиле. Очевидно, это был либо флигель, либо так называемая «палатка», то есть попросту отдельно стоящий магазин.

Такие магазинчики, лавки-палатки, строили обычно купцы. Хотя постройкой подобного рода заведений не пренебрегали и целые заводы — в них было удобно реализовывать свою продукцию, от спичек и пуговиц до водки и костюмов.

Зданий такого плана по всей стране тысячи, торговля в Империи была развита, в одном только нашем городе их насчитывается минимум несколько десятков, и в каждом из них есть слуховое окно. Они служат для освещения чердачного помещения, но основное их назначение — чтобы воздух циркулировал в пространстве под крышей и влага и солнце не портили стропильные конструкции. А «слушать там нечего» — это еще Владимир Иванович Даль отмечал. Есть легенда, что такое название окна получили в честь

мастера Слухова, который в 1824 году специально устроил такие в чердаке московского Манежа.

Попало в нашу коллекцию именно это окно по весьма любопытной причине. В 2007 году в помещении был организован зал игровых автоматов, и владелец обложил постройку дополнительным слоем безликого кирпича, очевидно, чтобы лудоманы не мерзли холодными ярославскими зимами и могли спустить очередную пятихаточку в комфорте. Так вот, на примере данного объекта отчетливо видно, что современные работнички не справились с задачей, элементарной для камнездателей прошлого, — выложить окно из кирпича круглым.

Оказывается, не больно-то и надо было стараться. Уже буквально через год у флигеля-палатки опять меняется целевое назначение. Нынче здесь магазин автозапчастей. Тут не стали мудрствовать лукаво: зачем что-то обкладывать кирпичом, если окно вообще можно заткнуть рекламой и не париться.

Интересно, каких вершин в строительном искусстве достигнет следующий собственник?

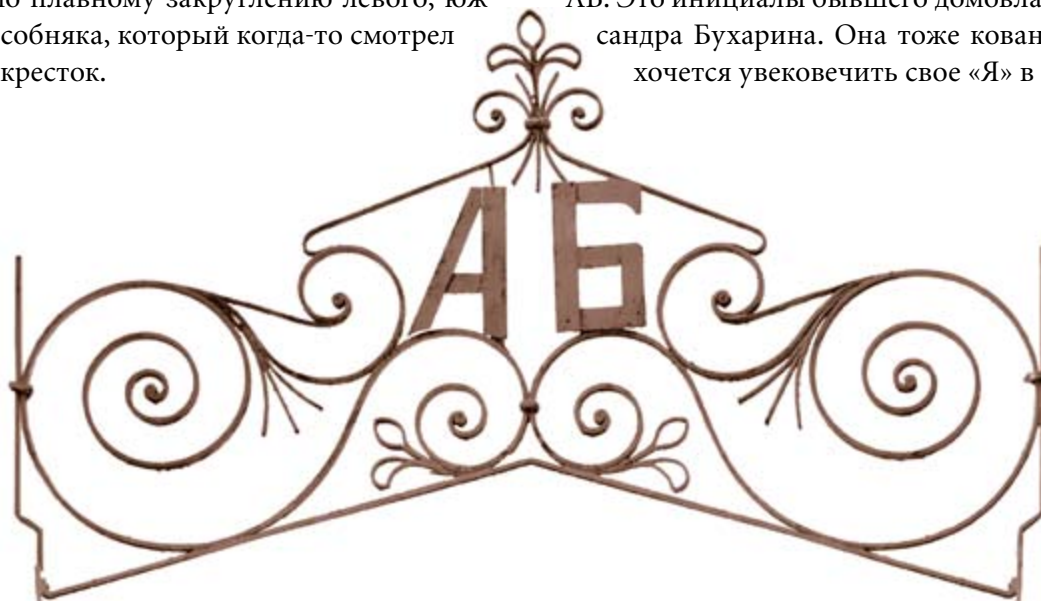
Советская ул., 7

ИНИЦИАЛЫ ВЛАДЕЛЬЦА

Этот жилой дом был построен в 1905 году там, где небольшая улица Всехсвятская, миновав церкви прихода, давшего ей имя, через сотню саженей упиралась в широкую Пробойную — Ильинскую. Нет теперь храмов, и улица Максимова на Советскую больше не выходит: путь ее застроен сталинским домом. Но бывший ее выход, Т-образный перекресток Всехсвятской с Ильинской, можно угадать именно по плавному закруглению левого, южного торца старого особняка, который когда-то смотрел аккуратно на этот перекресток.

Постройка несет на себе обильные металлические украшения: кованые узоры решетки балюстрады по всему верху здания и на балконе, а еще нарядный портик с чугунными колоннами. Модерн.

Вот среди этих украшений и выделяется Деталь, да еще дважды повторяется. Над парадным, закругленным углом здания, а также над входом мы видим монограмму: АБ. Это инициалы бывшего домовладельца — купца Александра Бухарина. Она тоже кованая — человеку всегда хочется увековечить свое «Я» в чем-то попрочнее.

Автозаводская ул., 1

УПАВШАЯ ЗВЕЗДА

Здание автомеханического техникума — одна из самых масштабных построек эпохи конструктивизма в нашем городе. Несмотря на официальную прописку по Автозаводской улице, его протяженный фасад выходит на другую — Кузнецова. Когда-то оживленная, служившая дорогой от вокзала к автозаводу (в былые времена производившего автомобили и даже двухэтажные троллейбусы, а теперь моторы), ныне улица Кузнецова спокойна и тиха. Спокойными кажутся теперь и строгие формы здания, столь характерные для времени его строительства (1930–1932). Его аскетизм и лаконичность подчеркивает фасадное украшение — герб Советского Союза на спортзале техникума.

Это одно из немногих сохранившихся в Ярославле изображений так называемого «раннего» герба, на котором присутствуют вместо привыч-

ных с хрущевских времен пятнадцати всего лишь шесть лент, перевязывающих колосья и символизирующих число республик. Это означает, что перед нами герб образца 1924–1930 годов. Ленты стилизованы и упрощены, как, собственно, и весь герб, создатели барельефа не стали на них фигурно выписывать традиционные разноязычные «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», и эта стилизация — вполне в духе конструктивизма.

Несмотря на 78 лет, прошедших со дня изготовления, барельеф мужественно прошел испытания временем и неплохо держится, лишь над серпом и молотом выпала звездочка. Эта утрата символична — не малая звездочка с Автомеханического техникума упала, а закатилась звезда всего Союза.

Первомайская ул., 13а

ДВЕРЦА В НИКУДА

Одноэтажный дом вот уже третье столетие искусно скрывается от глаз прохожего на одной из самых оживленных улиц города. В ходе веков он, само собой разумеется, регулярно перестраивался, надстраивался, пристраивался. И вот итог одной из таких переделок — появление загадочной маленькой дверцы, ведущей в никуда. Под ней остались следы существования какой-то конструкции, но об ее происхождении и предназначении можно только догадываться. Это мог быть миниатюрный балкончик для цветов, со временем осыпавшийся, а мог быть кронштейн для приемки грузов на оборудованный под склад чердак.

Но как бы там ни было — дверца на одном из последних одноэтажных домов в исторической части города (до сих пор обитаемом) смотрится крайне колоритно. Здесь вообще сохранился уголок старого Ярославля, один из тех, что затеряны в тихих двориках, куда редко заглядывают люди. В двадцати метрах бурлит жизнь, несутся машины, а здесь время как будто остановилось. Здесь у окна растут подсолнухи, на окне греется кошка, а в крохотном палисадничке сушится белье. Я видел все это здесь не раз, но не догадывался сфотографировать. Сегодня дворик выглядит чуток по-другому, но и это — идиллия, которая переносит нас на много десятилетий назад.

Ул. Белинского, 6

СТАЛЬНЫЕ ЛАВРЫ

Эта часть Пятерки по-своему элегантна и импозантна — немцы всегда умели строить. Даже будучи в плену. Гуляя среди застройки конца сороковых годов, можно на секунду представить, что ты в пригороде Кенигсберга или Нюрнберга. Действительно, среди взятых в плен немцев было немало и квалифицированных инженеров, строивших довоенную Германию. Такие специалисты под бдительным присмотром возводили у нас не только отдельные дома, но, как мы уже видели, целые кварталы. Однако товарищи пленные немцы были обязаны не забывать, для кого они строят и кем они побеждены.

Такие кварталы можно встретить в городах всей нашей страны, и на многих послевоенных домах в них мы встречаемся с чрезвычайно насыщенной советской символикой, притом в победном духе. И далеко не все они строились побежденными. Однако именно на «немецких» домах, как ни на каких других, триумфальнее, памятнее и победительней смотрятся лавровые и прочие венки, изображения

оружия, гербы и эмблемы страны Советов, которые можно в изобилии наблюдать как раз на таких вот двухэтажных домиках на тихих улицах ближней Пятерки в нефронтонном Ярославле.

Но шестой дом по улице Белинского выделяется даже среди своих соседей. Оформление его входа, козырек над ним, несмотря на прошедшие десятилетия, возвращает нас к той Великой Победе. Пятиконечная звезда Красной армии триумфально обрамлена пышным венком из четырех слоев стального листа. А нижняя горизонталь победного фрон-

тона — стальная же лента с просечкой античного узора. Подобный же козырек, мы встретим и над балконом дома-близнеца в заволжском Среднем поселке (в описании детали за номером 80).

Увы, времена железного козырька, как и времена Советской армии, практически подошли к концу — он вот-вот обрушится.

Ул. Чайковского, 76/34

ЛЕВ В СВАСТИКЕ

На пересечении улиц Чайковского и Некрасова при взгляде на украшение угла четырехэтажного новодела создается впечатление, будто снято оно с дома Павлова конца XVIII века, что стоит напротив него через дорогу, и насильно пересажено на современный фасад. Этот факт может быть объяснен порывом архитекторов 90-х годов XX века (когда и было построено здание) уйти от тоскливой безликости панельных зданий предыдущих десятилетий. Постмодернистские фасады этого углового дома назвать унылыми точно никак нельзя — их автор явно был весьма озабочен поисками новых архитектурно-декоративных форм.

Тем не менее маскарон, хоть и смотрится ни к селу ни к городу на новом доме, изюминку ему при-

дает. Более того, при взгляде на него метров с пяти начинаешь думать, что архитекторы воплотили в маскароне свои совсем уж какие-то скрытые идеологические порывы — в барельефном обрамлении хищного львиного оскала отчетливо видится стилизованная свастика.

Любопытно, что в данном случае мы имеем дело с извечным процессом развития городской культурной среды. Вернее, того частного случая, когда небольшая материальная деталь окружающего пространства дает жизнь новому топониму. Жители окрестных домов уже понемногу начинают увековечивать упомянутое украшение в неувядающем фольклоре: «Встречаемся через 15 минут у свастики».

Край кладбища у Софийской церкви (Тверицкая набережная, 77)

ОБЛОМОК КРЕСТА

Конечно, если специально рыскать по ярославским погостам, подобных своеобразных «деталей» можно обнаружить не одну сотню. Кладбище — это особый мир, особая категория и, естественно, требует отдельного разговора. Но в данном случае мы не можем не внести эту деталь в наш список.

Несмотря на то, что церковь Софии Премудрости Божией 1766 года, что в бывшем селе Савино, в годы советской власти была превращена в склад, а сельское кладбище, утратив часть могил, пребывало долгие годы в совершенно разоренном состоянии, оно частично сохранилось и до наших дней.

На небольшой тропинке, идущей, казалось бы, мимо него, среди зарослей крапивы и репейника путнику внезапно предстает обломок могильного креста с надписью «во царствіи». Людей вокруг почти никогда не бывает. Находка может нагнать легкую жуть, словно кто-то именно тебя этим облом-

ком отправляет в то Христово царствие, «где нет ни греха ни зла», и за тебя молит Его словами: «Прими во царствие Твое».

Нет, не узнать уже никогда, кто был тот человек, который, как разбойник в Евангелии от Луки, просил Иисуса: «Помяни меня, Господи, когда приидеши в Царствие Твое!» Но хочется верить, что «И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (XXIII, 42–43).

Я наткнулся на эту деталь в июне 2005 года, сейчас бывшая сельская церковь потихоньку восстанавливается, над поставленной главкой воздвигли крест и кладбище привели в относительный порядок.

Пос. Починки, 13-я линия, 14

ДЕРЕВЯННЫЕ ЦИФРЫ

В нашем кондуите среди объектов, на которых увековечена дата создания, чаще попадаются казенные здания. Хотя вообще-то официальные могли бы этим и пренебрегать, ибо государству не до таких мелочей. Главное, чтобы представительно было и внушало почтение.

Тем драгоценнее становятся редкие экземпляры фасадной датировки небольших частных домиков, и особенно — сделанные из дерева, наследующие, кстати, древним традициям украшать избу резьбой. Видя столь любовное отношение к деталям, понимаешь, что владелец кирпичного дома за номером 14 по 13-й линии поселка Починки, что расположился всеми своими линиями сразу за комбинатом

«Красный Перекоп», отчетливо осознавал (осознает?) свое место в жизни и пространстве. У правнуков не возникнет вопросов, когда же их прадедущка построил дом, и потенциальные новые владельцы не будут задаваться этим вопросом. Да и самому приятно: глянул на цифру — и вспомнил былое, как строил дом, как начинал свою жизнь, как был молодым.

Сначала выпилить по одной из дерева цифры, потом залезть под крышу, намертво прикрепить к стене (поди привинтил шурупами?) и покрасить композицию в завершение процесса. Такое отношение к мелочам, из которых по большому счету и состоит жизнь, может вызвать только восхищение.

ЧЕЛОВЕК
ЗЕМЛЯ
ВСЕЛЕННАЯ

Пос. Ивняки, Центральная ул., 2

ЧЕЛОВЕК! ЗЕМЛЯ! ВСЕЛЕННАЯ!

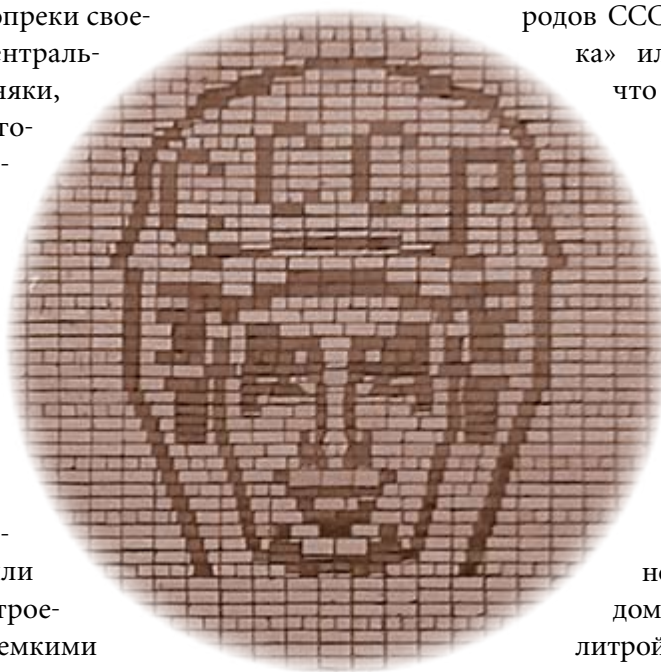
За «Красным Перекопом», от Которосли до Окружной автодороги, в зоне приятной досягаемости раскинулось несколько поселков: Починки, Творогово (в нем аж три десятка улиц-«линий!»), Ивняки. Вот в этом самом поселке Ивняки, а не в центре Ярославля, вопреки своему названию, находится улица Центральная. Дело в том, что формально Ивняки, в отличие от соседей, за пределами городской черты. Ну, коли самостийны — имеют право на собственную Центральную.

Усладой для глаз местных обитателей является просто невероятный шедевр неизвестного советского архитектора 80-х годов XX столетия. Еще в конце 70-х, несмотря на продолжавшееся в стране засилье типовой жилой застройки, стали появляться и проблемы. Так, проектировщики получили право на свой вкус приукрашивать строения недорогостоящими и нетрудовыми способами — например, выкладывать на стенах домов панно из кирпичей разного цвета. Ну и, соответственно, каждый архитектор, вынужденный штамповать типовые дома, но в душе которого жил бес творчества,

творил на всю катушку. В рамках дозволенного синтеза экономии, идеологии и искусств.

Именно этим тенденциям мы обязаны фундаментальными многометровыми надписями на окраинах городов СССР, вроде «Спички детям не игрушка» или «Дело Ленина верное, потому что оно — Маркса!»

В стремлении придать обычной жилой коробке индивидуальность и шарм, бесспорно, больше, чем кто-либо другой в нашем городе, преуспел неведомый проектировщик дома номер два по этой самой улице Центральной. До сих пор грандиозная по своей брутальности композиция заставляет снова и снова задумываться о смысле всего сущего не только жителей Центральной улицы, но и редких случайных гостей. Идешь домой из ларька, что напротив, с поллитрой и шоколадкой «Кузя, друг Аленки», думаешь о плотском, о жене, о детишках, о родном совхозе «Пахма», а тут — бах: ЧЕЛОВЕК! ЗЕМЛЯ! ВСЕЛЕННАЯ! Этот призыв (или утверждение?) в состоянии затронуть самые нежные, скрытые, глубинные струны души любого соотечественника.

У дома № 22 на ул. Союзной

ИЗБУШКА НАД ВОДРАЗБОРНОЙ КОЛОНКОЙ

Волга-матушка не всегда была такой величавой и спокойной, как в наши дни. То есть величавой-то была, но вот давным-давно, когда даже еще не родилась Людмила Зыкина, пологий левый заволжский берег регулярно затопляло. Во время разлива возвышенности в левобережье Волги превращались в настоящие острова. По этим-то высоким местам и пролегли параллельно великой реке основные тверицкие улицы.

Мы поведем разговор о детали, встретившейся на самой длинной из продольных улиц в старых Тверицах — Союзной. Главная, на наш взгляд, достопримечательность бывшей Архангельской улицы — водоразборная колонка рядом с домом 22. Ее местное название — «бассейка» — живет в обиходе местных жителей до сих пор, а корнями уходит еще в дореволюционные времена, когда в народе так называли водонапорные колонки. Тверицы богаты

подземными водами и издавна славились своими источниками, но на данный момент осталась лишь одна действующая артезианская скважина. Но здесь у дороги на улице Союзной стоит не насосный механизм в чугунном корпусе, еще встречающийся в других местах, а таинственная бревенчатая избушка.

Оборудованная еще до войны, она неплохо прошла испытание временем и до сих пор исправно служит людям. Хотя мне, не технарю, не понятен принцип работы насосной системы, спрятанной за заколоченной дверью и не дающей сбоев уже много десятилетий. А глубина скважины вообще никому не известна. Известно одно, и сам пробовал: десяток размашистых движений железным рычагом, минута ожидания — и из трубы, торчащей из избушки, хлынет чистейшая питьевая вода. Холодная и вкусная. Настоящая артезианская. Yaroslavl's water. The one and only.

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ТОЛБУХИН
ФЕДОР ИВАНОВИЧ
1894 - 1949

Юбилейная пл., памятник Ф. И. Толбухину

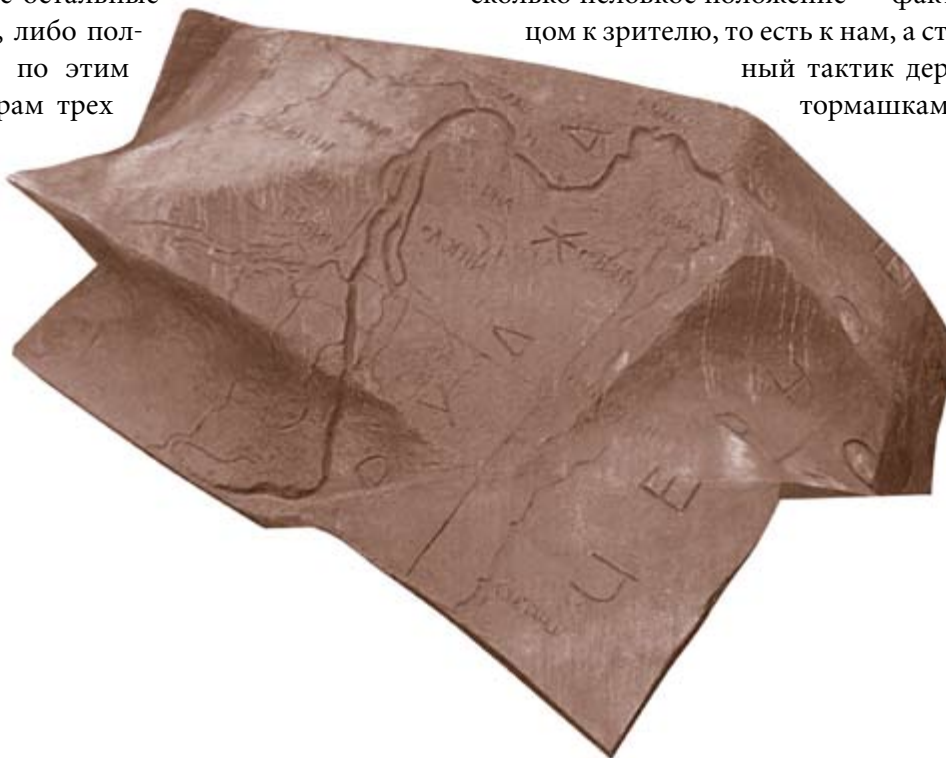
ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА

Скорее всего, мало кому придет в голову детально разглядывать памятник нашему прославленному земляку-полководцу, еще меньше найдется интересующихся, кто будет вчитываться в бумажку у маршала в руках: мол, что же там у него написано?

А если взглядеться, столкнешься с некоторыми несуразностями, потому что на карте четко идентифицируется только большая надпись «Черное море» и название города на нем — Констанца, все остальные надписи — либо невняты, либо полная ахиня. Тем не менее по этим данным, а также по контурам трех широких рукавов реки, впадающей в море, стано-

вится ясно, что в руках у Федора Ивановича не что иное, как карта дельты Дуная.

Не совсем ясно, почему авторы памятника — Ю. Г. Орехов и Э. И. Хидиров — в уже далеком 1972 году выбрали для воспроизведения в металле план именно этого участка боевых действий, благо за плечами командующего Третим Украинским фронтом есть и более важные операции. Но вот то, что они косвенно поставили Толбухина в несколько неловкое положение — факт. Карта находится лицом к зрителю, то есть к нам, а стало быть, прославленный тактик держит ее в руках вверх тормашками.

2-я Краснохолмская ул., 5

НОРСКИЙ ПРОСПЕКТ

Вряд ли когда-то жители села Норского, что находилось в 18 километрах вверх по Волге от губернского центра, города Ярославля, могли представить, что их село станет частью этого самого губернского центра. Жизнь Норского села и Норского Посада, конечно, протекала в тесной взаимосвязи с «городом», как здесь говорили, но, тем не менее, у здешних обитателей всегда было осознание своего места в жизни — они отдельно! Своя фабрика, и не одна, четыре церкви, три кабака, пять тысяч населения — сдался нам этот Ярославль!

Жители теперешнего Норского со свойственным им чувством юмора замахнулись на большее. Одну из центральных улиц экс-села и одну из самых северных в современном Ярославле — улицу 2-ю Краснохолмскую украшает домовый знак с гордой надписью «Невский проспект, 186». Таблич-

ка прибита даже не на сам дом, а на подсобное помещение, фасадом выходящее на другую улицу — 1-ю Кольцову.

Перекресток этих двух сверхоживленных магистралей и стал жертвой остроумия русского народа, нарекшего этот адрес Невским проспектом. Воздадим хвалу владельцам дома, и не только за юмор, но и за сохранность весьма ценного раритета. Во-первых, номерная табличка не из современных, а аж довоенная, сейчас и в Питере такие наперечет. А во-вторых, дома номер 186 по Невскому ныне не существует. Судя по всему, он был снесен вместе с десятками других построек при строительстве коробки гостиницы «Москва» в 1974 году. А вот душа этого уничтоженного дома — его номерной знак прихотью истории очутился в нашем старом добром Норском.

Тверицкое кладбище

ПАМЯТИ МАЛЕНЬКИХ БЛОКАДНИКОВ

Перед нами не надгробная плита, как может подумать-ся. Это — памятник детям блокадного Ленинграда, установленный у входа на кладбище 22 июня 1998 года. Это один из немногих мемориальных знаков подобного рода в нашей стране. Самый известный находится на «Дороге жизни» у Ладоги.

Скупая надпись на металлической табличке гласит: «Здесь покоятся дети блокадного Ленинграда, похороненные в декабре 1942 года. Имена неизвестны, но люди помнят о них, безвинных жертвах войны».

Вспомним о них и мы. Ярославль был перевалочной базой для отправки в глубь страны эвакуированных ленинградцев. Последние исторические исследования свидетельствуют о том, что в нашем городе, как первом крупном

узловом пересадочном пункте, с поездов и судов, следовавших из Ленинграда, снимали множество трупов и в спешке хоронили на всех городских кладбищах.

Информация об этой трагедии долгое время была засекречена, и первые сведения о погибших начали появляться лишь к концу 90-х годов XX столетия.

Тогда-то на пожертвования ярославцев и была установлена эта памятная стела на Тверицком кладбище — по этим сведениям, здесь было одно из мест массового захоронения маленьких ленинградцев. Точные места детских братских могил так и остались неизвестными, но собранные данные говорят нам, что в тверицкой земле покоятся около тысячи детей.

Сквер на пл. Челюскинцев, памятник П. Г. Демидову

МОЛОТОК И ЦИРКУЛИ: КРУТОМ МАСОНЫ

Первый вуз основал в нашем городе Павел Григорьевич Демидов, благодарные ярославцы воздвигли ему памятник, но простоял он немногим более века — в 1931 году «Демидовской столп» разобрали. К этому времени не было уже и здания самого Демидовского лицея. В 2005 году столп восстановили, и теперь на нем, точной копии первого, по-прежнему красуется, переливаясь на солнце, знаменитый герб рода Демидовых.

Споры относительно смысловой нагрузки демидовского герба не утихают до сих пор, пожалуй, даже усиливаются: во-первых, на нем есть серебряный молоток; во-вторых, на поле присутствуют еще и три рудоискательные лозы (в ярославском исполнении герба они похожи на зигзаг). И молоточек, и лозы объясняются главными видами деятельности Демидовых-предпринимателей — горно-заводским и железоделательным.

Казалось, на этом наше описание детали можно было бы и прекратить, но, как говорится, есть один фактор, и этот фактор — трактор. Дело в том, что большое количество людей склонны усматривать в этом гербе традиционные символы масонов, «вольных каменщиков». С молотком во-

обще сомнений нет никаких — это один из основных масонских символов, но и в лозах усматривается прямо-таки невероятное сходство с циркулями — еще одним распространенным атрибутом масонской ложи.

Были ли Демидовы «фармазонами»? Оставим этот щепетильный и животрепещущий вопрос на изучение профессионалам. А вот с гербом, официальное описание которого любой любознательный тунеядец, вроде меня, может найти в «Общем гербовнике дворянских родов Российской империи», все ясно. Строгие научные данные говорят, что создан он был неким Франциском Санти в 1720-х годах. А российских подданных в масонах до 1730-х годов просто-напросто не было, опять по тем же научным данным.

Но вот иностранцам, например, малоинтересна история России, не говоря уже о научных данных. А между прочим, на Западе масонские символы гораздо более известны и популярны, чем у нас здесь, в России. И можно представить себе чувства европейских туристов, через тридевять земель попадающих в провинциальный русский город, в котором они видят такой «насыщенный» герб. — «Мда... и сюда добрались!»

У пересечения ул. Магистральной с железнодорожными путями

ДЕДУШКА

Воткни вилку в розетку — заработает чайник и в пару минут даст тебе горячую воду. Щелкни выключателем — и комнату зальет свет. Улицы освещают тысячи фонарей и сотни тысяч фар. Ключевое прилагательное ко всем этим существительным — и к розетке, и к чайнику, и к выключателю, и к фонарю, и даже к фаре — это слово «электрический».

В наш век электричество давным-давно уже стало чем-то естественным, без чего не представляется ни домашний быт, ни окружающая городская среда. Однако оно появилось в жизни Ярославля лишь сто с небольшим лет назад. А до этого момента, и долго после, жизнью нашего города, как и всего цивилизованного мира, заправлял ПАР. Его эпоха длилась, собственно, ничуть не меньше — более ста лет.

Это не могло не отразиться на материальной культуре города. Для получения пара нужно много воды и много огня. Чтобы получить много огня, нужно много топлива. Такие большие потребности в воде и топливе не утаишь, на улице не спрячешь. Во второй половине XIX века Ярославль заполняют многочисленные водокачки, водонапорные башни, цистерны, склады с углем, пакгаузы с дровами. На заводах вовсю пыхтят паровые машины, по железным дорогам приходят первые

паровозы, а с Волги доносятся sireны пароходов. Сплошное царство пара. Конечно, Ярославль — не Нью-Йорк, где бьющий из-под земли пар стал чуть ли не символом города, но и у нас новейшие технические открытия обусловили этот небывалый, индустриальный вид города.

И хороший пример этому — гидроколонка, что чудом сохранилась при пересечении улицы Магистральной и старых железнодорожных путей, идущих от полустанка Всполье, а ныне вокзала Ярославль-Главный. Из таких гидроколонок когда-то подавали воду в тендеры паровозов. Стояли они вдоль железнодорожного полотна примерно через каждые двадцать километров — паровозы «кушали» немало воды, как и угля. Угольные склады к достопримечательностям городского пространства не отнесешь, а вот старую гидроколонку — вполне.

Ведь она — произведение промышленного дизайна рубежа XIX–XX веков.

Единственный немой свидетель эпохи пара, затерявшийся среди десятков тысяч электрических столбов. Пар даже проигравшим нельзя назвать. Скорее — дедушкой, прародителем. А старших, как известно, надо уважать. И вот эта гидроколонка — в наших Деталях. Интересно, а какими будут правнуки у этого дедушки?

Ул. Ползунова, 7

НОЧЬ, УЛИЦА, ФОНАРЬ, АПТЕКА...

1940–50-е годы. Ночь. Моросит дождь. Угадываются мрачноватые углы деревянных домов, спешит домой одинокий прохожий (в аптеку ходил — за лекарством для старенькой мамы), а над всем этим качается от ветра одинокий фонарь на крюке. Свет от него не разливается мягко по окрестностям, а расходящимся пучком направлен в землю, этакий качающийся конус из света. Он, единственный источник света на темных улицах и переулках, притягивает к себе все живое.

И кошку, и человека, и ночных мотыльков. Все вышеописанное — регулярно встречающиеся сцены из советского кинематографа середины XX века.

Один из символов эпохи, легендарный уличный фонарь с металлическим абажуром (именно благодаря ему копка света и направлена вниз) мы до сих пор в исправном состоянии можем видеть на доме №7 по улице Ползунова, что в самом начале Суздальского шоссе. Это поселок бывшего паровозоремонтного завода (ныне ЯЭРЗ).

Питается такой фонарь от домовой электрической сети, а сделан, как и большинство предметов той поры, — на века. И тот факт, что мы можем сейчас им любоваться, — лишнее тому подтверждение.

Советская пл., 4/18

... И ТУТ ОНИ

Дом, к которому примыкает ограда Губернаторского сада, своим классическим фасадом смотрит на апсиды самого знаменитого нашего храма — Ильи Пророка. Особенно был построен в 1816 году и, как один из прекраснейших образчиков русского зодчества того времени, входит во все ярославские путеводители под именем дома Сорокиной. Как и подавляющее большинство ровесников, по фасадам он украшен лепниной: тут тебе и венки, и гирлянды, и маскароны с львиными и человеческими головами, и все изящные такие — классика!

Деталь поджидает нас на самом верху. Десять лир, еще в древности ставших символами музыки и поэзии, позволяют представить себе хозяйку дома музицирующей. Сидит, стало быть, этакая воздушная фройляйн, тургеневская барышня, в своей парадной зале, на арфе, за которую деревня с десятком-другим душ отдана, тренькает. Но расположены эти лиры-барельефы высоко от земли, под самой крышей дома — не сразу и заметишь, что над каждой из них еще по звездочке вылеплено. И вот он, сюрприз: е, звезды-то шестиконечные! Это ж Маген Давиды!

Интересненько-интересненько. Открываем тематическую литературу и проверяем на арийскость другие барельефы фасада. Венки и гирлянды вроде не еврейские, львы, кажись, тоже уходят от подозрений, а вот лиры, над которыми, собственно, и висят звезды... Лир вот подкачали — уж очень они похожи на киноры. Кинор — это такой иудейский струнный инструмент, который употреблялся в культовых обрядах.

Возможно, это всего лишь фантазия — киноры ушли в небытие уже в такие мохнатые времена, когда даже Алла Пугачева еще не родилась. Его изображение вообще восстановили недавно, и то по монете какого-то там совсем уж далекого века.

А может, все-таки это лиры, а хозяйка действительно на них потренькивала в парадной зале? А звезды — это обереги?

Это — непростой вопрос: что десять киноров-лир делают на памятнике зрелого классицизма в самом сердце Ярославля, на его главной площади, да еще со звездами шестиконечными впридачу, — мне думается, что, углубившись в вопрос, можно со временем получить ученую степень. Если очень сильно захотеть.

Красный съезд, 4а

ОПЯТЬ МАГЕН ДАВИДЫ

Бог ты мой, сколько ж литературы по архитектуре города Ярославля за много лет накопали-то! Приятно в летний день, откушавши, лениво полистывать очередной путеводитель. Так... вот спецы пишут, что дом Кудасова на Красном — Семеновском съезде — замечательный памятник русской архитектуры первой четверти XIX века, был построен по образцовому проекту в стиле позднего классицизма. Класс. Чума. Образцовый. Надо будет сползать на съезд в очередной раз поглазеть на образцовый классицизм. Ползем, смотрим. Однако, хоть, конечно, и предписывалось в те далекие времена следовать образцам, в оформлении фасадов вольности допускались — кудасовский особняк-то куда более пышно украшен! Вот в этом его богатом декоре и видим мы очередную весьма загадочную деталь. Фриз под фронтоном дома украшен гирляндой из лавровых венков, а внутри каждого из них наложены один на другой два треугольника — один направлен кверху, а под ним второй — вниз смотрит.

Матка Боска... это ж гексаграмма получается... опять они... перед нами — Маген Давид, главный теперешний еврейский символ. К слову, наиболее распространенное объяснение смысла этой штуковины в том, что она представляет собой соединение начал мужского (треугольник вверх смотрит) и женского (направленный книзу). Тревожит патриотическое воображение количество этих самых гексаграмм — их, по чис-

лу Заповедей, полученных Моисеем на горе Синай, опять десять, как и на доме Сорокиной. А это уже приводит на ум излюбленный архитектурный прием израильтян. Опять же, полистав очередной пухленький путеводитель-описатель, видим, что специалисты пишут: возможно этот декор был сделан гораздо позже самого дома.

А ведь во второй половине XIX века в Ярославле уже жило довольно много еврейских семей...

Да вот сдается мне, что искать связь старого декора ярославских домов с какими-либо символами, опираясь на наши сегодняшние представления об их смысле и значении, все же не самое толковое занятие.

Ведь значение это иногда довольно резко меняется за какие-то десятилетия. Свастику и пятиконечную красную звезду в копилку. Маген Давид тоже в конце

XIX века еще не стал безальтернативным символом иудаизма и поэтому нередко и вполне аутентично использовался в русской народной символике (кстати, наравне с вышеупомянутой свастикой), как оберегающий, защитный знак. Более того, на куполах наших храмов когда-то сияли и шестиконечные звезды, и пятиконечные, будущие советские.

Да что там говорить — на доброй половине крестов и в наши дни присутствует полумесяц. Но это, как говорится, совсем другая история.

7-я Забелицкая ул., 6

РЕПКА

Поселок Забелицы находится за Донским кладбищем на Красном Перекопе, на котором мы уже побывали, и имеет довольно богатую историю. Поселение возникло здесь еще в XIX веке. Притом любопытно происхождение его названия: когда-то на Ярославской Большой мануфактуре, на поле рядом со старой фабрикой (той, еще затрапезновской, что была в теперешнем Петропавловском парке), белили полотно — соответственно слободу, возникшую за этим полем, и назвали Забелицы — вполне логично.

Одну из улиц этого старинного перекопского района украшает, без преувеличения, шедевр советского деревянного зодчества — дом, который выделяется даже на фоне своих ярких соседей. Сам по себе дом-то ничего из себя интересного не представляет. Типовой проект для частной застройки — три окна по фасаду, вагонкой обшит. Типовуха, одним словом, и следовать ей было обязательно (не приведи господи превратить чердак в полноценный второй этаж — хлопот не оберешься). Но украшения фасада тогда в СССР, как и в Империи начала XIX века, не регламентировались.

Так вот, декор дома в Забелицах потрясающий! Причем, в отличие от дома Кудасова из предыдущей детали, здесь все свое, родное, без каких-либо влияний.

Кроме классических нарядных резных наличников и карниза, его украшают более двух десятков (!) резных деревянных фигурок, изображающих персонажей известнейших русских народных сказок. Помимо самих героев — Медведя, Лисы, Волка, Бабки, Дедки, Колобка — мы видим и старательно исполненное материальное обрамление сказок: избу, елки, пни, грибы и тому подобное. Вершиной всей композиции является известная цепочка персонажей сказки «Репка». И мы можем видеть воплощение

в деревянном русском зодчестве легендарной процессии: «Мышка за кошку, кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабушку, бабушка за дедушку, дедушка за репку, тянут-потянут — вытянули репку!»

Перед человеком, с душой выпилившим и выточившим все это, не пожалевшим недель, если не месяцев труда, можно только снять шляпу. Ну или что там сейчас носят.

Ул. Циолковского, 9

СКВОРЕЧНИК В ВИДЕ ИЗБЫ

Продолжает радовать юного любителя деталей уже встречавшаяся на наших страницах улица Циолковского, застроенная, как мы все помним, домиками с аккуратными бюргерскими черепичными кровлями. Помимо дома за номером восемь, в коллекцию попал и его сосед — девятый.

Он как с картинки или немецкой открытки — аккуратные ставенки, черепица одна к одной, все покрашенное, симпатичное, уютное. А самую главную ути-путность этой игрушке придает сугубо индивидуальная деталь, которую мы можем наблюдать только на нем. Это маленький скворечник, прибитый к его стене. Каждый порядочный советский школьник, включая и вашего смиренного автора, на уроках труда был обязан сколачивать скворечники, а потом на уроке русского языка писать небольшое сочинение на тему «Что я сделал для родного города».

Жители дома номер девять переплюнули всех мальчиков на уроках труда, вместе

взятых. Они сделали для города действительно достойную вещь. Скворечник является прекрасным творением современного декоративно-прикладного искусства. Несмотря на миниатюрные размеры, у скворечника в виде маленькой избушки присутствует ажурное кружево наличников, мини-труба, под крышей же виднеются с душой выточенные маленькие петушки. Нашенский такой домик, расейский, и «немецкая» черепичная кровля самого дома забывается.

У человека, столько труда и любви вложившего в такие мелочи, и по жизни должно быть все хорошо. Во всяком случае хочется, чтобы так было.

Магистральная ул., у дома № 87

КУСОК ЯПОНИИ

Кармановский поселок на западной окраине города, отрезанный от Пятерки линией железной дороги на Рыбинск, у многих порядочных ярославцев рубежа XX и XXI столетий ассоциируется с преступностью и бандитизмом — именно из этого района между железнодорожным полотном на Рыбинск и рекой Которослью вышла самая известная ярославская группировка 1990-х годов, естественно, организованная и преступная.

Вряд ли такую суровую репутацию могли предвидеть жители деревни Карманово, что существовала на этом месте почти полтыщи лет. Можно отметить любопытную игру исторической логики — деревня, очевидно, названа так потому, что дорога на Углич здесь делала петлю, карман. Сейчас же, как бы пойдя супротив корней, главная улица поселка, по совместительству та же трасса на Углич, пряма, как стрела, и обоснованно называется Магистральной.

Однако из небольшого экскурса в теоретическую высь спустимся на нашу

бренную землю к не менее, к сожалению, бrenным нашим деталюшечкам. На Магистральной улице в Кармановском поселке, в самом его конце, на пересечении со Сторожевой улицей, нас ждет очередной шикарный штрих ярославской городской материальной культуры. Здесь, на самой окраине города, под слоем песка и придорожной пыли скрывается детище японской тяжелой промышленности. Люк канализации с надписью «HASEGAWA FOUNDRY CO» и артикулом изделия.

Английское слово FOUNDRY переводится как «литейный завод», а HASEGAWA — это имя собственное, именно так зовут клан владельцев этого, простите, дзаибатцу, то бишь японской корпорации. Романтики, мечтатели и просто душевные люди могут долгими зимними вечерами повоображать в красках, как люк из Токио смог переместиться за восемь тысяч километров и очутиться в Кармановском поселке города Ярославля.

Малая Пролетарская ул., 30

КТО-ТО ТЕРЯЕТ, КТО-ТО НАХОДИТ

Никогда не исчезнет в русском народе тяга к креативности и изобретательности. Этот факт доблестно подтверждают жильцы дома за номером 30 по улице Малой Пролетарской. Типичный, в целом не очень выразительный фасад обычного частного деревянного дома ныне привлекает взгляд и смотрится стильно, модно, а главное — современно. Если бы во все унылые городские вертикали вроде заборов, ворот, столбов, калиток люди вкладывали свою индивидуальность — окружающий мир был бы веселее, краше и приятнее глазу.

Если вспомнить, что на ухабах и рытвинах городских ярославских дорог автомобили теряют каждый день не по одному колпаку с дисков своих колес и их могли бы прибирать многие и многие, то тем уникальнее выглядят сообразительность и тяга к украшению мира у жильцов дома на Малой Пролетарской. У них и подковка на счастье на калитке прибита — сейчас такое тоже нечасто встретишь.

Кстати, куда же без лирического отступления? Его мы посвятим самым вдумчивым читателям, которые хотя бы раз в жизни заинтересовались, почему у нас в городе существует именно Малая Пролетарская улица. А где же Большая Пролетарская? Куда дели, ироды? Отвечаем этим

вдумчивым, до сих пор не нашедшим ответа на столь важный, терзающий умы миллионов, вопрос.

Найти ответ действительно проблематично: такой улицы уже не помнят и старожилы — ее переименовали давным-давно. Когда-то в Ярославле существовали аж две Федоровских улицы — Большая и Малая, и в 1924-м они, две сестры, разделили свою участь сообща и были переименованы в Большую и Малую Пролетарские. Ну, типа, у нас же Закотросльская часть — это пролетарский, заводской район, это теперь круто, и его главные магистрали будут носить соответствующее духу времени название.

Но уже спустя двадцать лет пути улиц-сестер пошли врозь: в 1944-м Большую, главную улицу, еще раз переименовали — в улицу Емельяна Ярославского (это такой большевик видный был, главный по борьбе с опиумом для народа). А младшая так и осталась Малой Пролетарской, не переименовывать же ее в улицу Малого Емельяна Ярославского.

В 1993 году старшей сестре вернули историческое название, а про младшую уже во второй раз за столетие забыли. Ну и ладно, зато вон на ней, Малой, какой дом стильный есть.

Ул. 1905 года, 5

ЭЛЕГАНТНАЯ ШАЙБА

Собственно, такие крепежи обнаружены не только на здании рабочей казармы Норской мануфактуры. Они же замечены на главном здании Ярославской Большой мануфактуры, ныне — «Красного Перекопа» (ул. Стачек, 63), а также на «белом» корпусе казарм для ее рабочих, не говоря уже о «красных»; на здании Хлебозавода № 4 (Портовая набережная, 16). И еще кое-где. Все эти детали не выделены в самостоятельные объекты, потому как являются идентичными.

Металлические крепления на доме № 5 по улице 1905 года наиболее четко дают нам представление об их функциональном назначении. Объединяет вышеупомянутые постройки одна общая черта: все эти здания построены в 70–90-х годах XIX века и относятся к так называемому «кирпичному» стилю. Окунувшись в историю развития строительных технологий, мы можем узнать, что именно в это время активно стали в них использовать металлоконструкции. В частности для устройства плоских балочно-

кирпичных межэтажных перекрытий при больших пролетах между опорными стенами.

Перед нами — здания-пионеры этой новейшей для того времени технологии. Через гигантские пролеты пропускаются длиннющие, мощнейшие, особого каления тяги-арматурины, произведенные, скажем, на заводе Лангезипена, что на Каменноостровском проспекте в Петербурге. (Отличная фамилия, кстати. Произносишь — и сердце радуется. ЛАНГЕЗИПЕН!) Со стороны улицы с обеих сторон концы железяки фиксируются мощными, на несколько рядов кирпичной кладки, шайбами и затягиваются силовыми гайками — все, конструкция надежно держит перекрытие пролета. Но в нашей детальке у шайбы с гайкой помимо прочностных функций есть замечательно решенная эстетическая: они элегантно оформлены в виде штурвала.

Проходит сотня лет, тяги со штурвалами-крепежами ржавеют навсегда, ну и все — такое здание может разрушить только землетрясение, Красная армия или строительство свеженького торгового центра.

1-й Большой Московский пр., 5

МЫЛИМ ЛЫЖИ!

Улицы Горная, Нагорная и Подгорная. Горный переулочек и улица Верхняя. Район, где преобладают такие названия, казалось бы, должен находиться где-нибудь в Кисловодске на Кавказе или во Владивостоке с его сопками. В Ярославле, в основном плоском, как блин, такие названия звучали бы несколько странно, если бы не было своих высот и у нас. Все перечисленные топонимы мы можем найти на овечьих легендах Туговой горы — какой-никакой, но возвышенности.

А украшает ряд горных топонимов переулочек Крутой. Вот он — справа, вверху, на холме, если направляться в центр города по Московскому проспекту, по Выемке. Вернее, это не холм вверху, а мы находимся внизу, ведь мы в ВЫЕМКЕ, месте, где когда-то давно вынули землю из Туговой горы, чтобы пропустить дорогу под железнодорожным путепроводом на Кострому.

Мы немножко не об этом. Тут же, справа, на холме отходит от крохотного Крутого переулочка совсем уже крохотный проулочек с солидным помпезным названием — 1-й Большой Московский проезд. На нем целых шесть домов. Здесь, на пересечении этих ключевых городских артерий, мы и обнаружили очередной ярославский народный шедевр. Это забор и калитка, сделанные из лыж. Всего их около 150,

то есть примерно 75 пар. При ближайшем рассмотрении можно убедиться, что выпущены они в девяносто третьем году, и в данном случае использованы лыжи двух сортов: первого и второго. Для многих будет откровением тот факт, что лыжи вообще могут быть второсортными.

Есть у русского человека такой легкий, ни к чему не обязывающий порок: имущество с работы или из мест общественного пользования изредка потаскивать. Когда глядишь на эти средства передвижения, нашедшие столь изощренное применение, ну в чисто русском стиле, — задумываешься, и представляется почему-то лихое начало 1990-х. Туристическая база в пошехонском лесу. Или же спортивная лыжная секция при каком-нибудь ДК. Немой вопрос в глазах детей, однажды пришедших морозным зимним утром на урок физкультуры: «Михаил Иванович, а где наши лыжи?» Ну, на худой конец может нам представиться КПП затерянной в снегах воинской части, выезжающий оттуда грузовик, в кузове которого трясутся сто пятьдесят лыж, и прапорщик улыбается в кабине. В общем, о многом можно подумать, глядя на стройный частокор лыж первого и второго сорта, 1993 года выпуска, артикул 1С5 0255451, ГОСТ 17043-90. О многом.

Немецкий тут - gut!

25 03 61

Советская ул., 26/10

ДЕКОР В ВИДЕ КЕЛЬТСКИХ КРЕСТОВ

Вообще-то крест, популярный у кельтов и получивший соответствующее название, активно использовался и в славянской традиции. Называемый также «солнечным» крестом, он представляет собой некий синтез христианского и языческого начал, объединяя евангельский символ — крест — с символом язычества — солнцем. Известно, что он не только венчал купола церквей, но и часто украшал крестьянские дома, выступая в роли оберега. И вполне понятно, что архитектор, автор милого деревянного особнячка в стиле модерн начала XX века, также захотел обратиться к резным традициям.

Необычность и пикантность данному украшению в наши дни придает тот факт, что в 60-е годы прошлого века ультра-радикальные националисты выбрали своим атрибутом именно кельтский крест, взамен дискредитировавшей

себя свастики. В 1990-е годы во многих странах он попал в списки запрещенной к публичному демонстрированию нацистской символики. А в последние годы и в РФ были прецеденты, когда за солярный крест привлекали к ответственности по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ — «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики». (Штрафовали за него не только продавцов и покупателей футбольной фан-атрибутики, но и владельцев антикварных магазинов, где продавались монеты времен Третьего Рейха.)

Так вот, здание, фасад которого сплошь испещрен знаками «запрещенной к публичному демонстрированию нацистской символики», известен в народе как «Немецкий дом», так как его занимает Дом русско-немецкой дружбы. В Германии, кстати, кельтский крест с нацизмом юридически не ассоциируется.

Ул. Чайковского, 54

МЕНОРЫ И ЗВЕЗДЫ ДАВИДА

Квартал, ограниченный современными улицами Республиканской, Пушкина, Чайковского и Свердлова, в июле 1918 года выгорел почти дотла. Ибо застроен был, в основном, деревянными строениями. Уцелели лишь несколько кирпичных домов, среди них — здание синагоги на Любимской — Чайковского, построенное незадолго до революции. Этот дом ждали новые испытания, уже не такие лютые, но уцелел он в них, в общем-то, чудом.

К середине двадцатых квартал, за исключением отремонтированных старых каменных домов, оставался скопищем мазанок, сараев, землянок и развалин. В 1927 году все это чрезвычайно полезное добро было снесено для строительства нового жилого поселка, по тогдашней моде — конструктивистского. И проектирование, и стройка проходили под орлиным оком заведующего губкоммунотделом товарища Константин Иванович Бутусова. Сначала планировали пять домов в три этажа, но совсем скоро стало очевидно, что город, можно сказать, на глазах получает лучшие на тот момент жилплощади. — «Константин Иванович, не дай сгинуть» — взмолился город, задыхавшийся от жилищного голода, и Бутусов милостливо увеличивает количество домов до семи, а этажность — до четырех. Надстроили бы и пятый этаж, и за восьмым домом дело не постояло бы, но, как обычно, классически закончились денюжки. Поселок и ныне народ зовет Бутусовским.

А между тем именно он, восьмой дом, должен был занять место синагоги. Ну ладно, не будет восьмого дома, но и синагоги тем более — устроили в ней рабочий клуб, однако и он в здании не прижился. Все вернулось на круги своя — Еврейский культурный центр и синагога вкупе с ним вновь исправно функционируют, и еще в 1990-е годы

в его окнах появились весьма аутентичные решетки с Маген Давидом, ныне общепризнанным символом иудаизма.

Да-да, здесь не дом Сорокиной и не дом Кудасова, здесь звездочки точно не отвертятся. Однако тут мы можем найти деталюшечку и поинтереснее. Здание синагоги стоит не на самом перекрестке: от него до красной линии улицы Пушкина есть вкусный кусочек земли, на нем, например, идеально построить

классный торговый центр или открыть ювелирку. Наивные люди. Еврейский центр наносит мощный превентивный удар под дых супостатам, и отгораживает землицу забором. Не так-то сразу в нем и разберешь стилизованный подсвечник — Менору, еще один из символов иудаизма. Предписание об изготовлении Меноры, а также ее описание были даны Моисею на горе Синай, это знает каждая порядочная учащаяся строительного техникума с молодых ногтей.

Ярославский вариант сего богоданного предмета не так уж и безобиден — злоумышленники, посягнувшие на местную Святую Землю, рискуют повиснуть своей богомерзкой плотью на острых стальных «огоньках» менорных свечей.

Пересечение ул. Дачной с железнодорожными путями

БЕЗРАБОТНЫЙ СВЕТОФОР

Мало кто из горожан, мчащихся в сторону Заволжских микрорайонов по оживленному перегону от моста до школы 50, знает, что у этого отрезка пути есть название. Несмотря на то, что на нем нет жилых построек, имя ему — улица Дачная. Сразу за поворотом после Октябрьского моста эту улицу пересекают железнодорожные пути, заставляя лишний раз подпрыгивать и чертыхаться и так не избалованных хорошими дорогами ярославцев. Именно вблизи этого пересечения и спряталась наша очередная деталь.

«Светофор» — это название предприятия, выпустившего в свое время железнодорожные светофоры, стоящие на пересечении однопутной ветки «Ст. Филино — ст. Урочь» и оживленнейшей улицы Дачной. Конечно, гораздо романтичнее в железнодорожном контексте смотрелась бы надпись «семафор», но это не соответствовало бы истине, потому как семафор, вопреки массовому заблуждению, — это сугубо механическое сооружение, а не электрика, и таких раритетов на территории России осталось немного.

Даты на чугунных корпусах пультов управления этих двух светофоров — 1957-й и 1961-й — возвращают нас в те времена, ког-

да ветка еще не была заброшена, а процветала благодаря перевозке зерна с волжских пристаней на станцию Филино. Тогда еще были живы традиции волжского судоходства и северные области, в том числе и наша, получали хлеб с плодородных низовий Волги водным путем.

Позже, в 1990-х годах, эта ветка получила новую жизнь: тепловоз обкатывал здесь вагоны с местного вагоноремонтного завода, и заволжане помнят, сколько было потрачено нервов в простоях и пробках на переезде в ожидании его маневров.

А о первой молодости заволжской ветки, о той поре, когда этот путь служил частью великой Транссибирской магистрали (железнодорожного моста еще не было), нам напоминает лишь старая водонапорная башня неподалеку от светофоров. Некогда она стояла рядом со зданием урочского вокзала, ныне не существующего. Мы уже писали об этой грустной истории. Водонапорный чугунный столб-гидроколонка 1913 года в 2007 году унесен неизвестными на металлолом, и о былой славе этой однопутной магистрали нам напоминают три угрюмые вертикали — кирпичная водонапорная башня для паровозов, маячащая вдаль, да вот эти два светофора.

Ул. Пожарского, 3а

ГР.ОБ.

В самом начале улицы Пожарского находится Ярославский мясокомбинат, а при нем — поселок этого самого комбината, застроенный, в основном, в послевоенные годы. А на одном из дощатых бараков этого поселка висит информационный стенд годов этак 1970-х — начала 1980-х. Такие стенды в большинстве своем пали по городу (да и по стране) под влиянием всемогущего времени, но здесь в силу каких-то причин один из них сохранился.

Стенд напоминает нам о поре, когда граждане нашей великой страны были обязаны знать и уметь, как можно ловко и отважно обезопасить себя и своих близких от внешней атаки коварного противника. Чтобы снова не прошла с нашей страной эта подлость: «Война началась на рассвете, чтоб больше народу убить, спали родители, спали

их дети, когда стали Киев бомбить». Чтобы советские люди были готовы всегда и везде.

Сейчас чудом сохранившийся обломок былых времен выглядит даже некой нелепостью на фоне царства капитала, всеобщей мании потребления, массового шоппинга по уикендам и бытовой техники в кредит.

Немым упреком смотрит на нас этот плакат. Ведь нынешнее поколение совсем не думает о том, что когда-нибудь может и поплатиться за свое легкомыслие и беспечность. И даже не помнит, что «крепить и совершенствовать гражданскую оборону, знать средства и способы защиты от оружия массового поражения, уметь ими пользоваться — патриотический долг и обязанность каждого советского человека». А ведь кругом враги.

Сквозной пер., 3

СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ КРЫЛЬЦО

Сквозной переулок ведет нас от Тверицкой набережной вглубь необъятного частного сектора перпендикулярно Волге. Он неспроста имеет такое говорящее название — это, пожалуй, единственная дорога, пересекающая все тверицкие параллели, от берега до улицы Маяковского. Насквозь.

Топая по Сквозному, невольно останавливаешь свой молодецкий взгляд на крыльце, явно выби-
вающемся из окружающего простран-
ства современных безликих особ-
няков. Да и само здание, куда
и ведет крыльцо, не отлича-
ется индивидуальностью.
Удивительный пример —
не крыльцо смотрится
негармонично на доме,
а дом кажется нелепым,
ПРИДЕЛАННЫМ к крыльцу, которое выглядит приятным
глазу и чем-то неуловимо напоминает церковное. Да, соб-
ственно, в точку — именно здесь и находилась Спасская
старообрядческая церковь.

Был вот в Ярославле в начале XX века такой знойный
мужчина — некий А. Я. Разроднов. Наверняка он в жизни
совершил много чего хорошего, но вот больше всего за-
помнился он потомкам одной штукой — географическим
планом города 1911 года. Его очень любят местные профес-
сиональные краеведы и рядовые любители старины, потому
что с ним сразу понятно, что и где было. А если у тебя тако-
го плана нету — то, считай, и не любишь ты старину и род-
ной город, а так себе, ни с чем пирожок. Мне вот такая кар-

та перепала как-то по случаю, фарт, не иначе. Так вот, судя
по всему, в плане гуру Разроднова небольшая ошибка!

А именно, в этом квартале Твериц по этой ошибке ука-
зан совсем другой храм: Ильи Пророка. В отличие от тезки,
всем известной церкви Ильи Пророка — символа нашего
города, эта значится на плане единоверческой. А на самом
деле здесь находился старообрядческий храм
Всемилоштивого Спаса. Единоверцы —
это, в общем-то, те же старообряд-
цы, но легализованные, потому
что признавали священство,
официальную церковь и
подчинялись Синоду, а в
награду за это оный Си-
нод и священство их не
гоняли.

После манифестов 1905 года перестали гонять и старооб-
рядцев, им разрешили строить храмы, чем они немедля, прак-
тически год спустя, и воспользовались у нас в Тверицах.

А потом... а потом пришла советская власть, а со-
ветской власти, как известно, было все равно, кто ты там,
из московского патриархата ли, старообрядец ли из Сиби-
ри или единоведец из Твериц. Церковь Всемилоштивого
Спаса была закрыта и затем уничтожена приблизительно
в конце 1930-х годов. На ее месте, вероятно используя часть
старых фундаментов, построили типовое для тех годов зда-
ние, в котором находилось заволжское отделение милиции.
Зачем отделению милиции был оставлен вход в виде цер-
ковного крыльца — загадка.

Ул. Собинова, 43

ВЗБЕСИВШИЕСЯ МАКАРОНЫ

Этот дом на улице Собинова, бывшей Нетече, — один из ярчайших памятников стиля модерн в нашем городе. Откроешь любую книгу про архитектуру Ярославля — глядь, вот он, родименький. Тут как тут. Везде внушающая уважение подпись — «Особняк Вахrameева». Вахrameевы — это самая известная ярославская купеческая фамилия, ведущая свои корни от масленика из Благовещенского прихода. К началу XX века потомки масленика заполонили весь город и понастроили повсюду недвижимости. Без бутылки уже и не разберешься, где кто и где чье. Так это тогда, а что уж говорить про наши дни?

Однако, благодаря бесценным разведанным, нам стало известно, что самый известный из домов Вахrameевых (вот он, красавчик, на Нетече) принадлежал Вахrameеву с подозрительным именем Альвиан. А именно — Альвиану Федоровичу Вахrameеву, из рода Андрея Федоровича Вахrameева, куда более известного в городе, чем внуки-правнуки, своими заводами у толчковской церкви Иоанна Предтечи.

Одно известно — вкус у Альвиана Федоровича имелся, и подтверждение тому, помимо вида всего дома и массы его архитектурных элементов, присущих модерну, наша деталь — кованые решетки балюстрады, идущей по его крыше.

Казалось бы, всего-то — оградка, чтоб с крыши не свалился пьяный дворник, когда сбрасывает снег. Но она стала украшением дома — искусство ради самого искусства. Это ж модерн. Главное — декор. Такая решетка и не должна нести практической функции. Это кованое изящество невозможно ни с чем перепутать.

Узоры в виде кругов и полукругов, вертикальные «лопатки», «молоточки», смесь симметрии и асимметрии — вот те черты рисунка, за который такие решетки и получили меткое прозвище «взбесившиеся макароны». Встретив подобную решетку в любом городе бывшей Империи, можно с уверенностью сказать и про все здание: модерн, рубеж позапрошлого и прошлого веков.

Ул. Максимова, 13

КАРТУШ, ОХРАНЯЮЩИЙ ХУДОЖНИКОВ

Середина 1940-х. Война закончилась — в центре Ярославля активно подыскивают место для строительства нового сверхсовременного кинотеатра. Гигантские каменные склады прямо в сердце города — на улице Комитетской, бывшей Всехсвятской, будущей Максимова — как ничто другое подходят для этой цели. Пропустим все перипетии планирования и воплощения планов (по ходу тогда на кинотеатр плавно забили, и любители фильмов ждали еще 10 лет и до открытия «Родины» ходили в тесные «Арс» и «Горн») — сегодня мы видим результат: из складов тогда обустроили филармонию с концертным залом, а рядом построили целый дворец для товарищества «Художник».

Лепные барельефы на обоих стилизованных под античные храмы парадных фасадах выглядят не просто украшениями, а центральными, самыми важными деталями, без которых целостное восприятие

штаб-квартир ярославского музыкального и изобразительного искусств напрочь теряется.

Можно долго разглагольствовать об архитектуре и прочих высоких материях. Но мы охотимся за маленькими детальками. Здесь нас интересует здание художников, а конкретно — нижний барельеф, расположенный над единственным, а потому парадным входом. Он по традиции включает в себя картуш — украшение в форме щита или полуразвернутого свитка, на котором изображались гербы, эмблемы, монограммы.

По своему происхождению картуши обладают магической силой — в Древнем Египте такая рамочка, которой при письме обводили имя фараона, защищала его от происков злых духов. На Максимова, 13 от злых духов веками спасено славное имя Ярославского союза художников — аббревиатура именно этой организации заключена в картуше в центре барельефа.

Суздальское шоссе, 1

ПУСТОЙ КАРТУШ

При первом взгляде на здание клуба Ярославского электровозоремонтного завода, стоящее на живописном взгорке в самом начале Суздальского шоссе, у зрителя вроде бы не возникает сомнений, что оно построено в сталинскую эпоху. Но при ближайшем рассмотрении начинаешь сомневаться: оно асимметрично, состоит из нескольких объемов разной длины и высоты, окон много, в общем, одно слово — конструктивизм. Объясняется все просто: здание клуба тогда еще паровозоремонтного завода было построено в 1928 году и затем перестроено на заре 50-х.

Если с северной стороны Туговой горы еще в мохнатые времена обосновались ярославские ямщики, то в этих степях, на южном отроге нашей горы, все железнодорожное — тут ремонтировали локомотивы и вагоны аж с конца XIX века.

Началось все с небольших мастерских, но потом, как водится, новая отрасль в городе освоилась и потихоньку подчинила себе все окрестности.

Тут пару цехов пристроят, тут дома для рабочих возведут, глядишь — и уже целый поселок. После революции дошла очередь и до идеологически верных увеселений — разбивается парк и возводится этот клуб, который уже через двадцать лет решили перестроить.

Послевоенные постройки частенько датировали. В худшем случае дата выложена маленькими деревянными речками где-нибудь под крышей, в лучшем — это пышный барельеф-картуш в центре фасада, с гирляндами там всякими, колосьями, лаврами и прочими радостями. На этом клубе тоже есть картуш, он хоть и не пышный, рамка словно из рельсов сварена, но весьма типичный для зданий той поры. Да вот только пуст он — невесть когда попадали от времени циферки, а восстанавливать ни к чему.

Но мы-то же можем закрыть глаза на мгновение и снова мысленно глянуть на скромную пустую рамку, а там, как когда-то давно, вновь красуются четыре цифры — 1951.

Ул. Кедрова, 1

ВСЕМ РОДАМ, ЧТО ВПРЕДЬ БУДУТ

Вообще-то в каждой из ярославских церквей можно найти деталь, уникальную в своем роде, и описаниям этих деталей можно посвятить целый труд. Но на церкви Рождества Христова мы можем обнаружить то, что выделяет ее даже среди прочих шедевров ярославского зодчества, да и вообще российского.

Эта храмовая надпись, выполненная поливными изразцами, опоясывает всю церковь под ее закомарами. Этот прием уникален не только для нашего города. И во всей стране храмы той эпохи, украшенные наружной летописью, можно пересчитать по пальцам.

Но совершенно уникальна Рождественская церковь тем, что в послании будущим поколениям содержатся не только имена духовных и светских правителей, но и мирские имена ее ктиторов — ярославских купцов Гурьевых-Назарьевых.

Цель этих людей, бросивших своеобразный вызов тогдашним канонам, достигнута — их имена прошли сквозь века, и по сей поре любой желающий, от исследователя

до туриста, может прочесть послание потомкам. Не без труда — вязь старославянская все ж таки. Вот оно:

«Лета 7152 поставлена сия церковь во имя Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа при державе государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея России самодержца и при митрополите Варлааме ростовском и ярославском, а воздвигнули эту церковь

Акиндин по прозванию Дружина да Гурей Назарьевы дети по своим душам и по своим родителям, а совершали церковь сию

после отца своего Гурья Назарьева дети его Михайло да Андрей да Иван по своим душам и родителям на воспоминание вечных благ и совершена сия церковь и освящена осьмые тысячи 152 году месяца августа в 28 день на память Моисея Мурина»

7152 год от сотворения мира — это 1644 год от Р. Х. Мы читаем своеобразную «записку», посланную нам три с половиной века назад. Могли ли подумать строители церкви, что их летописное послание пройдет века, за которые родятся и умрут десять поколений? Наверняка да. На то и был расчет: «В вечный поминок».

Проспект Октября, 26

ПЛЯШУЩИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Проходя по оживленной Дворянской улице, а ныне проспекту Октября, можно почувствовать себя героем романа Конан Дойла. Так, если проходить мимо дома двадцать шесть в определенный момент, ну, например, часов в девять утра, может почудиться, что сверху, на его фронтоне, виднеются какие-то буквы.

«Померещилось», — думается поначалу.

Однако если пройти там на следующий день, но чуть попозже, ближе к десяти часам, то уже четко виднеются несколько букв А. Парой часов позже — и там вырисовываются целые слоги. И поймешь, что видно их только при определенном угле падения солнечных лучей. Мистика. Ну, на совсем худой конец, детектив.

Действительно, на фронтоне прячется под краской большая надпись. Прочитать ее можно только при очень ярком освещении. Зимой, например, она вовсе нечитаема. Но пытливый зритель после нескольких дней наблюдений и ломания глаз все-таки сложит буквы и слоги в слова. Не будем томить зрителя и тратить несколько дней его драгоценной жизни: на фасаде — замазанная надпись «Поверочная палата». Это не имеет никакого отношения к больнице. Поверочная палата, или палатка, — заведение совершенно иного рода.

Началось все еще с Дмитрия Ивановича Менделеева. Именно он в 1893 году возглавил Санкт-Петербургскую Палату мер и весов и стал претворять в жизнь идею по созданию по всей стране поверочных палаток, учреждений, которые бы следили за точностью производимых на местах измерений.

Вот придут два мужика с улицы, все уже в кровь перемалывались: есть ли вот у дядки Савелия в плечах косая сажень или нет. Работники Поверочной палаты достанут из за-

кромов палки, на которых написано — на одной «Аршин», на другой «Вершок», поставят дядю Савелия, поприклады-

вают к нему свои палки и скажут: «Уважаемые спорщики, косой сажени в плечах дяди Савелия нет. В нем лишь три аршина и пять вершков». И все, спорить без толку.

Конечно, работа Поверочной палаты отвечала тогда в первую очередь, торговым нуждам. Здесь на поверенные, то есть «правильные» весы, гири и меры длины наносилось поверочное клеймо — герб Империи: орел, а в нем цифра — номер поверочной палатки. В нашем случае орел был бы с цифрами 2 и 1, так как эта Поверочная палатка, начавшая работу 18 марта 1906 года на территории Ярославской и Костромской губерний, стала двадцать первой по счету.

Да, о чем только не узнаешь, вглядываясь в закрашенные буквы на фронтоне старого дома.

В огородах у Коровницкой тюрьмы

...НЕ ЗАРЕКАЙСЯ

Когда автор этих слов был маленьким и очень любил Ленина, он спрашивал взрослых про памятник Ильичу на Красной площади: «А скажите, а куда дедушка Ленин показывает пальцем?» — «На Коровники», — шутили взрослые и многозначительно переглядывались.

Лишь много лет спустя узнал он, автор, что Коровники — это, оказывается, такая древняя ярославская слобода, а отнюдь не только тюрьма. В ярославском обществе давным-давно укрепились стойкая ассоциация — «Коровники = тюрьма». Молодой ярославец сызмала слышит что-то вроде «А дядю Леню-то в Коровники посадили. С резиной прям на проходной взяли». И уж о чем о чем, а о древней ярославской слободе, о ее кирпичных и изразечных заводах, собирая передачи, не думается.

Можно даже утверждать, что именно благодаря следственному изолятору старинный закорторосль-ной район до сих пор сохраняет свое бытовое имя: Коровники. Почти ушли в небытие названия Толчковской, Ямской, Спасской слобод — они на слуху лишь у любителей старины и малочисленных старожилов. Коровницкая же пока остается на устах у всего города.

Да что там и говорить — благодаря своей своеобразной «достопримечательности» Коровники известны по всей

России. Наряду с другими родственными топонимами — «Бутырка», «Кресты» и тому подобными... И то сказать — ярославской тюрьме на волжском берегу уже больше двухсот лет. Она появилась еще во времена Александра I. Много судеб связано с именем небольшой слободы на окраине

старого Ярославля, много жизней. Об этом думаешь невольно, случайно или неслучайно попав под стены коровницкого следственного изолятора, к счастью, с наружной их стороны.

Именно здесь находится удивительная, нагоняющая смутные чувства деталь. Это забор, сделанный из старых дверей тюремных камер. Мощные, массивные, с характерными смотровыми оконцами — кажется, сотни, если не тысячи человеческих душ смотрят на нас из этих окошек. Хоть они никогда уже и не откроются.

Забор не так стар, как выглядят некоторые из его своеобразных составляющих. На маленькой дверце одного

из окошек, с внутренней стороны, неведомым нам заключенным выцарапана дата — 198.., а четвертая цифра закрыта доской. А дальше почему-то изучать нашу «деталь» и не хочется... а хочется уйти... сверху с вышки за тобой следит охранник, кругом мрачно, и ты уходишь, невольно радуясь тому, что ты снаружи этой стены, и лишь изучаешь надпись «198...», а не выцарапываешь ее сам.

А
Д
В
О
К
А
Т

А
Д
В
О
К
А
Т
Р
Н
О
В
А.
В.

ЫЙ ТОРГОВЫЙ ДОМ

А
Д
В
О
К
А
Т

Ул. Ушинского, 8

ДЕМАРКАЦИОННЫЙ ДЕКОР

Жилищный голод — извечная проблема России. А если смотреть шире, то проблема, преследующая человечество все время его существования, стара как мир: «Всех много, а всего мало». Ярославль 1920–30-х годов прочувствовал это на своей шкуре как никогда ранее. Значительная часть жилого фонда была уничтожена в ходе боев 1918 года, а вдобавок в ходе индустриализации в город хлынули рабочие — вчерашние крестьяне. Строить новые дома — это дорого. Денег у молодой страны Советов не было.

В домах, собственно, самое дорогое — это фундаменты и подведение коммуникаций. Надстроить имеющееся здание не так сложно. Вот почему в центре нашего города большое количество особнячков XVIII–XIX века, надстроенных одним и даже двумя этажами — по этому пути и пошли новые власти, чтобы хоть как-то решить «квартирный вопрос». Семь бед — один ответ.

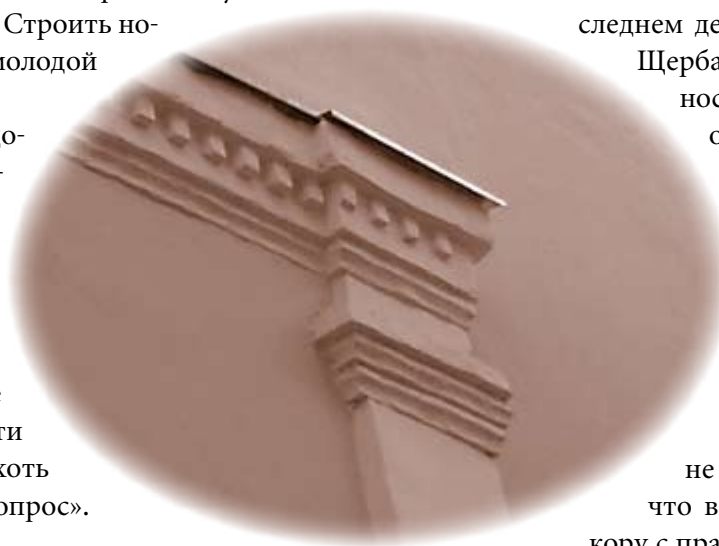
Беглый взгляд на дом по улице Ушинского позволяет нам сказать, что этот дом — аккурат из таких. Вон какой красивый антаблемент оказался «замурованным» между вторым и третьим этажами. Сам по себе антаблемент-то этот не уникален — это классика русской архитектурной традиции XVIII–XIX веков. Интересен он именно на доме 8 по улице Ушинского — смотрится весьма странно, ибо не-

ожиданно обрывается на стене, уткнувшись в симпатичную, но единственную пилястру, одиноко вылезшую посреди фасада. Споткнулся об нее и дальше не пошел.

Это объяснимо. Как и ряд других домов по улицам Первомайской и Ушинского, обрамляющих бульвар, он был надстроен. Еще каких-то полста лет назад на его месте находились два небольших домика, построенных в последнем десятилетии XVIII века, — усадьба Щербаковых. В 1958 году оба дома полностью перестраиваются. В отличие от большинства прочих обновленных в советское время зданий, где лишь надстраивались лишние этажи, здесь два дома были объединены вместе. Заодно они получили и пару лишних этажей, и солидную трехэтажную пристройку с тыловой части.

Сейчас и сами Щербаковы не узнали бы своей усадьбы. Разве что вот по этому удивившему нас декору с правого торца здания, который четко показывает, где есть восемнадцатый век, а где надстроен и пристроен век двадцатый. Этакая демаркационная линия.

Дом номер восемь — самый мощный на Ушинского. Оно и не удивительно — «два в одном». Именно поэтому нумерация зданий по улице и делает странный разрыв — за восьмым домом сразу идет двенадцатый.

Ул. Победы, 49

ЗАБЫТАЯ МОСТОВАЯ

На пересечении улиц Мологской — Победы и Никитской — Салтыкова-Щедрина, аккуратно за колокольной Никиты Мученика, мы можем обнаружить экс-церковный дворик, замощенный булыжником. Он площадью аж несколько десятков квадратных метров, и именно благодаря ему мы можем представить, как выглядели центральные улицы Ярославля, равно как и любого другого города в России, еще каких-то 70–75 лет назад.

Мостить камнем проезжие части в Ярославле стали лишь в начале XIX века, но процесс набирал обороты, и к началу века XX замощены были не только собственно дороги, но и тротуары, дворы в центральной части города и основные магистрали на окраинах.

Асфальтом булыжную мостовую начали закатывать лишь в 30-е годы. (Хотя есть сведения о начале XX века, но вряд ли тогда сумели много заасфальтировать.) Дело затянулось на десятилетия, и до сих пор в глухих частях Ярославля

можно обнаружить такие булыжные раритеты. Интересно, что старое дорожное покрытие обычно не демонтировали, а новое клали прямо на него. Сейчас при ремонте любой улицы в центре мы можем увидеть в раскопе «слоеный пирог», своеобразный срез эпох — множество слоев крошащегося недолговечного асфальта, лежащих на мощном основании — пласте булыжников.

Живо воссоздать изначальный облик такого пласта нам помогает дворик на ул. Победы, 49. Его, на нашу удачу, так никогда и никому не захотелось заасфальтировать. Да и саму Никитскую колокольню тоже не разобрали, хотя по обыкновению тех лет и намеревались убрать еще вместе со сгинувшим холодным храмом прихода. Но она оказалась тогда очень важна для геодезических измерений и топографической съемки, потому и уцелела. Время хранит забытый дворик на перекрестке Мологской и Никитской улиц.

Комсомольская ул., 3

УРОК ФОРТИФИКАЦИИ

Когда-то, как принято считать, их было шестнадцать, а осталось только три. Лишь одна из них внушительно возвышается над крепостными стенами Спасо-Преображенского монастыря на его северо-восточном углу, позволяя внимательному наблюдателю понять значение башен в фортификации. Две других лишили примыкавших стен еще во время оно, они оказались просто зданиями в городе, только не совсем рядовыми. Одну из них, Волжскую — Арсенальную, перестроили до неузнаваемости, а вот в другой, Знаменской — Власьевской, еще можно разглядеть очень интересные атрибуты оборонной башни середины XVII века — ее западная сторона, обращенная в сторону предполагаемого неприятеля, по воле судеб дошла до нас почти в первозданном виде.

В полусумрачных, даже в солнечный день, углах арочного проезда мы видим вмурованные в его кладку массивные железные петли. Крепившиеся на них огромные деревянные, обитые полосами железа ворота отворялись и затворялись недолго — Ярославлю новые укрепления так и негодились, потенциальный враг вместе с границами отодвинулся на тысячи километров. Уже больше двух веков назад стояли ворота постоянно отворенными, а потом их створки и вовсе пропали, оставив нам лишь материальное свидетельство свое-

го существования — эти могучие петли. Не удивительно, что сохранились «родные», 60-х годов XVII века: ведь они должны были выдерживать удары полутонного тарана — что им какое-то время?

Другая башенная интересность — ниша для хранения герсы, опускающейся железной решеткой, защищавшей проезд и ворота. Она могла просто ограничивать доступ в проем башни. Через нее впускали в город желающих строго по одному в маленькую калитку. Фейс-контроль на старинный лад, так сказать. Собственно, этим-то контролем и занимались у ворот башни в начале XVIII века: брали с входящих денежку за бороду, когда царь Петр с пережитками воевал. Но могла герса с закрытыми воротами выполнять и оборонительные функции. Она опускалась и поднималась с помощью металлических цепей и ворота, который находился в верхнем ярусе башни. В своде проезда сохранилась и ниша для герсы, и пазы в этой самой нише.

Глядя на Знаменскую — Власьевскую башню, можно увидеть все ее четыре яруса боя, вообразить закрытые дубовые ворота с коваными железными набойками, опущенную решетку-герсу, представить всю мощь ярославской оборонительной системы, которая в свое время считалась одной из лучших в России.

Ул. Андропова, 21

НЕМОЙ СВИДЕТЕЛЬ ИМПЕРИИ

Только взяв в привычку ходить по улицам с задранной вверх головой, можно обнаружить этот домовый номерной знак — настолько неприметно он притаился там, в высоте, на фасаде дома 21 по улице Андропова. Этаким хамелеон на старинной стене. На нем значится номер 29. И это дает пытливому уму почву для размышлений.

Во-первых, старый номер дома не соответствует современному. Улица Андропова начинается нумерацию от Которосли, а практически все дома на отрезке от 1-го до 21-го построены до революции. Но и знак тоже царских времен! Когда именно произошел «сбой» в нумерации, нам неизвестно. Возможно, это связано с укрупнениями бывшего губернаторского дома и бывшего же почтамта (ныне все это — военный госпиталь), а может, с какой-то адресной реформой.

Во-вторых, знак расположен слишком высоко над землей. Не менее трех метров! Это вроде непрактично, людям нужно голову поднимать. А если они уже привыкли искать знак не на уровне глаз, как в наши времена, а смотреть вверх? Вероятно, все домовые знаки, равно как и стра-

ховые, специально располагались вне зоны досягаемости уличных хулиганов и вездесущих мальчишек.

Ну а самое главное для нас, уважаемые любители деталей городской среды, заключается в сравнении этого номерного знака с другим. Он уже фигурировал на наших страницах — это знак с цифрой «2» на улице Максимова, 6. Откройте первую деталь. Там он тоже не соответствует современному положению вещей, ведь когда-то это был второй дом по Всехсвятской, а между церквями и Пробойной жилых домов тогда не было.

Знак на Максимова также находится высоко над землей. Причем мы видим, что оба этих знака одинаковы! А следовательно, как минимум какая-то часть их в Ярославле была ТИПОВОЙ. А вот что это конкретно был за тип — да собственно вот он, висит над нашими головами, смотрит на нас свысока на улице Андропова.

Он вне времени. Ему плевать на Андропова. Уж он-то точно знает, что навсегда будет принадлежать ЕКАТЕРИНИНСКОЙ улице.

Во дворе больницы им. С. В. Соловьева (ул. Загородный сад, 11)

ТЕЩА КУШАЕТ МОРОЖЕНОЕ

В уютном дворе старого корпуса Соловьевской больницы в конце 1980-х соорудили фонтан. Вода журчит, больные радуются, сидят на лавочках, отдыхают, смотрят сквозь хрустальную воду на дату, выложенную на дне фонтана, — 1988, и массово выздоравливают. И добрым словом вспоминают строителей. Идиллия.

Но уже через несколько лет ей настал конец. В тяжкие 90-е подразделение «Ярославльводоканала» под звучным названием «Цех подкачивающих станций и обслуживания фонтанов» начало испытывать трудности и было вынуждено сосредоточиться на поддержке «главных» городских фонтанов, пожертвовав «заштатными». Вот и стоит пустая фонтанная чаша уже добрых пятнадцать лет.

Фонтан — сооружение такое... даже без эксплуатации будет разваливаться полвека. Помимо датировки, интересно и его художественное решение: бронзовая змея, символ мудрости и бессмертия, обвивает Гиппократову чашу, источник воды, символ жизни и вечности.

Несмотря на отсутствие живительной влаги, фонтан все равно радует глаз. «Теща кушает мороженое», — радуются пациенты хирургического отделения, и жить им становится чуточку веселей.

Первомайская ул., 29/18

ВСЕГДА ГОТОВ!

ОСОАВИАХИМ — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству СССР — возникло 23 января 1927 года в результате слияния Общества содействия обороне (ОСО) и Общества друзей авиационной и химической промышленности (Авиахим). В решениях I съезда ОСО-АВИАХИМа в январе 1927 года указывалось на необходимость широко обучать население способам ликвидации последствий воздушных и химических нападений.

Для популяризации движения в 1934 году вводится почетный нагрудный знак «Готов к ПВХО» (он же «Крепость обороны СССР»), а с февраля 1937 года введены нормы и на коллективный знак «Готов к ПВХО» для первичных осоавиахимовских организаций жилых домов. Он был настенный — вывешивался на фасад здания.

Для его получения необходимо было, чтобы все жильцы дома, в том числе и дети с 12-летнего возраста, сдали

нормы «Готов к ПВХО» I ступени. Сверх того, на каждом сто жильцов должно было быть еще и не менее чем по одному готовому к противовоздушной и химической обороне значкисту II ступени и по одному инструктору по гермети-

зации жилищ от отравляющих веществ. Все жильцы, взрослые и дети, должны были иметь противогазы и уметь ими пользоваться.

С 1938 года нормы стали массово сдавать в учебных и рабочих коллективах. Знаки украшали здания лучших предприятий, школ, институтов. В годы войны стало уже не до вывешивания памятных знаков, а в 1948 году и ОСО-АВИАХИМ уступил место ДОСААФ. Таким образом, можно установить точную датировку данного знака и ему подобных (ул. Кирова, 5; ул. Комсомольская, 16 и др.) — с 1937 по 1942 год.

К сожалению, ни один из оставшихся в Ярославле знаков-барельефов не сохранил первоначального вида. Все они закрашены в ходе последующих ремонтов.

Проспект Толбухина, 44

МЕЖДУ БЕЛЫМИ И КРАСНЫМИ

Верный способ отличить дореволюционный дом от более поздних — по перемышкам оконных и дверных проемов. Уже во второй половине 1920-х годов технологии предков ушли в прошлое, уступив место железобетону. Иными словами, если мы видим, что над дверью или окном кирпичи идут поперек основной кладки, то вывод ясен: здание построено максимум до 1930, а с еще большей вероятностью — до 1918 года.

В Ярославле таких построек сотни, но это здание — особенное. Поэтому оно и попало в коллекцию. Даже дилетант может обратить внимание на его необычность — среди «сталинок» 1950-х и «хрущевок» 1960-х двухэтажный дом на перекрестке Угличской и Толбухина смотрится пришельцем: он «выступил» из красной линии застройки, у него есть какие-никакие элементы декора, в конце концов, во всей округе нет двухэтажных жилых домов!

Вот почему мы просто обязаны засвидетельствовать факт обвала штукатурки на нем зимой 2007/2008, обнажившего дореволюционную кладку. Дом на Толбухина — одна из тех со-

всем немногочисленных построек, что уцелела в этой части города после грандиозного пожара в июле 1918 года, полностью уничтожившего здесь десятки кварталов. Эта часть города представляла собой окраину, застроенную преимущественно деревянными домами и редко вот такими добротными кирпичными особнячками. Также в этом

районе размещался ярославский квартал красных фонарей — как раз между улицами Пошехонской (Володарского) и Петровской (проспект Толбухина) находилось до тридцати домов терпимости.

В июле 1918 года здесь шли самые тяжелые бои между захватившими центр города повстанцами и прорывавшимися со стороны Всполья отрядами Красной армии, и по улице Петровской несколько дней проходила линия фронта. В ходе боев, а точнее, под градом большевистских снарядов и была уничтожена вся эта, весьма многолюдная часть города. Сохранившиеся здесь здания, западнее улицы Победы, можно пересчитать по пальцам одной руки — и вот № 56 в нашей коллекции.

Волжская набережная, у дома № 47

ТЫЩИ ЧУГУННЫХ ЛАВРОВЫХ ВЕНКОВ

В 10 часов вечера 20 августа 1823 года в Ярославль прибыл Александр I. Весь следующий день император занимался полезными делами: помолился в Спасском монастыре, проинспектировал Демидовское училище, городскую гимназию, Дом призрения ближнего, пообщался с купцами, послушал их жалобы, отведал подношений и под занавес заглянул на бал к губернатору в только что построенный дом. Видимо, именно на том балу губернатор Безобразов выпросил у императора 20 000 рублей ассигнациями на благоустройство набережной.

Начали, конечно, с укрепления ярославского берега — все суда, проходившие по Волге, должны были поставлять в город булыжник. Работа растянулась на десяток лет. Но потом, как обычно, деньги кончились, а тут еще губернаторы начали меняться как перчатки, да и воды Которосли город в покое не оставляли (см. деталь № 95). Уже при губернаторе Полторацком заканчивали работы на верхней набережной, столь милой ныне сердцам ярославцев. Наконец, была заказана чугунная решетка — та самая, которой мы можем любоваться поныне. Как говорят, на Урале сделали, на заводах Демидовых.

Ампиный рисунок ограды включает лавровый венок — символ военного триумфа. После победы над Наполеоном вся Империя была просто наводнена мраморными, гипсовыми, деревянными, чугунными венками. Вероятнее всего, ярославская набережная, в ограде которой несколько тысяч лавровых венков, стала самым длинным в городе памятником доблести русского народа в Отечественной войне 1812 года. Хотя нельзя исключить, что этот символ героической победы относился не к Наполеону вовсе, а к подавлению польского восстания, случившегося в 1831 году. А может, и вовсе не нес венок никакой смысловой нагрузки, а просто вот так вот — красиво будет!

Решетка регулярно несет потери, которые, тем не менее, восстанавливаются. Сейчас уже и не узнать, где «родная» секция, а где многочисленные новodelы всех последующих времен. У дома номер 47 по Набережной так вообще гибридная секция — и непонятно, то ли стерлись от времени старые венки начала XIX века, то ли современные литейщики схалтурили.

А недавно фрагмент волжской решетки был обнаружен у одного из частных домов в переулке Леваневского — в качестве мостка над сточной канавой.

СЕТЬ КОМПЬЮТЕРНЫХ САЛОНОВ
ФРОНТЕКС

Цифровая техника

СТУДИЯ
НЕТАРАКТОВЫХ
СРЕДСТВ
3

Графика

АД

Будущее

ОТТО

ТЦ "Лабиринт"
Телефоны

NATANO

СДАЮ В АРЕНДУ
3-910-839-0317 20-1740

Комсомольская ул., 5

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ГЕРБ

В 1911 году западный фасад Северного корпуса ярославского Гостиного двора был перестроен в стиле модерн, который, как известно, любит украшения. А вскоре новая власть поспешила внести свою лепту во всю эту красоту.

Улица Комсомольская, она же Большая Линия, вот уже скоро три века — торговое сердце города, здесь постоянно большое скопление людей, и весьма логично, что для демонстрации своих атрибутов власть выбрала именно это место. Вдобавок часть Гостиного двора заняли госучреждения.

Перед нами изображение герба Советского Союза — едва ли не самое раннее в нашем городе. Определить это довольно просто: герб в таком виде приняли в конце 1923 года, и ленточек с разноязыкой надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» было шесть по числу языков, на которых говорили основные народы, населявшие все четыре первые республики — РСФСР, БССР, УССР и ЗСФСР (в последней, соответственно, три народа и три языка — армянский, грузинский и тюркско-татарский — так тогда именовали современный азербайджанский язык).

В 1931 же году происходит событие, которое помогает нам несколько уточнить датировку. Таджикская АССР была преобразована в союзную республику, и ленточек стало семь, а надпись на русском плавно сползла на самую боль-

шую и самую главную ленточку — внизу герба. На барельефе Гостиного двора седьмой ленточки еще нет. Таким образом, время установки барельефа — с 1924-го по 1931-й год.

Еще одним доказательством может служить некий курьезный случай, произошедший при подготовке макета первого герба образца 1923 года. Деревянная ручка на серпе была изображена неверно — утолщением она прикреплена к железной части этого орудия труда, тогда как в реальности дело обстоит наоборот. Серпом с такой ручкой пользоваться невозможно. Замечена оплошность была только в начале 1930-х годов, когда в союзный герб и были внесены необходимые коррективы. В нашем же случае — как раз именно тот, «неправильный» вариант 1920-х.

Интересно, что на противоположном краю фасада мы видим остатки точно такого же украшения, что обрамляет и наш герб. Вывод ясен: гербов было два и они были симметричны. Брат-близнец попросту поиздержался и пал под воздействием времени. 80 лет, в конце концов, — не шутка.

Будем надеяться, что он упал не на прохожего, которых здесь всегда очень много. Оказаться в больнице из-за того, что получил по балде гербом СССР образца 1923 года — это, конечно, очень стильно, но и наверняка очень обидно.

У дома 58 по Московскому проспекту

«МЮРЬ И МЕРИЛИЗЪ»

Однажды два смелых шотландца решили сунуться в Россию и попробовать сделать здесь деньги. В 1847 году отчаянные господа Арчибальд Мерилиз и Эндрю Мюр основывают в Петербурге фирму, названную их собственными именами. В 1857 году фирма преобразуется в торговый дом, а еще позже — в торгово-промышленное товарищество.

Расчет оказался верен. К началу XX века «Мюр и Мерилиз» стал одним из самых узнаваемых в нашей стране брендов. Во многом благодаря тому, что руководство компании сделало упор на розничной торговле. Первый в России магазин универсальной торговли на Театральной площади (нынешний ЦУМ) был крайне популярен не только в Москве, но и далеко за ее пределами.

Но помимо торговли товарищество занималось также и производством. Так, в той же Москве у него имелись мебельная фабрика, поставлявшая мебель даже императорскому двору, и литейный завод. На нем среди прочего производились крышки люков, как правило, канализационных. Массивные, мощные, они оказались воистину броневыми — до сих пор их можно встретить и в обеих столицах и, гораздо реже, — в некоторых провинциальных городах.

На Московском проспекте в Ярославле одного из таких долгожителей даже огородили бетонным кольцом и специальным заборчиком — чтобы невнимательные водители колеса об него не убили. Он-то выдержит — проверен временем.

У дома 8 по Советской ул.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ЛЮК

Вопреки устоявшемуся мнению, что все люки на городских улицах канализационные, это далеко не так. Каждый из них ведет в одну из многих городских систем, основная его функция — это дать возможность человеку посмотреть, как они там функционируют, эти самые системы-то. А они могут быть самыми разными — это и водопровод, и свет, и газ, и электричество, и, естественно, канализация. Но чаще всего люки ведут к системам связи, и в первую очередь телефонной.

Крышка люка не обязательно должна быть круглой, хотя круглые крышки не проваливаются вовнутрь, и, конечно же, их удобнее катить, поскольку таскать 50–60-килограммовые болванки — не очень приятное занятие для рабочих.

Люк, который мы можем видеть около дома 8 по улице Советской, несмотря на небольшой размер, отвечает нормам — ширина 55 сантиметров. Как раз столько необходимо, чтобы вовнутрь смог проникнуть человек.

Необычность его в другом — на нем красуется эмблема не связистов (о ней мы поговорим в следующей Детали), как это должно быть на любом порядочном люке, ведущем к телефонным кабелям, а железнодорожников — скрещенные топор и якорь. В данном случае на крышке эмблема

НКПС — Народного комиссариата путей сообщения, который принял ее по наследству еще от царского ведомства, владевшего ею аж с 1796 года. Но уже в 1932 году топор (символ ремонта, обслуживания сухопутных путей) и якорь (символ водных путей сообщения) уступили место современному молотку и разводному гаечному ключу. Таким образом, время производства и установки люка выяснить несложно — это конец 1920-х — начало 1930-х годов.

Что же делает эмблема железнодорожников на крышке люка, находящегося в ведении связистов? Как мы увидим (если посмотрим Деталь № 67), соседний дом, Советская, 6, строили для своих работников именно железнодорожники. А этот советский наркомат был фактически государством в государстве. У него даже свое отдельное телефонное ведомство было, причем и по покрытию, и по уровню очень обгонявшее союзное министерство. Так что НКПС само и строило, и обслуживало собственные телефонные сети, в том числе и в ведомственных жилых домах. Еще в конце 1920-х наркомат завладел в городе Золотоноша Черкасской области УССР чугунолитейным заводом и тысячами рассылал по городам и весям нашей необъятной вот такие вот люки, естественно, строго по плану.

На углу у главпочтамта

ИСТОРИЯ ОДНОГО ВЕДОМСТВА

Зрителями захватывающего сериала под этим названием мы можем стать прямо на улицах русских городов. Лишь отдельные серии его придется смотреть не только в разное время, но и в разных местах.

Как уже было сказано, большинство смотровых люков на улицах городов находятся в ведении связистов, и неудивительно, что и крышки к ним также в основном несут на себе их символику. Первые систематизированные телефонные сети были проложены в Москве еще в 1880-х годах. В 1900 году тендер на прокладку и обслуживание сетей выигрывает специально созданное для этих целей «Шведско-Датско-Русское телефонное общество». Его эмблема — штекер и молнии — изображалась на крышках самых первых русских телефонных люков.

После революции Народный комиссариат почт и телеграфов — Наркомпочтель позаимствовал эту эмблему, как самую раскрученную и не содержащую идеологических символов старого режима. На немногочисленных люках ранних 1920-х в дополнение к ней нет вообще ни старых надписей, ни новых, переходный вариант, так сказать.

Позже появляется это миленькое словечко — «Наркомпочтель». Но уже в 1932 году, после реформы, НКПТ был преобразован в НКС — Народный комиссариат связи. И люки не замедлили откликнуться на радостную перемену.

В 1946 году вообще все народные комиссариаты были переименованы в соответствии с тем, как называются высшие государственные органы управления во всем мире. Интересующее нас ведомство стало теперь называться непривычно кратко — Министерство связи. Но старая эмблема сдала позиции только в 1960-х, и телефонщики стали делать люки с номерами ГОСТов, лишь изредка позволяя себе самостоятельность.

Жители Ярославля могут наблюдать эту своеобразную эволюцию прямо у себя под ногами. Причем на одном из самых длинных ее этапов — на этапе существования НКС. За редкими исключениями, почти все люки со штекером и молниями в центре города относятся как раз ко времени существования комиссариата связи, то есть к 1932–1946 годам. Сделано их было огромное количество, и, несмотря на смену названия ведомства, запасы со складов тратили вплоть до середины 1950-х.

Ул. Терешковой, 4

ЕЩЕ! ДАЙТЕ ЕЩЕ!

Массовое строительство домов со всеми удобствами начато было при великом кукурузном гуру Хрущеве. Миллионы людей по всей одной шестой тогда впервые не только увидели в захватывающих дух фильмах, но и получили в свое отдельное, собственное распоряжение кухни с газовыми плитами, ванны и — невероятно! — унитазы. Большинство типовых домов возводились из блоков и панелей, но зачастую — и из кирпича. Как раз на последних под некоторыми окнами мы можем узреть какие-то странные стальные колпаки, открытые снизу. При ближайшем рассмотрении оказывается, что под каждым колпаком в стене отверстие, которое ведет прямо в кухню. Но отнюдь не для проветривания — вентиляционные каналы этих домов выведены на крыши, как и у любых других порядочных зданий.

Перед нами очередная Деталька — фишечка 1950-х годов, демонстрирующая — безо всякой иронии! — заботу о советском человеке. На каждой кухне в стене под подоконником в этих домах устроена ниша — небольшой шкафчик, и в нем холодно. Особенно зимой. С улицы в шкафчик напрямую через отверстие в кладке поступает воздух. А колпак — чтобы не попадал дождь и мокрый снег.

Это и есть легендарный «хрущевский холодильник». И хотя изобретение это давнее и такого рода хитрость имела уже в рабочих казармах дореволюционной постройки, но именно в 1950–60-е годы государство одновременно с квартирами обеспечило миллионы своих граждан

еще и такими холодильниками. И ведь не столь дорого стоили настоящие, что были большинству не по карману, сколько их было просто «не достать».

В последующих типовых проектах от отверстия отказались, но вплоть до 90-х оставляли строители под кухонным подоконником нишу — стену делали в этом месте в полкирпича. В нашем случае, на улице Терешковой, в доме 4, — ранний вариант, серия 1-511. Стоишь перед такой заманчивой дырой в стене, ведущей не куда-то там, а напрямик в холодильник, и охватывает тебя неподконтрольное желание просунуть туда руку и схватить банку с малиновым вареньем.

Два метких прозвища, два острых народных словца закрепились за этими типовыми домами. Сначала их называли «хрущевками». А потом забылись полные ведра на коромысле, отхожее место на морозе, пыхающие восемь керогазов на общей кухне барака. Выяснилось, что с тещей утром ну никак не поделить совмещенный санузел, да еще разобрались, что в блочных и панельных хрущевках летом жарко, зимой холодно. Вот тогда после всех этих дивных осознаний и открытий стал народ называть дома «хрущобами»...

Смотришь на стену с доброй сотней колпачков под кухонными окнами и думаешь: как же трудно понять быт родителей, а уж бабушек-дедушек — и совсем сложно. Или о том, что человек может многое вынести, но и очень быстро привыкает к хорошему. И начинает хотеть еще лучшего. Еще. Еще! ДАЙТЕ ЕЩЕ!

Ул. Свободы, 8

А ДИНАМО БЕЖИТ?

В далеком 1923 году Железный Феликс, он же товарищ Дзержинский, отметил, что сотрудникам НКВД необходимо быть в хорошей физической форме — враг-то не спит. Сотрудники не возражали и немедленно, в апреле того же года, создали на основе Всеобщего спортивного общества, которое называли «Динамо» — по-гречески «сила, мощь». В ранге внутриведомственной организация не продержалась и нескольких месяцев — спорт должен быть доступным народу, и структуру назвали ПСО — Пролетарским спортивным обществом. То есть фактически открытым каждому желающему чекисту, если ты, конечно, не потомок попов или князей Жирово-Засекиных, но таких в органы и не брали.

Общество развивалось, уже в следующем году оно завоевало всю страну. И была сила, и была слава, и были велопробеги вдоль границ СССР, и шлюпочные переходы Смоленск — Севастополь, и великие футбольные матчи во время войны. И сотни динамовцев, уже не только сотрудников НКВД — КГБ, — олимпийских медалистов. В общем, чего только не было в истории этой замечательной организации.

Нас же интересует лепной барельеф, тот, что смотрит свысока на перекресток улиц Срубной — Собинова и Власьевской — Свободы. Перед нами — самый что ни на есть раритетнейший раритет. Далеко не каждый среди сотен тысяч по-

клонников бело-голубого движения знает, что знаменитая эмблема в виде витиеватой пузатой буквы «Д» была разработана лишь в начале 1926 года. А первые два года существования общество имело другую эмблему, гораздо более информативную — на ней были изображены предметы, символизирующие 11 видов спорта, которые культивировало «Динамо» на первых порах.

Далее, добавляем к этому тот факт, что уже в 1924 году общество, изначально организованное как московское, открывает свои двери еще в десяти городах СССР. Среди них был и Ярославль. Сопоставив эти два факта, мы получаем дату: барельеф был выполнен и установлен в период с 1924 по 1926 год. Вполне логично предположить, что в этом здании и находилось ярославское отделение Пролетарского спортивного общества «Динамо».

Лепнина держится уже девятый десяток лет, и несмотря на то, что парочка видов спорта потерялась, оставшиеся легко идентифицировать — можно увидеть, какие именно спортивные состязания интересовали людей в 1920-е.

Разглядеть на барельефе и идентифицировать каждый из этих видов спорта мы представим любознательному читателю. Равно как и приподнять занавес над вселенской тайной: что же таки есть ВО и что оно добавляло к ПСО?

Проспект Авиаторов, 15

ТОЧНОСТЬ — ВЕЖЛИВОСТЬ Н.К.В.Д.

1 октября 1901 года в Тверицах на улице Вологодской, ныне проспект Авиаторов, было торжественно открыто первое заволжское пожарное депо. Необходимость в нем давно зрела в этой части города, состоящей почти исключительно из деревянных строений. Собственный отряд городской пожарной команды был малочисленным. В случае мало-мальски серьезных пожаров помощь из Ярославля могла вовремя прибыть только по санному пути, летом же пожарному обозу приходилось переправляться через Волгу на пароходе — пока плывут пожарные, половины-то Заволжья уже и нету. Про весну и осень и говорить нечего: во время ледохода и ледостава Тверицы оставались безо всякой помощи.

Здание пожарного депо само по себе представляет хороший образчик архитектуры подобного жанра. Но нас интересуют детали. Одна из них, малозаметная, но крайне любопытная, ждет нас на левой стороне фасада. Это чугунная нивелирная марка.

Весь наш город, вся наша страна, весь мир давным-давно уже разбиты геодезистами на квадраты и сектора. Только мы об этом их мире не знаем. Чтобы соотносить виртуальный загадочный геодезистский мир с реальным, используются такие чугунные марки-репера. Иными словами, такая марка — это пункт нивелирной сети, служа-

щий для закрепления точки, высота которой над уровнем моря определена путем нивелирования.

Такие чугунные чушки усердные геодезисты забивают в основание капитальных сооружений, которые, как подразумевается, будут стоять вечно. Например в опору моста. Или в тверицкое пожарное депо. Такие репера-марки властям полагается тщательно охранять и защищать от вандалов (например от ремонтников, которые очень любят их закрашивать). Но система нивелирования за последние полвека изменилась, и власти расслабились. С тех пор такой маленький железный диск и стал раритетом.

Обычно на марке выбит и год заложения. В нашем случае он отсутствует, но его легко вычислить и так. Четыре буквы, внушавшие страх любому порядочному советскому человеку — НКВД, — здесь вполне невинны и безобидны. Главное управление государственной съемки и картографии передано в состав НКВД 15 июня 1935 года, а 23 сентября 1938 года — выведено. В эти три года неизвестный геодезист и забил марку в цоколь тверицкого пожарного депо.

А цифры 7 и 1 означают порядковый номер этой марки, она получила его еще на заводе. Так, стало быть, нам надо найти по городу как минимум еще семьдесят...

5

СРОЧНЫЙ РЕМОНТ
БУВ

ГЛАВ. СИМЕТРИКА
ГЛАВ. СЕМЕНОВСКАЯ
УЛИЦА

СРОЧНЫЙ
РЕМОНТ ВОЗНИК

Ул. Собинова, 5в

САПОЖОК

Черный сапожок, рекламирующий услуги сапожника, работающего в доме за номером 5в, что по улице Срубной — Собинова, замечательно вписывается в экстерьер этого самого дома. Само здание — один из немногих жилых домов конца XVIII века, дошедших до наших дней почти без перестроек и переделок. Создается впечатление, что сапожок прошел эти два с лишним века вместе с домом.

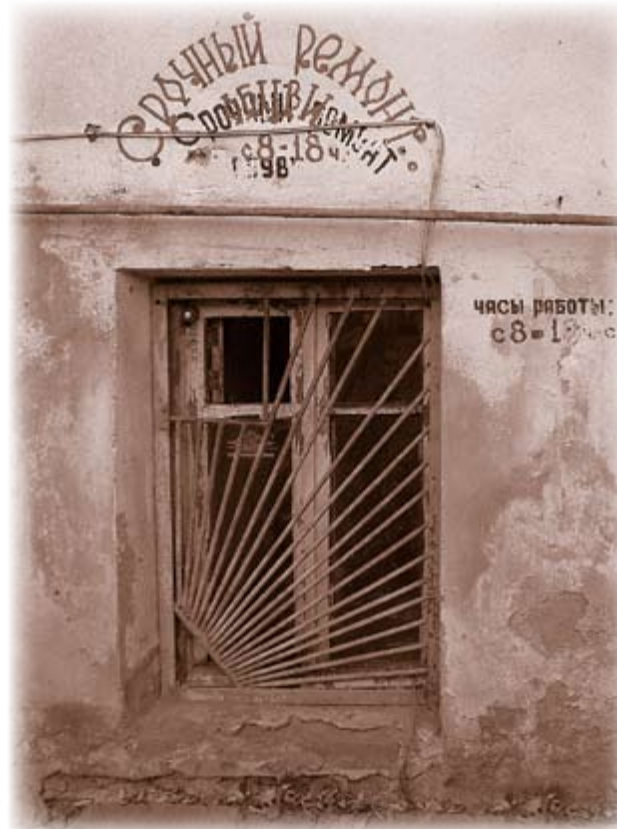
Старые стены, давным-давно не знавшие ремонта, потрескавшиеся ворота, облупившаяся калитка — и сапожок, выполненный вручную, с душой, лишь дополняет все эти детали. Однако эта скромная реклама с неизвестной монограммой (видимо, инициалы мастера), которая висит здесь уже который десяток лет, — лишь фасад загадочного мира, которым живет дом номер 5в.

Проникнуть в этот мир поглубже можно, зайдя в арку, где когда-то была калитка, следуя призывной стрелочке. Здесь прохожего ждет полуотвалившаяся пристройка с входным проемом и собственно само рабочее место сапожника. Это его жилая комната. Обувь принимается и выдается через форточку. Позвать мастера можно, нажав

кнопку звонка — она также присутствует на окне.

На секунду может показаться, что ты в старой Одессе. Но ты здесь, в Ярославле.

2008-й год. Ярославль. Улица Собинова. Одна из престижнейших улиц исторического центра. От двух тысяч евро за квадратный метр. Местная Уолл-Стрит: на 100 метров — 6 банков. Райффайзенбанк — в сорока шагах. Тут же в форточку принимают в починку обувь. Россия будет жить вечно!

Ул. Красный съезд, 8

В ЭТОТ ДЕНЬ...

Эта датировка на доме — самая старая из известных мне в городе. Традиция увековечивать год постройки на здании зародилась гораздо раньше, но поскольку, как правило, выполнялась она лепниной из ненадежного материала, вроде гипса, то и степень сохранности этих обязательных деталей городского антуража оставляет желать лучшего.

Суровой зимой 1883/1884 года в Ярославле на Семейном съезде было достроено здание в совершенно необычном для наших краев стиле, который сейчас принято называть «псевдорусским». Разработка его концепции относится еще к концу 1860-х годов, когда у высших слоев общества вдруг разыграл патриотизм, они (слои) вновь решили обратиться к народу, к корням, к матушке-землице припасть, испить от родников студеной. Знать полюбила щеголять в костюмах бояр XVII века, читать на ночь биографию Ивана Грозного и искать смысл жизни в крестьянской общине.

Это совпало с общеевропейской модой на архитектуру в национальном духе. В 1872 году на Политехнической выставке в Москве архитектор Гартман строит деревянные павильоны, декорированные резьбой и другими украшениями в народном стиле. Публика в восторге, наиболее эмоциональные барышни падают в обморок от счастья.

Отныне наши павильоны на всех международных выставках напоминают лубочные избышки и белокаменные палаты с иллюстраций русских народных сказок.

Вскоре подражания русскому зодчеству проникают и в кирпичные постройки. В 1882 году во время строительства в Петербурге храма Воскресения «на крови» Александр III высказывает пожелание, чтобы его архитектура «следовала XVII веку, образцы коего встречаются, например, в Ярославле». После такого заявления «русский стиль» и стал у нас официальным. Чем больше постройка похожа на палаты и теремки — тем лучше.

Действительно, здание за номером восемь по Красному съезду чем-то сходно древним княжеским теремам: шатровые завершения крыши, флюгера, резные окна и, конечно же, прекрасное пряничное крыльцо — его вполне можно перепутать с входом в церковь XVII века. Прошло уже 125 лет, но зда-

ние держится молодцом и радуется глаз. Радуется и датировка под крышей — она сделана на совесть. Из кирпича.

1883-й год. Стартует «Восточный Экспресс», коронует на царство Александр III, будущий Миротворец, в Москве открывается Храм Христа Спасителя, в Нью-Йорке — Бруклинский мост, а в Ярославле строится первое здание в стиле а-ля рюс.

1936-1937г.

Советская ул., 6

ЗОЛОТЫЕ ГОДЫ

1937-й год, помимо страшных несчастий для одних граждан нашей страны, принес и долгожданную радость для других. Эти самые «другие» — железнодорожники: руководство Северной железной дороги и ударники труда, премированные жильем. Все эти люди заезжали в новый дом, только что построенный на улице Пробойной — Советской на месте разобранных на кирпич церквей Варваринского прихода.

Один лишь вид дома изумлял ярославцев: в малоэтажном губернском городе огромный дворец в пять этажей смотрелся так же

эффектно, как и первые небоскребы в Нью-Йорке. Местная архитектурная звезда товарищ Капачинский вбивает свой последний гвоздь в гроб конструктивизма. На смену социалистической архитектурной утопии пришло возрождение классики — на новый, советский лад.

У специалистов уместность такой постройки прямо в сердце древнего города вызывает немало нареканий, но конечный потребитель — простой служащий железной

дороги — был счастлив. Теперь и он может жить в настоящем дворце! Дом номер шесть по улице Советской сохранил статус элитного все эти десятилетия, донес он свой престиж и до наших дней.

Это отразилось и в деталях. Дата постройки дома — 1936–1937 — выполнена, как это часто бывает, из весьма хрупкого материала. Половина цифр была утрачена

и до нас не дошла, но, в отличие от многих других зданий той же эпохи, цифры на одном из лучших домов города исправно восстанавливались.

Эта хорошая традиция находит свое продолжение и сейчас. Еще в 2006 году «шестерка» перевернулась и еле-еле держалась, угрожая последовать вниз за «семеркой» и дать в бубен какому-нибудь особо удачливому прохожему, выходящему из арки. Но во время ремонта зданий по улице Советской осенью 2007 года цифры на аттике снова засверкали на свежепокрашенном фасаде. Под весенним или осенним солнцем может даже показаться, что они золотые.

Ул. Кедрова, 12

ФОНАРЬ НА СТАРОМ ДОМЕ

Двор сталинского дома-гиганта по Советской, 6 скрывает от взоров маленький осколок еще более ранней эпохи. В свое время рядом с церковью Варвары Великомученицы этот особнячок последней трети XIX века смотрелся, конечно, куда более органично, нежели теперь, когда его подавила с двух сторон желтая громада жилого дома железнодорожного ведомства.

Этот укромный уголок и уготовил нам чудесную деталь — фонарь уличного освещения. Может показаться, что перед нами один из тех 250 электрических светильников, что освещали наш город в 1910 году. В 1904 году их было еще 38. А 30 декабря 1900 года — всего 12. Именно столько дуговых фонарей было зажжено на Власьевской улице благодаря только что построенной первой городской электростанции (ныне — Чайковского, 39).

Великому событию в городе предшествовала большая работа. И в общем и целом мы обязаны появлением одной из первых электростанций в России прогрессивным городским Думе и Управе, которые в свое время предпочли новомодный трамвай привыч-

ной конке. В контракте с бельгийским обществом, которое и строило станцию, равно как и трамвайные линии, было оговорено, что часть энергии паровых динамо-машин пойдет на нужды города. В частности на его освещение. Век керосиновых и газовых светильников заканчивался.

Старинные фонари и светильники, стоявшие и висевшие на центральных улицах города, не дошли до нас, причем не только с дореволюционных, но даже и с послевоенных времен. Это неудивительно — век такого рода конструкций недолог. Судьба фонаря во дворе на Советской, видимо, не станет исключением. Но сегодня он радует глаз своим изяществом. Сделанный в наши дни, он смотрится на старом здании очень органично. Живописен и весь этот бывший церковный дом — кусочек Старого Ярославля. Что тут и говорить — как мы видим, здесь еще топят дровами. По крайней мере — камины.

Революционный пр., 2

КЛЕЙМЕННЫЙ КИРПИЧ

Небольшой особнячок 1890 года скрывается от глаз в малоизвестном широкой общественности Революционном проезде, носившем до революции интригующее название Веревочного. Принадлежал он Варваре Алексеевне Шапулиной — был дан ей в приданое, когда она выходила замуж за Александра Николаевича Вахрамеева, еще одного правнука основателя заводов у Предтеченской церкви. Дом типичен для своего времени, но выделяется из контекста исключительно забубенной фантазией нынешних обитателей. На какие только ухищрения они не идут, чтобы придать зданию индивидуальность: здесь и флюгер в виде петушка, и колесо от телеги, вставленное в слуховое окно, и силуэты медведей на стене, и нежно-салатовые кованные двери с маленькими окошками-иллюминаторами.

Одна из любопытных деталей — это четыре кирпича с клеймами производителя, вкрапленные в новоделную пристройку к дому. Традиция клеймить кирпичи уходит во тьму веков, но настоящий бум начинается лишь со второй половины XIX века, вместе с бурным ростом капитализма в России. Металлическое клеймо помещалось в фор-

му для изготовления кирпича. Оно могло содержать самую разнообразную информацию: от имени-фамилии заводчика до порядкового номера рабочего-формовщика (это для контроля качества).

В дом номер два по Революционному проезду заложены кирпичи, содержащие подробные, столь дорогие нам, сведения о себе самих. Так, мы видим, что они изготовлены на кирпичном заводике некоего господина Денисьева, что находился в городе Романове, современный Тутаев. Значится и год выпуска продукции, к сожалению, о нем можно только догадываться — цифры подстерты.

В любом случае раритетные кирпичи с таким подробным клеймом — мечта любого современного кирпичного коллекционера, которых год от года становится все больше. Обитатели особняка сделали интереснейший исторический объект доступным для всех желающих. В любую погоду, в любое время суток — приходи и смотри, можно и потрогать, ничего ему не будет. Идеальный музейный экспонат — всегда в открытом доступе. И никто не упрет.

Комсомольская ул., 7

ПО ЛИНИИ СОЦИАЛИЗМА

В июле 1918 года артобстрелы и жуткий пожар практически полностью уничтожили южное крыло ярославского Гостиного двора, оставив на месте шедевра провинциальной архитектуры начала XIX века полуразрушенный остов. Здание решили не восстанавливать, и перед архитекторами встал серьезный вопрос: как же заполнить образовавшуюся ужасающую брешь в классической планировке города? Спустя десять лет после трагедии проект был выполнен, и, по мнению современников, просто блестяще.

Возглавлял архитекторов, создавших проект банка, Иван Иванович Князев. Во всех ярославских памятниках, восстановленных после июльской трагедии 1918-го, его вклад огромен.

А через год, удивительным образом вписавшись в существующую застройку, вдоль Линии Социализма (нынешней Комсомольской), встало здание Государственного банка — уникальный для Ярославля памятник неоренессансной архитектуры.

Но оно доносит до нас и идеологический накал второй половины 1920-х. Представьте. Власть еще не окрепла: ни твердой руки, ни достижений, никакого уважения в мире, только-только преодолели голод. Тем временем преуспевающий пережиток капитализма в виде НЭПа заставлял все большее число людей подозревать, что большевики — это ненадолго. На борьбу

с сомневающимися брошены все имеющиеся силы советской пропаганды. Уже тогда идеологи понимали, что архитектура — один из ведущих проводников этой самой пропаганды. Истлеет агитплакат, забудется радиоречь, пойдет на самокрутки газета с пламенными призывами. А вот барельеф на здании, да еще вырезанный в камне — практически вечен.

Смысл двух лаконичных украшений на углах ярославского банка очевиден. На одном — серп и молот, символ новой власти, на другом — столь полюбившийся советским архитекторам рог изобилия, извечный символ процветания и благополучия. Лозунг, скрывающийся за этим диптихом, прост и убедителен: «Советская власть — это изобилие».

В данном случае это не осталось пустыми словами. Здание Государственного банка было первоклассным по всем статьям. Светлый, просторный зал с высокими окнами. Десятки служащих. Огромный внутренний двор с собственной кухней, прачечной, каретником, складами и теннисной площадкой, а также небольшой, на шесть квартир, двухэтажный жилой корпус, выходящий на площадь перед монастырем, — все, все это было призвано показать еще не оправившимся от разрухи и голода ярославцам лишь одно: «Линия Социализма ведет к процветанию и благополучию!»

Ул. Собинова, 36

ЧЕТВЕРТЫЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ОРДЕР

Иосиф Виссарионович Сталин очень любил ампир. Смелый, новаторски-экспериментальный, но суровый и бедный конструктивизм ну никак не удовлетворял его амбициям. Империи нужен имперский стиль — здраво рассудил вождь, и архитекторы, моментально согласившись с его доводами, быстренько переквалифицировались на возведение домов в античном духе. Под фронтонами древних храмов Греции и Рима возносилась хвала богам, а у нас, как положено, — хвала советскому строю в целом, ну и Иосифу Виссарионовичу в частности, который после победы в войне окончательно убедился, что он стопроцентный молодец.

Пышность стиля «сталинский вампир» затмила все архитектурные нормы, существовавшие доселе. Сделать еще пышнее мешало лишь отсутствие современных материалов и банальная нехватка средств. Отныне и вовеки великие стройки должны были показывать только одно: преимущество существующего строя, его народа, его оружия, его идеологии, его Главного Зодчего. Ничто не может быть прекраснее и величественнее такой архитектуры, а древние римляне и греки так вообще должны пасть ниц, увидев такой переизбыток мрамора и гранита.

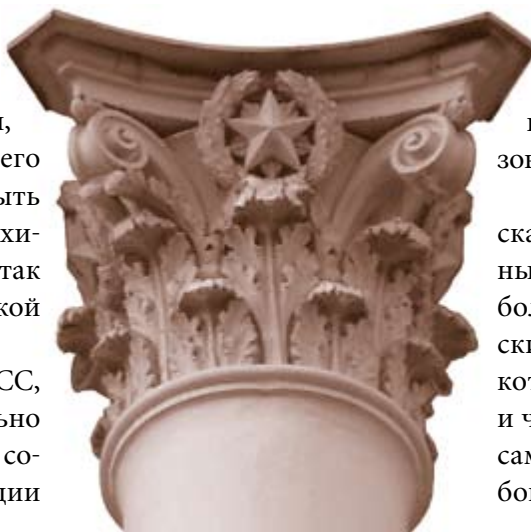
Здание библиотеки Горкома КПСС, построенное в 1955 году, действительно подобно античному храму. Вернее, оно содержит в себе переработанные традиции

русского классицизма и ампира, поэтому более всего напоминает усадьбу какого-нибудь московского богача-кутилы начала позапрошлого века. Но детали при этом, конечно, сталинские.

Главная из них — это лавровый венок с двумя пятиконечными звездами, одна на другой, искусно вделанный в верхушку-капитель очень даже античной колонны. Всего колонн шесть. Данный архитектурный прием — внедрение в классический коринфский ордер разного рода атрибутов советской власти (звезд, серпов-молотов, знамен, орденов) — стал очень популярен именно в послевоенное десятилетие. Можем мы наблюдать подобные детали и на ярославских улицах.

Капитель греческой колонны может быть трех основных орденов, на которых, как на трех китах, в общем-то, держится вся архитектура. Это капители дорическая (совсем простая, «безо всего»), ионическая («с двумя завитушками») и коринфская — самая нарядная, со стилизованными листьями растения аканта.

Римляне придумали еще два ордера, то-сканский и композитный, да их за отдельные и считать-то несерьезно, простенькие больно уж. Зато после советских имперских экспериментов середины XX века некоторые специалисты предложили ввести и четвертый ордер — «сталинский», то есть самый насыщенный, самый помпезный, богаче некуда.

Ул. Свободы, 52

СМЕРТЬ СТАЛИНА

В 1936 году, вполне в духе времени, было решено одним махом покончить с царским наследием и перенести административный центр города с парадно-монархической, да еще и церковной Ильинской — Советской площади на люмпенско-торговую Сенную — Труда. Когда-то базарная площадка с прудом, утопающая в грязи, хаотично обстроенная бараками и сараями — сначала она должна была, понятно, «До основания, а затем» — стать символом нового города. Грандиозные проекты так и остались на бумаге из-за войны и вечной нехватки денег. Но высокие замыслы не были полностью забыты и отразились в нынешнем торжественном оформлении ярославской площади №2.

Пронзил небо шпиль с красной звездой на перестроенных казармах, позже устроили фонтаны, а улица Власьевская, она же Большая Угличская — Свободы, уходящая от площади к вокзалу, вся превратилась в великолепную анфиладу сталинских домов-дворцов, самую длинную и представительную в городе. Открывает ее массивное здание дома номер 52. Его мощный шестизэтажный куб на углу и декоративная башенка-белvedere выступают в роли своеобразной «рифмы» к казармам.

Но мы ведем речь не об отвлеченных градостроительных материях. Мы ищем маленькие детальки. На этом пышно декорированном доме их хоть отбавляй, и самая любопытная — это традиционный для поздних «сталинок» лепной картуш с датой постройки — 1953. Они приделаны над входом в каждое парадное. Именно этот картуш закрепил за местной пивной, расположившейся в одном из та-

ких парадных, да, собственно, и за всем домом, волнующее слух название «Смерть Сталина».

Ох, какую тему зацепили — парадные! Нельзя не отвлечься. Как парадные они, прямо скажем, давным-давно не используются. В двух подъездах — магазины, в одном — вышеупомянутая пивная. Все они размещаются прямо на подъездных лестницах. Удивительное дело: архитекторы хотели дать простым жильцам почувствовать себя царями в роскошных новых дворцах, а люди спустя короткое время заколачивали парадный подъезд и начинали шмыгать (да и сейчас шмыгают) к себе домой через черный ход, со двора.

Это общероссийский феномен. Давно закрыто большинство парадных входов (а это почти любое здание постройки до 1960-х годов). В стране с вечной нехваткой площадей выделять такое большое пространство под вход в помещение, с утилитарно-бытовой точки зрения, — кощунственно. Практически везде парадные переоборудовались под жилые комнаты, торговые площади, а чаще всего — под дворничьи или помещения для хранения инвентаря или картофеля.

Сводить свою жизнь к беганию через темные черные ходы при наличии парадного — абсурд, но это выбор наших людей. Ну как тут не вспомнить бессмертное булгаковское: «Разве Карл Маркс запрещает держать на лестнице ковры? Где-нибудь у Карла Маркса сказано, что 2-й подъезд Калабуховского дома на Пречистенке следует забить досками и ходить кругом через черный двор? Кому это нужно? Угнетенным неграм? Или португальским рабочим?»

Ул. Свободы, 71

ПРИ ПОЖАРЕ В ПИВНОЙ... ЗВЕНИ О!

Дом №71 стоит на Свободе особняком от своих «вампиристых» соседей по улице. И не только потому, что располагается прямо на площади Труда, замыкая ее юго-западный угол. Всего на несколько лет старше роскошных сталинок, он при беглом взгляде выглядит скучноватым и даже безликим. Но отнюдь, перед нами — перестройка, а еще точнее, НАДСТРОЙКА, наверное, самая оригинальная и удивительная во всем городе.

Вся соль в том, что этот крупный пятиэтажный жилой дом — в самом прямом смысле слова! — несет в себе память о Сенной площади вековой давности. Он надстроен, вокруг и вверх, на бывшее пожарное депо и его каланчу. Стрельчатая арка на левом выступающем торце здания, такая странная на монотонном фасаде — вот она, новая деталь, позволяет угадать, что именно здесь каланча и находилась (ее сестра на противоположном фасаде выступа заштукатурена, но без труда высматривается). Постройку дореволюционных времен выдают также окна первого этажа.

Чем руководствовались архитекторы, когда решили таким образом «сохранить» здание старинного пожарного депо? Может быть, это была творческая дерзость. Действительно, создать жилые комнаты в пожарной каланче — невиданное решение. А мне хочется верить, что причиной было УВАЖЕНИЕ.

Немного истории, господа. На депо Ярославского вольного пожарного общества город копил всем миром. Напом-

ним, что главное отличие вольных пожарных обществ — это их, простите за тавтологию, добровольность. Участники не получали даже номинальной заработной платы, отдавая благому делу свободное время, «полагая душу свою за други своя». В Ярославле такая добровольная дружина, существовавшая за счет взносов ее членов и пожертвований, появилась в 1887 году. А спустя 15 лет уже назрела потребность в своем собственном пожарном депо и в новой обзорной каланче. То и другое было построено в 1907 году на Сенной площади. В июле 1918 года, когда полыхала практически вся эта часть города, именно вольная дружина пыталась отстоять от огня хоть что-то под непрекращающимся орудейным огнем красных. Люди долго вспоминали их безмерную отвагу. И хотя гореть поблизости потом было уже просто нечему, здание депо было восстановлено одним из первых.

Перестроенное, но сбереженное старое депо превратилось в огромный новый дом, где квартиры предоставлялись пожарным, и именно с тех пор он получил название «пожарного». Видимо, мы можем наблюдать своеобразную дань мужеству и бескорыстию наших земляков-добровольцев.

А всемирно известная пивная «Колеса» в этом доме, которая получила свое народное прозвище по оригинальному и не совсем понятному архитектурному решению своего фасада, вобрала в себя здание самого депо. Сидели ее посетители там, где когда-то стояли пожарные экипажи.

Советская ул., 14

ГОРДАЯ ДАТА

Пожалуй, это один из самых известных барельефов-датировок в городе. Он находится на главном корпусе Ярославского государственного университета и прекрасно обозревается с Красной площади и с одной из основных магистралей исторического центра — улицы Ильинской — Советской.

Эта круглая дата — 1900-й год, помимо самого скупого факта окончания строительства здания, знаменует еще одну немаловажную веху: ярославская мужская гимназия имени Александра I Благословенного наконец-то закончила бомжевать. Главное среднее учебное заведение города с самого своего основания в 1805 году не имело собственного угла и скиталось по разным адресам. Когда гимназию создали, предназначенное ей в собственность здание на углу Ростовской улицы

(так тогда называлась Екатерининская, теперешняя Андропова) и Воскресенской — Революционной, было в аренде у очень серьезных людей — питейных откупщиков, и пока не кончился ее срок, пришлось квартировать в Доме призрения ближнего на той же Ростовской улице. Потом было здание благородного пансиона на Ростовской у Спаса на Городу, соседство с Городской управой в доме на Челю-

скинцев — Плац-парадной. Так гимназия мыкалась чуть ли не сто лет, что, однако, не помешало ей воспитать в своих стенах многих замечательных людей. В том числе Николеньку Некрасова, который, правда, проучившись (кстати, в бывшем питейном доме) три года, так ее и не окончил, но писать здорово научился.

И вот мытарствам пришел конец. В 1901 года занятия начинаются уже в трехэтажном, оборудованном по последнему слову здания на одной из главных ярославских площадей — Семеновской — Красной. И пусть впоследствии гимназия была преобразована в образцовую советскую школу № 1 имени Карла Маркса, и пусть во время войны эта наследница лучших традиций ярославского образования переехала на Собинова, 22 (ныне школа № 33), и пусть не сохранился прекрасный лепной барельеф «ГИМНАЗИЯ» над главным входом.

Пусть, несмотря на вечный бег времени, лаконичные четыре цифры — 1900 — напомнят нам о тех годах, когда множество мальчишек и уже усатых молодых людей, лучших сыновей Ярославского края, носили на фуражках эмблемы с аббревиатурой «ЯГ» — и носили с гордостью.

Ул. Маяковского, 25

ПРОПИСНАЯ ДАТА

Уже с 1920–30-х годов начинают активно застраиваться улицы, ведущие от сердца ярославского Заволжья — Тверицкой слободы — к Гагаринской слободке, к станции Филино и к новостройкам левого берега, Волгострою и Ляпинке.

Улица Маяковского, ведущая к форпосту ярославской энергетики тех лет — Ляпинской ГРЭС, строилась особенно интенсивно: почти два километра аккуратных частных домиков. Вплоть до 1960-х годов в условиях, когда власти не могли решить жилищный вопрос для рабочего люда, оный люд самостоятельно справлялся с этими своими проблемами и упорно строил в городской черте собственные дома без помощи государства. Благо, деревенский многовековой опыт возведения срубов и кирпичной кладки оставался.

Глядя на дом номер 25 по улице Маяковского, сразу понимаешь — СВОЕ. Боль-

шой, словно на две семьи, кирпичный дом и по сей день удивляет добротностью, качеством постройки и, конечно, любовью к деталям. Удивительно изящное чердачное окно, кружева деревянной резьбы, явно перенятые резчиками из родной деревни, новенький флюгер в виде ярославского герба, аккуратно покрашенный красивый забор — все это говорит, что душу вкладывали и вкладывают владельцы в свое детище.

Заботливо пронесенные через полвека вырезанные из дерева цифры даты — 1957 — прямое тому подтверждение. Они словно выведены перьевой ручкой, старательно, как на уроке чистописания, с нажимом, положенными хвостиками и изгибами.

До полного запрета частного строительства в городской черте оставалось четыре года.

Советская ул., 10а

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

Все детали окружающего нас материального мира взаимосвязаны в пространстве и времени. Эту аксиому демонстрирует любопытная вещь, которую мы можем наблюдать на особнячке по адресу улица Советская, дом 10а. Здесь как-то странно обгрызены стрельчатые окна. Помимо визуального удивления от оригинальной формы, получаешь удовольствие и от осознания временных причинно-следственных связей. Почему же окна словно как треугольные? Попробуем выстроить цепочку.

1. Французским колонизаторам очень понравилось в Северной Африке. Тепло, уютно, вольготно, бриз с моря освежает, загадочные знойные женщины, апельсины.

2. Естественно, по возвращении на родину французским колонизаторам не захотелось отказываться от восточной сказки. Именно поэтому во Франции, а затем и в Европе, стал очень популярен так называемый «марокканский» стиль, то есть смесь мавританских северо-африканских мотивов и классических европейских. Этот стиль получил к середине — концу XIX века широкое распространение и в интерьере, и в архитектуре.

3. Русские архитекторы и дизайнеры всегда любили заимствовать у европейских. Неудивительно, что одно из направлений русского модерна на рубеже XIX и XX веков и получило название «марокканское», или «псевдомарок-

канское». В русских столицах стиль был популярен, а в провинции, как обычно, — гораздо меньше. Например, в Ярославле здания этого стиля можно пересчитать по пальцам одной руки. Одно из них — особняк на Советской, 10а.

4. В советскую эпоху вышеупомянутый марокканский стиль стал абсолютно не нужен, тем более псевдо. Чуждые светлomu социалистическому будущему веяния, непонятные завитушки и лишний декор на фасадах, совершенно непрактичные узкие, стрельчатые окна. Какой в них смысл?

5. И вот изящные псевдомавританские окна чуть не полностью закладывают кирпичом. Внутри совсем другая планировка, другие помещения. Неизвестный нам плотник кряхтит, но все-таки выполняет довольно сложную работу — приспособливает старые рамы к остаткам окон, получается нечто треугольное, с плавными изогнутыми боковыми сторонами.

Несмотря на новую планировку, проветривание-то никто не отменял — только форточка теперь в центре окна.

Вот какую историческую следственно-причинную связь мы можем наблюдать, любясь особняком в псевдомарокканском стиле на улице Советской.

— А почему в доме окна как будто треугольные?

— А потому, что французским колонизаторам понравилось в Северной Африке.

Советская пл., 1

НЕЙТРАЛЬНЫЙ ФАШИЗМ

Удивительное творение русских литейщиков мы можем видеть прямо в сердце Ярославля — на Советской — Ильинской площади. Три чугунные решетки великолепно сохранились, собственно, как и само здание — южный корпус Присутственных мест 1787 года постройки, образующие вместе с Северным корпусом уникальный классический ансамбль провинциального регулярного градостроительства.

Раньше такие серьезные элементы декора, как балконные решетки, обязаны были нести в себе глубокий смысл: показывать прохожему статус хозяев, их вкусы, а зачастую — гербы и прочую символику. Владельцем этого здания всегда было государство, и решетка на Южном корпусе дошла до нас исключительно благодаря извечно особому положению «правительственного» здания. И благодаря тому, что символы, изображенные на ней, общественное мнение сочло нейтральными.

Прочитать «смысл» решетки несложно: лавровые венки (символы бессмертия, доблести, воинской славы, чести), числом три (с нами Бог), летящие стрелы (целеустремленность, мужество в достижении цели), ну и, конечно же, хрестоматийные пучки стрел.

В любой порядочной мировой культуре есть сказка-притча про нечто, что по одиночке легко сломать, а вот вместе — никак. В русской традиции это прутья и веник, в римской — пучок стрел. Символ единства, мужества, общего дела, мощи коллектива в противостоянии врагу. И, конечно же, слабости индивидуализма.

А еще пучок стрел на латыни — фасцию, по-итальянски — фашию, так что перед нами один из символов, использованных фашизмом.

Только вот поскольку мы боролись с нацистами, немецкая свастика в нашем сознании напрочь затмила мусолиньевский пучок. И вот итог — подобные творения русских чеканщиков, резчиков, лепщиков по всей стране благополучно сохранились, так как для общестественности эти символы — нейтральны.

Ведь в данном случае это творение посвящено единству, неустранимости, мужеству русского народа в противостоянии Наполеону в Отечественной войне 1812 года. Вдумчивый человек может возразить, что, мол, когда здание строилось в 1780-е, Наполеон еще пешком под стол ходил. И будет прав — памятная решетка на здании появилась лишь в 1832 году, словно в ознаменование двадцатилетия той войны, первой ставшей Отечественной. Чугун — вечен. Ей уже 177 лет.

Ул. Новое Долматово. Номер дома засекречен

ALLES FÜR DEUTSCHLAND

В последние годы в России стало чрезвычайно модным оформлять свой загородный дом самыми разными изысками, начиная от лежащих львов при въезде на участок и заканчивая гигантскими чугунными бабочками, сидящими на крыше. Такого рода причуды достаточно дороги, и поэтому ясно, что традиция более всего прижилась в Подмосковье. Однако мы можем наблюдать подобное и в наших палестинах.

В поселке Новое Долматово, что находится на заволжском берегу между новым и старым мостами, стоит особнячок. Три внушительного вида орла охраняют владения хозяина, усевшись на мощную ограду.

Нам не известно, почему среди множества вариантов наверший, например шариков, птичек, львов, острых пик, позолоченных знаков \$ и медных кругляшей, владелец этого дома выбрал именно орлов. В любом случае среди покосившихся дачных щитовых домиков, ряда безликих коттеджей, старых деревенских срубов этот дом стоит особняком только благодаря своим деталям.

Орел, испокон веков почитавшийся людьми как благородная птица, символ

мужества и выносливости, один может смотреть на солнце, не мигая, и потому его сравнивали с самим солнцем и с самим Богом. Римская империя навсегда увековечивает орла в своей символике. Знаменитый прусский орел — не что иное, как продолжение римской традиции. Голова влево, крылья мощны, широки, опущены — вот он, сакральный символ Третьего Рейха, вот он перед вами, в поселке Новое Долматово города Ярославля. Это не что иное, как стилизованный немецкий герб. И сам особняк только

способствует таким ассоциациям — в мрачную погоду, глядя на дом, можно представить, что ты в пригороде Берлина. Вот что могут сделать детали, внедренные в жилое пространство необдуманно, случайно. Сомнительно, что владелец представляет себя немецким бюргером. А жаль. Ведь в дождливый вечер, когда все вокруг кажется черно-белым, так хочется, так хочется, глядя на этот дом, перенестись в мыслях на пару тысяч километров западнее и вспомнить легендарное:

«...К себе в Бабельсберг Штирлиц вернулся поздно. Он отпер дверь, потянулся к выключателю, но услышал голос, очень знакомый и тихий:

— Не надо включать свет...»

Авиационная ул., напротив дома №10

ПТИЦА РАЙСКА

Бесспорно, такие детали внешнего убранства домов, как деревянные наличники, — это огромный пласт, требующий отдельного изучения. Но мы же поем хвалу тем людям, которые, несмотря на суету и тяготы жизни, не растеряли редкого по нынешним временам свойства — любви к маленьким деталькам.

Никто не заставлял владельца гаража, что напротив дома номер десять по улице Авиационной, украшать вышеупомянутый гараж резными деревянными наличниками. Можно было оставить железную коробку ржаво-невыятого цвета, как у всех, — и никто слова бы не сказал. Но владелец постарался, он тратил время, вкладывал душу — и вот его произведение на наших страницах.

Гараж находится в поселке Сокол, там, где улица летчика Талалихина заканчивается двумя проездами с нежными, ласкающими психику экстремалов названиями — Реактивным и Парашютным. Там-то и затерялась улица Авиационная, а вместе с ней — и наш расписной чудо-гараж.

Сомнительно, чтобы владелец изготавливал наличники для своего гаража специально. Более вероятно, что они сняты с обычного деревянного дома. Узор наличников простой, в целом характерный для северных губерний. На этом фоне особо выделяется птица, посаженная на кры-

шу гаража. Изображения гусей, уток, курочек опять-таки обычны для наших мест, они означают доброе начало, сытость и умиротворение в доме. Но эта птичка, с длинным диковинным хвостом, напоминающим павлиний, — явно из другой оперы.

И тут мы можем вспомнить о неких пернатых персонажах в русской мифологии: это птица-сирин и птица-алконост. Или, как в сказках сказывается, «птицы райски». Их изображениями любили украшать окошки — и на удачу, и красиво. Ну а поскольку никто не знал, как же выглядит райская птица, то каждый автор и фантазировал как мог. Наш резчик представил ее вот такой хвостатой, чем-то смахивающей еще и на дракона.

Нет пределов фантазии русского человека, ни в былые времена, ни в нынешние. «Во темном бору богатый гараж стоит, весь убран, приукрашен, крыльчушко красное, с точеными балясами, с переходами брусчатыми, с птицами райскими, дивными».

Клубная ул., 16

ПОСРЕДЬ БОЛОТ

В голодном 1923 году жители Твериц и всех окрестных заволжских сел были взбудоражены невероятными слухами: по глухой болотине, что у деревеньки Ляпино, ходят бородатые люди, пьют водку и при этом меряют болото неведомыми приборами. «Гиадисты какие-то понаехали, из самой Москвы», — шептались обыватели.

Появление веселых бородатых дяденек на заволжских болотах было лишь следствием, а причины крылись в знаменитой затее с аббревиатурой ГОЭЛРО — плане по государственной электрификации России. В Ярославле планировалось воздвигнуть мощные заводы, а им необходимо электричество. Реки тогда еще не перегораживали, а вот поставить болота на службу пролетариату — пожалуйста. За Волгой строилось невиданное — мощная электростанция, работающая на торфе. Торф также добывался невероятным способом — его размывали водой и в состоянии разжиженной массы по трубам доставляли на станцию.

К делу. Поселок Гидроторфа возник прямо на окраине обширного Ляпинского болота. Он получил название Нижнего. Корпуса электростанции поднялись чуть поодаль. К ней от места добычи торфа пролегли коммуникации — трубопровод для той самой торфяной жижи, шоссейная и железная дороги. Между всеми этими индустриализмами и вытянулся новый поселок, известный сейчас как Средний.

Оба поселка, и Нижний, и Средний, строили в три очереди. Вначале — дома для первопроходцев, деревянные конструктивистские срубы-общежития. Их возводили вплоть до войны. После войны с появлением в казне денег и дармовой немецкой пленной рабочей силы качество домов улучшилось,

равно как и увеличилось их количество. Во время второй волны застройки Ляпинка получила аккуратные двухэтажные каменные дома — без особых изысков, но добротные. Третья волна застройки района началась на заре 1970-х.

Но вернемся к интересующей нас второй волне. Несмотря на то, что, как уже было сказано, особой архитектурной ценности типичная застройка 1950-х годов в данном случае не представляет, есть на Среднем поселке и свой маленький шедевр. Здание это занимает ключевое, центральное место среди квартала, выходит фасадом на главную Клубную улицу, и поэтому в его внешнее убранство архитекторы вложились изрядно.

Изящные плавные формы, лепной декор, аккуратная кованая ограда балкона и замечательный стальной козырек с красной звездой, который мы уже могли видеть на улице Белинского, в доме 6, только за Волгой он поднят вверх — стал навесом над парадным балконом. Более того, можно заметить, что и сами здания очень похожи — те же псевдобарочные формы, общие решения, одинаковые наличники. Дома на Пятерке и Ляпинке — близнецы. Только во втором варианте вход в подъезд оформлен в виде кирпичного портика (либо же в первом случае он был утрачен), поэтому здание и получило балкон, а также чуть более изящно решен аттик, то есть стенка, расположенная над карнизом крыши.

На нем-то, на аттике, мы и можем лицезреть ту маленькую детальку, ради которой совершили экскурс в историю. Это прекрасно сохранившийся и отреставрированный барельеф-датировка, запечатлевший начало второй, послевоенной волны застройки поселка энергетиков — 1952-й год.

Ул. Трефолева, 20

ПЕРЕМЕНА ДАТ

На улице Варваринской — Трефолева мы можем видеть редкий пример того, как небольшие детали придают зданию значимость, выдвигают его на первый план в окружающей застройке. На безымянной площади, образуемой Т-образным перекрестком улиц Трефолева и Андропова (в народе прозванной из-за своей формы «Треугольником»), доминирует невысокое здание ярославского Планетария — и это несмотря на соседство трех- и четырехэтажных домов.

Помимо того, что постройка занимает ключевое положение на пересечении осей двух улиц, прохожий невольно обращает на нее внимание во многом благодаря ее наружным деталям: это крупный барельеф-надпись «ПЛАНЕТАРИЙ» и две дублирующие даты по краям, говорящие нам, что здание построено в 1948 году.

Но даже неискушенный человек заподозрит в этих цифрах подвох. Кроме небольшого полусферического купола, ничто не выдает в здании его функционального предназначения, а ведь планетарий — постройка с характерными архитектурными формами. Более того, даже любитель легко заметит, что здание по общему облику, по самому образу можно поставить в ряд скорее к многочисленным дореволюционным особнякам-усадьбам, которых так много в центре Ярославля, нежели к пышной архитектуре послевоенного десятилетия.

Профессионал же с уверенностью скажет, что по ряду признаков его можно отнести к зрелому, каноническому классицизму начала XIX века, а уж точно не к середине XX. И действительно, здание построено не в 1940-е, а в конце 1820-х. Налицо некоторое лукавство этого барельефа.

Перед нами — бывшая теплая церковь Покрова Пресвятой Богородицы Казанского монастыря. Она и сохранилась-то до наших дней, лишившись своей большой колокольни, лишь благодаря освоенным ею новым амплуа — сначала городской библиотеки, а затем — Планетария.

Большой круглый купол церкви идеально подошел для демонстрационного оборудования. Там, где своды когда-то были расписаны небесами обетованными, теперь показывают далекие звезд-

ные миры и другие астрономические чудеса.

Таким образом, перед собой мы видим чрезвычайно редкий вариант использования архитектурной детали. Барельеф-датировка означает здесь не год постройки здания, как в подавляющем большинстве случаев, а начало его жизни в новой роли. Это 7 ноября 1948 года, дата открытия пятого в нашей стране планетария — Ярославского. Вскоре планетарий переедет в новое здание, а здесь снова освятится храм. И барельеф тогда наверняка заменят.

Первомайская ул., 53

ЛИК В ОКНЕ

Двухэтажный дом на площади Богоявления содержит сразу несколько признаков стиля модерн, и самый бросающийся в глаза — огромное, во всю стену, окно.

Окно как таковое стало выступать в роли самостоятельного украшения фасада еще в период эклектики, но чаще всего такой прием использовали уже в модерне. Это связано не только с творческими экспериментами архитекторов, но и с техническим прогрессом. Использование металлических перекрытий взамен арочных сразу позволило делать окна больше, а улучшенные системы отопления позволили не мерзнуть от их огромности. Появившееся электрическое освещение — наоборот, дало «поиграть» с маленькими окошками-бойницами.

Огромное окно, в два, как в нашем случае, или даже в три этажа — это верный признак, что здание выполняет общественные функции: магазин, ресторан, контора, фабрика. Большое окно призвано показывать прохожему, что происходит в здании, что там продают, кто там работает, а к частному жилью такое излишнее внимание непозволительно.

В здании на Первомайской, 53 окно имеет богатые резные деревянные рамы, сами по себе являю-

щиеся произведением искусства. Растительный орнамент, столь характерный для модерна, маскарон с ликом мифологического существа — вся эта прекрасная композиция кажется выполненной из чего угодно: из камня, из мрамора, из гипса — но только не из дерева. Более того. Окно,

занимающее весь фасад здания, просто не оставило на стене места для традиционных архитектурных украшений и автоматически приняло на себя их функции. Так деревянные брусья, рассекающие плоскость полуovalного окна, уподобились миниатюрным пилястрам.

Не удивительно, что для создания такого необыкновенного украшения на доме, выходящем на одну из ключевых площадей города, потребовалось много труда и немалое время. Выполненные искусными резчиками массивные, сделанные из дорогого дерева, пропитанные специальным составом лики мифологических существ свысока смотрят на Богоявленку уже сто лет. И просмотрят еще столько же, если какому-нибудь продвинутому не придет в голову заменить их белым больничным пластиком «Рехау». Чтоб стало «богато» и «современно».

3-я Рабочая ул., 67а

ТВОРЧЕСКИЙ ЗУД

В русском человеке испокон веков жила страсть к творчеству, находившая выражение в убранстве жилища. Нынче времена не те. Жилища строят таджики, убранство делают китайцы. Но в некоторых соотечественниках эту страсть никогда не убить иностранщиной.

Дом 67а на улице 3-й Рабочей находится в заповеднике частной застройки, зажатом с одной стороны Петропавловским парком, с другой — железной дорогой, а с третьей — психушкой. Фантазия его жильцов — бесподобна. Какие же детали мы можем видеть в оформлении постройки? Какие стилистические приемы использовали авторы?

Ключевое место, под венцом крыши, занимает советский постер с изображением неведомого молодого барда. Его фланкируют две плетеные вазочки (очевидно, под фрукты), прибитые гвоздями. Дополняет композицию богатая гирлянда, состоящая из лопнувших воздушных шариков, битых елочных игрушек и фантиков от конфет. Украшения фриза не менее эффектны. Это деревянный баран с голубой мордой, жестяной олень, циферблат от будильника, китайская картинка «под янтарь», упаковка от шоколадки «Коркунов», да все и не перечислить.

На фасаде также выделяются яркие круглые медальоны, один с пейзажем мирной деревни, другой с цветочным натюрмортом, и несколько упаковок от кошачьего корма. В левой части фасада у калитки сделан акцент на депутате Ермолине В. В. («Знания и опыт — на службу родного Перекопа»). Гармоничность и цельность всей композиции подчеркивает множество рекламных проспектов крупных сетевых компаний («Мандарины — по 39 рублей!»).

Смелое решение, новаторский подход, новое слово в дизайне заметно вросшей в землю русской избы. Нельзя не оценить усилия, приложенные авторами: ведь гирлянду из шариков и фантиков, плетеные вазы и молодого барда можно было повесить лишь с помощью стремянки, а это требует трудозатрат.

Нам неизвестны мотивы, заставившие людей столь революционно украсить свое жилище. Возможно, они действовали по принципу «дедушка старый, ему все равно», возможно, им проплатил кандидат в депутаты Ермолин В. В., но гораздо более вероятно, что в них живет не реализованная из-за таджиков и китайцев та самая русская творческая страсть.

Мельничная ул., у дома №15

КОЛЕСООТБОЙНАЯ ТУМБА

Разглядывая старые фотографии и открытки с видами русских городов, можно заметить длинные ряды невысоких столбиков, тянущиеся по улицам параллельно линиям домов. Это колесоотбойные тумбы. Как показывает название, они были предназначены отбивать посягнувшие на них колеса телег и карет, а впоследствии и автомобилей. Изначально их устанавливали на углах возле арок и узких проездов, дабы транспортное средство при повороте случайно не повредило оные углы.

Однако уже в начале XIX века уличное движение стало весьма оживленным. После екатерининских городских перепланировок возницам стало где разгуляться на новых широких мощеных улицах. И возникла новая проблема: защита пешеходов. Ведь лошадь — существо живое и непредсказуемое. На улице она может испугаться чего-нибудь или зарезвиться по молодости и понести, давя все подряд, включая мирных пешеходов.

Выход был найден в 1817 году: ряды тумб, разграничивающих проезжую и пешеходные части. Вот суровый, но принципиальный ответ петербургских чиновников

взбесившимся лошадям: «По краям тротуаров должны быть столбики, расстоянием от 2 до 3 сажень один от другого. Столбики сии будут в 3 фута вышины. Владельцы домов могут употреблять чугунные или гранитные столбики, но величина их и форма должны быть по данной модели».

Все мало-мальски приличные улицы Империи покрывались длинными рядами гранитных и чугунных колесоотбойных тумб. Пешеходы вздохнули спокойно, лошади волновались, пытались добраться до пешеходов, но не смогли и смирились.

Столбикам пришел конец с развитием автотранспорта. Во-первых, автомобиль все-таки более контролируем. А во-вторых, против автомобилей лучше помогают бордюры.

Немыми свидетелями ушедшей эпохи гужевого транспорта смотрят на нас с земли колесоотбойники вековой и полуторавековой давности. В Ярославле их еще можно встретить разве что на бывших окраинах — как, например, здесь, на пересечении улиц Мельничной и Ямской. Об этой потере пожалели разве лишь бабушки, которые очень любили на них отдыхать. Действительно, великолепный своеобразный «городской пенек».

Зеленцовская ул., 16

БЕЗ ЛАМПОЧКИ

Несмотря на свою будничность и привычность, система нумерации домов пришла к нам отнюдь не из тьмы веков. Она стала необходимостью лишь при бурном росте населения, развитии инфраструктуры и быстрой урбанизации. В Париже дома стали нумеровать лишь с 1778 года — как раз, кстати, в этом году новый облик губернского города с регулярной планировкой получил наш Ярославль. Но еще несколько десятилетий письма, посылки, гости находили своих адресатов по традиционной народной ориентировке, вроде «Град Ярославль Поволский, Коровницкая слобода, дом хромого Пантелея у Златоустовой церкви».

Унифицировать номерные знаки в состоянии только сильное государство с мощной централизованной властью. У нас это произошло в 1937 году, когда вышел единый ГОСТ для номерных домовых знаков по всей стране.

Знак тот был полуovalным, жестяным, эмалированным или как минимум крашенным белой краской. На белом фоне черным цветом — в центре, крупно, номер дома, по полукругу же пущено название улицы. Был он снабжен козырьком от дождя и снега, а сверху имел лампочку на 15 свечей в специальном треугольном ящичке со стеклянными вставками. На вставках написан номер дома — его видно даже издалека и в темноте.

От стеклянных вставок при практической эксплуатации пришлось отказываться — бурная натура нашего человека не любит стеклянных элементов на улице. По новому ГОСТу коробка для ламп стали делать также из жести, в которой был прорезан номер дома, и он все равно светился в темноте.

Новый знак оказался настолько хорош, что использовался вплоть до конца 60-х годов. Однако и в нем были допущены две серьезные ошибки. Так, козырек оказался слишком мал и не спасал номер от влаги, вследствие чего он довольно быстро превращался в ржавую нечитаемую табличку. Вторая ошибка заключалась в том, что поддержание такого знака в порядке поручалось не государственной службе, а жильцам дома. Наш же человек вот просто так лампочку на улицу не купит. Он скорее свинтит ее у соседа. Сосед это знает и тоже не покупает.

И вот итог: все города страны, включая Ярославль, в изобилии украшены ржавыми табличками с разной степенью читабельности. В качестве примера — номерной домовый знак на Зеленцовской улице. Он выглядит так, как изначально и задумывали авторы. Разве что лампочка новая так и не куплена.

Судовый дом - 2

гос. суд. участок
д. 2.

2-й Суздальский пер., двор дома № 2

ТАЗ-МУХОМОР

Детали городской среды не берутся из ниоткуда. Какие-то из них старше, отсчитывают уже не одну сотню лет, другие моложе. А иные мы делаем сами, своими руками. Мы сами создаем свой город, свое материальное пространство, как создавали его наши предки. Ничто не мешает человеку и сейчас красиво выполнить дату на ново-построенном особняке, сделать оригинальное ограждение, придумать стильный проект почтового ящика или крышки люка. Более того, для этого даже зачастую не нужно много денег и сил. Требуется лишь чуть-чуть желания.

Все это отлично демонстрирует маленький дворик при доме номер два по 2-му Суздальскому переулку. Совершенно несложно врыть в землю старые автомобильные покрышки — традиционную забаву советских мальчигов — и выкрасить их в яркие цвета. Насадить пестрые клумбы. Деревянные

чурбаны также вкопать в землю и напоследок увенчать их этой замечательной деталью — обычными эмалированными тазами, раскрашенными под грибы-мухоморы. Однако не забудьте прибить эти «шляпки»-тазы к «ножкам»-поленьям, для прочности и верности, чтобы тазолюбители-индивидуалы не унесли. (А вот алюминиевые применять не советуем: их и саморезы-двухсотки не защитят.)

Пара дней труда, капля фантазии, несколько милых глазу деталей, и вот итог: небольшой уютный дворик, в который приятно возвращаться, да и просто проходить мимо. Ну и почетное место в наших «Деталях», разумеется.

И как славно, что таких щемяще уютных местечек в ярославских дворах становится все больше. И уже где-то из-под мухоморного таза выглядывает пластмассовый Карлсон или бежит к нему Колобок, нарисованный на детском мяче, а там и вырезанный из дерева Лесовичок. Все это — новые Детали. Для следующей серии.

В полосе отчуждения: СМП-821

ДОМ НА КОЛЕСАХ

Перед нами — самая крупная в нашем собрании деталь городской материальной культуры Ярославля. Самая большая, и уж точно одна из самых нерадостно оригинальных. Это пассажирский вагон, использующийся под жилье. Несмотря на то, что и в наши дни оригинальностью собственного жилища никого не удивишь (живут не только в вагонах, но и в цистернах, грузовых автомобилях, корпусах старых автобусов и даже вертолетах), этот вагон — особенный.

Прежде всего, это исторический «егоровский» вагон, названный по имени проектировщика вагоностроительного завода имени Егорова в Ленинграде. Производились они с 1929 по 1941 год. В силу возраста такие редкости дошли до нас лишь в музеях. Наш же раритет — докатился вот в таком амплуа импровизированной жилплощади.

Во все времена жилищный вопрос был актуальным в России как никакой другой. Но в первой половине XX века, на фоне массовых разрушений двух мировых и гражданской войны, а главное — в связи с начавшейся интенсивной урбанизацией, дефицит жилья принял катастрофические масштабы.

Жили в подвалах, землянках, сараях, пристройках, цехах. Жили в колокольне церкви Рождества Христова и в стене Казанского монастыря. Жили по 15 человек в комнате. И жизнь в таком вагоне, оборудованном туалетом и печкой, трубу от которой мы видим и сейчас, была за счастье. Прописка, что кажется в наши дни удивительным, тоже была «вагонная».

Сейчас, очевидно, с регистрацией «по месту фактического проживания» будут проблемы, потому что юридического статуса обычного городского строения вагон-то не имеет. Он стоит в чистом поле в полосе отчуждения Северной железной дороги, между окончанием улицы Чкалова и улицей Магистральной, а ближайшее к нему жилье, домик за номером один по Локомотивной улице, находится в добром полукилометре.

Что заставляло людей жить в таких условиях? Что заставляет сейчас? А выхода нет. На улице-то холоднее. Но самое удивительное, самый что ни на есть парадокс в том, что, несмотря на такие жуткие, с точки зрения современного человека, условия, люди были счастливы. Потому что жизнь любили.

Брызгалов
Борис Михайлович
Электросети по ремонту оборудования
распределительных устройств Удмуртской Республики
Республиканского производственного объединения

У дома № 8 по ул. Воинова

ЭХО ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Не прошло и года после Потсдамской конференции, а победившие в войне союзники уже перессорились вдрызг. В США коммунистофобия, там ищут «красных под кроватью». В СССР спешно паяют ядерную бомбу. После ее успешных испытаний в диких казахстанских степях американцы ойкнули, Вашингтон заиграл мускулами и стал создавать еще более мощную бомбу. Но советские люди не расстроились. В ответ на происки империалистических хищников вся страна покрылась вот такими вот небольшими будочками с малюсенькими дверцами.

Так называемое встроенное бомбоубежище представляет собой укрепленный домовый подвал или полуподвал с мощными дверями — в теории они должны выдержать взрывную волну ядерного заряда. До практики дело пока не дошло, поэтому выдержат ли двери подобный удар, мы узнаем лишь в следующей серии. Аварийный выход, идущий из-под здания в отдельно выведенную на поверхность шахту, должен находиться на расстоянии не меньшем, чем половина высоты постройки. Такой-то выход и оборудован бетонным оголовком, который мы видим перед собой.

Данный экземпляр находится на улице Воинова, в районе Северной Подстанции, милом небольшом райончике энергетиков, строившемся в основном как раз после войны. Вообще-то таких объектов в старых дворах немало, но мы выбрали именно этот по простой причине: туда можно пролезть. Маленькая дверца открыта для всех желающих.

Двухметровая мини-шахта, внизу узкий лаз, на четвереньках метров пять прямо, мы уже под зданием, затем поворот на 90 градусов направо, к центральному подвалу. И здесь мы упиремся в надежную решетку. За ней в экс-бомбоубежище сосладеирована всякая рухлядь — ведь войны больше точно не будет, и жителям муниципального общежития, которое ныне располагается в доме 8 по улице Воинова, никогда не придется на четвереньках карабкаться

по бетонному лазу на поверхность из-под развалин рухнувшего здания. А там уже бежать в ближайшее крупное укрытие на территории больницы имени Соловьева! Прибежали, ой, а в нем частная ветеринарная клиника, и давным-давно нет противогазов, а на улице что-то стало таким едким пахнуть, так неприятно...

Нет, давайте лучше надеяться, что войны не будет. Никогда.

↑
РЫБИНСК
УГЛИЧ
ВОЛОГДА

Московский проспект, 43/10

КОЛОКОЛЬНЫЕ КРЕПЛЕНИЯ

Знаменитый ярославский купец-богач Алексей Иванович Трунов очень любил детей. Бывало, наведут ему целую комнату детишек, уже яблоку упасть негде, везде карпузы, а ему все мало, еще, кричит, еще детей давайте! Он им и пряничек каждому даст, и добрым словом приласкает всех до единого, сказку опосля расскажет или поучительную историю из собственной жизни.

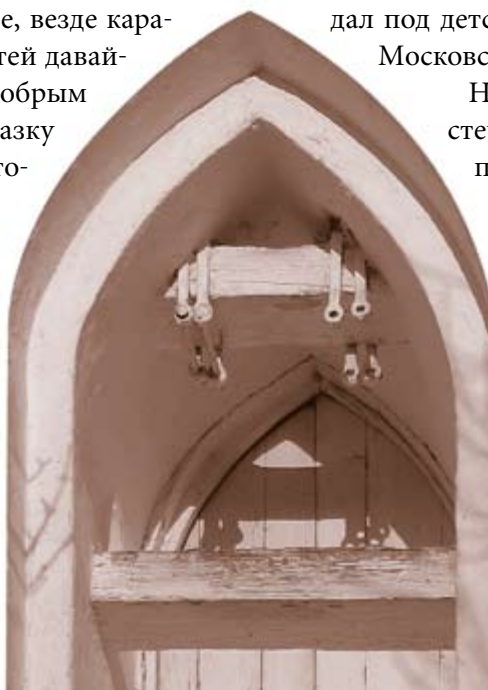
А жизнь у Алексея Ивановича была бурная. Пушнина, хлебная торговля с «нижними» губерниями, теми, что лежат в низовьях Волги, на Урале прииск изумрудный и фабрика гранильная, лучшие ювелиры работают, свои представительства в Москве, Петербурге, Казани, Варшаве. Ну а сам Алексей Иванович, поди, в столицах европейских больше времени проводил — парижским модницам свои изумительной красоты камни и меха реализовывал.

Уважаемый человек был Алексей Иванович, факт. А потом вдруг взял и разом понял, что пустое все это, и брильянты, и фальшивый лоск ненаших столиц. Еще больше полюбил Трунов детей. И без того уже

известный как один из крупных ярославских благотворителей середины XIX века, он вконец расчувствовался и отдал под детский приют собственный дом на Большой Московской улице.

Николаевский приют открыли при большом стечении народа в апреле 1858 года. Несколько позже по завещанию Трунова в здании была устроена и освящена домовая церковь Святой Троицы. В самом начале XX века, в 1904 году, приют на пожертвования ярославских dobroхотов расширяется, перестраивается, приобретает солидную пристройку в псевдорусском стиле, выходящую фасадом на парадный московский въезд в город, а приютская церковь получает замечательную миниатюрную чердачную колоколенку.

Она — перед вами, в девственном, неискаженном виде. Одного не хватает колоколенке, зато самого важного — колоколов. Но они и не нужны поликлинике, что нынче располагается в этом здании. Зато остались два мощных бруса и железные крепления-кольца — на них-то и висели колокола Троицкой церкви Николаевского приюта.

2-я Поперечная ул., 1

АНТИК СРЕДИ ИЗБ

Хочется зажмуриться. Ущипнуть себя за руку. Подумать о том, сколько же было выпито вчера, в День радиста. Любого здорового умом человека может занести в эту глухомань только безумный случай или та данность, что ты или твои друзья и родственники проживают здесь, в царстве Продольных и Поперечных улиц. Как и следует из названия, небольшой железнодорожный поселок, располагающийся аккурат за станцией Полянки, состоит из нескольких крест-накрест сходящихся улочек с индивидуальной застройкой 1920–50-х годов.

Добротные частные домики. Все как полагается. У нерадивых хозяев покосившиеся срубы, облупившиеся заборы, у радивых — все чистенькое, свеженькое, кирпичные гаражи на участках. Изредка встречаются и двухэтажные дома. Еще не забыта традиция изготовления резных наличников. Водонапорные колонки. Отсутствие асфальта. Маленькие пруды. Типичный частный сектор. А потом... потом хочется ущипнуть себя за руку.

Посреди всего этого мы видим доминирующий над всей Поперечной улицей двухэтажный кирпичный особняк, по фронтому украшенный девятью метровыми античными статуями. Сначала это кажется похмельным видением, потом нуворишским прибаблом, потом деревенской безвкусицей, но, как обычно, дело кроется в другом.

Все дело — в уже не раз упоминавшейся нами страсти некоторых представителей нашего народа к творчеству. Она, эта страсть, рвется наружу, она хочет выплеснуться, но окружающий мещанский мир не горит желанием ее реализовывать. Куда?! — грозит кулаком мещанский мир. Не высовывайся. Сиди ровно. Будь как все... Но страсти нет преград. И вот она доводит человека до того, что он берет виртуальные макеты статуй, стоящих в европейских соборах, изготавливает по ним формы и самостоятельно в своем гараже, расположенном здесь же, на участке, отливает в своей мини-литейке вполне реальные копии.

Каждая весом под центнер, тяжело, но сила страсти тащит их на крышу строящегося дома. ВОТ! — кричит страсть. ВОТ ЧТО Я СДЕЛАЛ! Смотрите, люди! Если бы статуи были китайской поделкой, прихоть нувориша, дуростью мещанина — мы осудили бы их. Непошто такому импортному сраму торчать в нашем родимом частном секторе 1920–50-х. Но эти статуи — лучше китайских. Они сделаны своими руками. С любовью. Во все времена, всегда и везде, это будет оценено. Оценим и мы. И... лишний раз ущипнем себя за руку, когда проходим мимо.

Ул. Свободы, 9

СЛАВА СОВЕТСКОЙ АВИАЦИИ!

Дом купца Либкена по Власьевской — Свободе с момента постройки был словно обречен на необычную судьбу. На первом этаже — магазин, где продавалась колбасная продукция купца, на втором — кинозал «Волшебные грезы» и его собственная киностудия, а на третьем — публичный дом, где уже самые волшебные грезы становились явью. В 1919 году экстравагантный купец уехал снимать фильмы в Константинополь. А здание в 1933-м передают в собственность ярославскому отделению ОСОАВИАХИМа, и здесь открывается первый в стране региональный аэроклуб. 15 воспитанников — Герои Советского Союза. А в 1958 году сюда записалась скромная девушка Валя с ткацкой фабрики. Терешкова. Богатая судьба у дома.

При ОСОАВИАХИМе дом украсили пять лепных барельефов на тему советского неба, отражающих пять страниц в истории отечественной авиации и в истории целой страны.

1. Три мощных самолета серии АНТ-20 «Максим Горький» — легендарной летающей крепости, бывшей символом воздушной мощи Союза с 1933 по 1935 год, пока один агитационный самолет не потерпел крушение в небе над Москвой, что и стало поводом к сворачиванию проекта.

2. Первый групповой парашютный десант. Состоялся в июле 1930 года под Воронежем. Этот сюжет всячески обы-

грывался в советском искусстве и в пропаганде парашютного спорта и нового рода войск — воздушно-десантного.

3. Пионеры-авиамodelисты. Центральная авиамodelьная лаборатория (ЦАМЛ) была создана в 1931 году, и вскоре ее филиалы появляются по всему Союзу. Два года спустя секция авиамodelирования открывается и при Ярославском аэроклубе. Изображения мирных детей с самолетами стимулировали в обществе, особенно среди молодежи, интерес к авиации.

4. Эти семеро смелых стали первыми Героями Советского Союза, когда на своих потрепанных Р-5 спасли в Арктике почти сто человек с «Челюскина». Перед нами Водопьянов, Каманин, Доронин, Ляпидевский, Леваневский, Молоков, Слепнев — легенды, идолы, кумиры, секс-символы целой эпохи.

Несмотря на накопившиеся на барельефе копоть и грязь, нельзя не узнать броские черты этого человека. Крупное скуластое лицо, широко посаженные глаза, характерная ямочка на подбородке — перед нами Валерий Чкалов. Второй летчик на заднем плане, к сожалению, столь яркой внешностью не обладает, и поэтому опознать его не удалось.

В пяти барельефах оживает то, чем жил наш народ в 1930-е годы, чем дышал.

Ул. Тулупова, 22

ВОДОСТОЧНАЯ ВОРОНКА

Несмотря на то, что у подавляющего большинства домов в городе есть наружная водосточная система, на наших страницах запечатлен лишь один такой объект (вернее, его остатки). И действительно, водосточные трубы в наши дни стали настолько привычной деталью городского пейзажа, что как будто не представляют собой ничего интересного. Обычные трубы из оцинкованной жести. Иногда их утаскивают во Вторчермет.

Однако когда-то, до эпохи стандартизации, конвейерного производства и вездесущих ГОСТов, все было по-другому. Даже самая утилитарная, бытовая вещь могла нести красоту, выражая вкус и пристрастия и владельца, и изготовителя.

Так некогда было и со столь традиционной конструкцией, как водосточная труба. Самой разной формы, разных размеров, не говоря уже о цвете, — они украшали наши города, придавая каждому дому индивидуальность и свой особенный шарм. Воронка водосточной трубы — самый важный элемент системы, и именно с ним вовсю можно поэкспериментировать жестянщику. Воронка с финно-угорскими мотивами,

воронка под деревянную резьбу, с узорами в виде крестов, воронка с датой постройки здания или с годом рождения домовладельца — нет пределов фантазии!

Но практически ничего из этого великолепия не дошло до наших дней. Срок службы жестяной водосточной трубы в среднем составляет всего десять лет, после чего она подлежит замене. Неудивительно, что большинство маленьких шедевров ярославских жестянщиков пришло в негодность еще при их жизни.

Мы можем увидеть остатки былой роскоши лишь в таких случаях, как здесь, в самом сердце закорючелых рабочих слобод, на улице Тулупова, на доме 22. Водосточная система пришла в негодность, труба упала или была убрана за ненадобностью, но никому не пришло в голову лезть вверх и срывать старую воронку.

Оно и к лучшему — на ее примере мы можем видеть: водосточная воронка могла быть небольшим, скромным, вот таким симпатичным своего рода произведением искусства.

Ул. Некрасова, 37

СВЕТ ПАПИНОГО ГАРАЖА

Многие путешественники недоумевают: а почему в центре Ярославля совсем нет деревянных домов? Ярославцев каверзный вопрос ставит в тупик, и, как правило, они отвечают что-то вроде «У нас крупный 600-тысячный город, а не деревня».

Однако в исторических центрах таких мегаполисов, как Самара, Казань, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, не говоря уже о городах помельче, вроде Владимира, Твери или Курска, старинная деревянная застройка занимает целые кварталы.

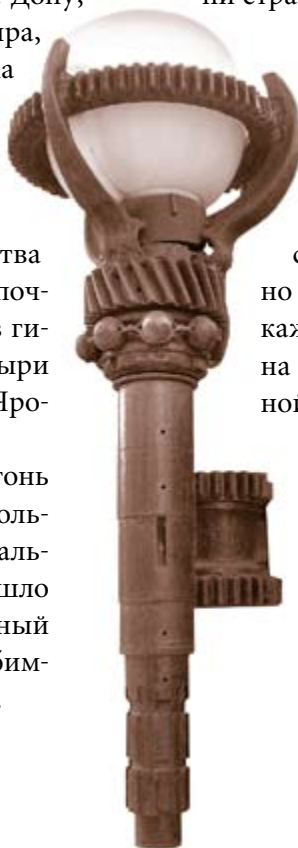
Правильный, но грустный ответ на головомомный вопрос иногородних туристов прост: Ярославское Восстание. Когда-то наш город не уступал по размаху деревянного строительства другим губернским центрам, но в июле 1918 года почти все деревянные дома в центре превратились в гигантские пылающие факелы. Зброшенные пустыри на месте пожарищ существовали прямо в сердце Ярославля вплоть до 1980-х годов.

Лишь благодаря счастливой случайности огонь пощадил несколько десятков домов (по меркам большого города — это ничтожное количество) в центральной, исторической части. До наших же дней дошло меньше десяти. Один из них — милый двухэтажный мещанский особнячок на пересечении улиц Любимской — Чайковского и Романовской — Некрасова.

В ноябре 2003 года произошло непоправимое. Что пощадил восстание 1918 года, уничтожил обычный бытовой пожар. Верхний этаж выгорел полностью, нижний залило водой, и с тех пор дом необитаем. Но обитаем его двор, где находится известное закрытое байк-кафе «Папин гараж», созданное одним из жителей дома. Да еще, как это ни странно, и в самом деле, на месте папиного гаража.

Одного лишь описания этого кафе хватит еще на один томик деталей. Чего стоит только туалет в виде ветряной мельницы или стена кафе, представляющая собой внешнюю стену обычной «хрущевки»... Его владелец и посетители — оригинальные люди, обладающие вкусом. Доступ внутрь двора посторонним закрыт, но вот одной из таких деталей может полюбоваться каждый желающий. Это два удивительных фонаря на входе в кафе, сделанных из частей автомобильной коробки передач.

Отмена ГОСТов на фонари уличного освещения развязала руки креативным личностям. Можно украсить свою собственность как подскажут вкус и желание. У владельца «Папиного гаража» на пересечении Любимской и Романовской есть и то, и другое.

Советская ул., 63

БОЛЬНАЯ ДАТА

В этой дате сосредоточено все страдание и радость, боль и счастье русского народа. Деталь-страсть. С 1 июля 1901 года построенный для этих целей Ярославский казенный винный акцизный склад начал продавать казенную же водку.

Впервые государство полностью и откровенно берет монополию на производство и продажу водки в свои руки. До этого оно довольствовалось разного рода налогами и откупам на ее изготовление частными лицами. В одно и то же время по всей Империи строятся винные акцизные склады. В таких краснокирпичных зданиях гнали спирт, облагали его акцизом в зависимости от градусности и отпускали оптовикам. Не забывали и о рознице, у каждого склада имелась палатка-лабаз. В ярославском случае их даже две, и обе каменные.

Создав монополию, Империя таким способом взяла под контроль качество продукции. А с нравственностью-то как? А были открыты многочисленные общества трезвости. Таков парадокс: все афишные тумбы обклеены рекламой кваса (пропаганда трезвого образа жизни), но производство водки достигло баснословных размеров (7 миллионов рублей выручки за 1913 год только у нашего местного завода).

В 1914 году впервые на Руси введен сухой закон, война как-никак, весь спирт на фронт для храбрости солдатам, да в госпитали. Поскольку заводы производили спирта

в сотни раз больше, чем нужно для храбрости солдатам и для их же ран, то к 1917 году в стране сложилась взрывоопасная ситуация: море спирта на складах и народ, одуревший от кваса и дешевого самогона. Только на ярославском и рыбинском складах скопилось около полутора миллионов литров!

Ситуация стала критической. 20 октября 1917 года из самого Петербурга приходит указ: уничтожайте спиртное! Буря идет. Под покровом ночи отборные, идейно вы-

держанные любители кваса сливали спирт в канализацию. Оттуда он попадал в Волгу. Рыбы радовались подаркам и, по свидетельствам очевидцев, сами выскакивали на берег. Но совсем не радовались горожане и многочисленные солдаты, квартировавшие

в городе. Уже через несколько дней по Ярославлю поползли зловещие слухи, что на Ильинской за стенами завода по ночам творится что-то нехорошее. 26 октября вся улица перед складом была переполнена людьми. Ближе к ночи несколько сотен солдат ворвались в заводские ворота и штурмом взяли остатки продукции, перебив утварь и разграбив помещения. Но за пять ночей проклятые трезвенники сделали свое черное дело. 90% спирта утекло в Волгу.

Эта дата на фасаде еще не предвещает ни войны, ни революции, ни водочного погрома. Но пусть она служит напоминанием властям: не надо играть с огнем. Иначе вон оно как может обернуться.

Под Московским проспектом, близ дома №1/2

КАФТАН ДА ШАПКА

Две главные ярославские реки, Волга и Которосль, далеко не всегда были такими мирными овечками, какими они являются в наши дни. От весенних наводнений страдали сотни домов и гибли люди.

В отличие от Волги, у Которосли топкие болотистые берега, местами блуждающее русло. Самая оживленная переправа через нее — у Спасо-Преображенского монастыря — была в весеннее время и самой сложной. Деревянные мосты, случалось, сносило, и однажды это речное безобразие достало всех.

— Хозяин, нам край, — сказали однажды собравшиеся ярославские купцы губернатору Полторацкому, когда Которосль унесла очередной наплавной мост в Волгу. — Сделай что-нибудь, мы тебя как родного просим. За деньгой не постоим!

Укрощать Которосль в далеком 1831 году начали всем городом. А тут аккурат в город новый император, Николай I, пожаловать изволили. Новенький берег Волги губернатор показал, похвастался и начатыми работами — самодержец на укрепление берегов Которосли денег дал 70 000 рублей. Дальше работы закипели. В итоге Московскую улицу прямо по речным топям продолжила полукилометровая насыпная дамба, облицованная для крепости булыжником. У высокого левого берега, аккурат у монастыря, перекинули деревянный мост. На противоположной же стороне была возведена большая каменная арка.

Ее функциональный смысл хорошо объясняет фотография очередного знаменитого наводнения 1926 года. Во время половодья узенькая полоска насыпной Московской дамбы держит тонны речной воды. Чтобы ее не смыло, лишняя вода должна спокойно уходить через эту арку, что она, собственно, и делает.

За невероятно сложную постройку, от которой отказывались и московские специалисты, подрядился тогда простой ярославский крестьянин. И сотворил наш маленький инженерный ярославский шедевр. Колоссальные нетесаные камни держатся под своим собственным весом —

они ничем не скреплены. К счастью, история сохранила имя строителя — Емельян Орлов. За это дело в 1832 году среди народа городской голова Соболев вручил ему кафтан и шапку. Заметим, не из царских денег, данных губернатору, награда выдана — из городских. И тогда в Империи бюджеты разделены были на разные уровни. По вертикали, конечно.

Ярославль. 2009-й год. Ежедневно тысячи машин проносятся по Московскому проспекту, прямо по арке. Люди и не подозревают об ее существовании. 177 лет эти огромные валуны держат своды. Реки укрощены, и арка уже наполовину засыпана землей, но не намерена обвалиться или осыпаться. Думается, не кафтан и шапка, а именно эти 177 лет исправной службы и есть лучшая награда простому русскому крестьянину Емельяну Орлову.

Республиканская ул., 3, корп. 5а

РОВНО ВЕК НАЗАД

Стояло или нет ополчение Минина и Пожарского весной 1612 года именно в этих местах, близ приволжского Пятницкого оврага, поди разберись. А вот то, что через полтора столетия на этой городской окраине один за другим ярославские купцы устраивали свои юфтяные, суриковые и прочие заводы — точно. Только бизнес всегда был делом рискованным — кривая русской мечты не многие роды на волнах удерживала несколько поколений. Чего уж там, ежегодно должен был горожанин подтверждать, есть ли у него купеческий капитал, а если нет, то ты не купец, а дырка от бублика. Сорокины же ярославские полтора века только вверх поднимались.

Кто сейчас вспомнит, что первым свои заводские сараи над северным отрогом Пятницкого оврага еще Викулин поставил, или что перекупил у него завод Климент Оловянишников? Вот от наследников Климента и попал завод к Сорокиным. И от той поры их свинцово-белильное производство, а проще сказать — производство красок и красителей только росло. А как на заводе-то работать было любой прочесть может — Гиляровский описал.

И вот начало XX века: ярославская краска от Сорокиных популярна по всей Империи, отбоя от клиентуры нет, ну а посему строят они на месте, освоенном родом более века назад, новое самое передовое трехэтажное производственное здание, под крышей которого строители увековечивают дату своего творения: 1909.

За то, что мы можем наблюдать этот прекрасный образец промышленной архитектуры начала XX века и этот замечательный барельеф, надо отдать дань уважения простым ярославским работягам. В июле 1918 года в заводском корпусе, а он доминировал в этой части города, укрепились белые. За железнодорожный мост через Волгу шла отчаянная схватка. Красные пустили бронепоезд, он стрелял по заводу прямой наводкой. После подавления мятежа зданию, вернее, тому, что от него осталось, был озвучен приговор: под снос. А предприятие — закрыть. Но тут-то за него подали голос рабочие бывшего свинцово-белильного завода бывшего Сорокина. Во внеурочное время, практически за свой счет, из обломков кирпичей — руин хватало, воссоздали они родной завод, чтоб было где на жизнь зарабатывать.

О том, как в 1920-е объединены были лакокрасочные заводы двух ярославских купеческих семей, почти век конкурировавших между собой, о том, как впоследствии в сорокинских корпусах разместился машиностроительный завод «Красный Маяк», о том, какие замечательные вибраторы он для строителей выпускал, наконец, о том, как превратились его корпуса в огромный торгово-развлекательный центр — обо всем этом разговор отдельный. А сейчас вспомним безымянных рабочих, благодаря которым мы и можем до сих пор видеть четыре без преувеличения достойные цифры: 1909.

Большая Федоровская ул., 109

ОБЛОМОК СТАТУИ РАСПАВШЕЙСЯ

Ничто не напоминает в двух десятках деревьев около дома номер 109 по Большой Федоровской некогда ухоженный сад завода «Победа Рабочих». Хотя еще не далее как в середине прошлого века крохотный, на несколько лавочек, садик привлекал множество заводчан, которые проводили здесь свой досуг.

Об этих былых временах напоминает лишь садовая оградка да странное сооружение в центре, похожее на клумбу. Это бывший фонтан. Около него уже много лет лежат остатки некой скульптуры. Архивные материалы завода «Русские Краски» позволили приподнять пелену таинственности. Сохранилась фотография строителей фонтана, сделанная в 1933 году.

Фонтан был декорирован самым богатым образом: гирлянды, вазоны, герб СССР образца 1931 года (семь ленточек), а в центре композиции — статуя рабочего-молотобойца. Любовно проработаны небольшие детальки этой скульптуры: и пуговицы на одежде, и карманы, и заготовка на наковальне, и уже готовая деталь — шестеренка, лежащая рядом.

Скульптура выражала взгляды того времени: в самом начале 30-х, в период бурного промышленного роста, индустриализации все общество искренне верило в силу простого рабочего человека.

Вот он, простой рабочий человек, лежит на земле в заброшенном парке, вернее, то, что от него осталось. Торс принадлежит скульптуре труженика-молотобойца 1933 года!

Все на этой земле преходяще, и вера, и власть, и взгляды. И невольно вспоминаются строки Перси Биши Шелли:

Я встретил путника, он шел
из стран далеких
И мне сказал: вдали,
где вечность сторожит
Пустыни тишину,
среди песков глубоких
Обломок статуи
распавшейся лежит.
Из полустертых черт сквозит
надменный пламень —
Желанье заставлять
весь мир себе служить;
Ваятель опытный
вложил в бездушный камень
Те страсти, что смогли
столетья пережить.

И сохранил слова обломок изваянья:
«Я — Озимандия, я — мощный царь царей!
Взгляните на мои великие деянья,
Владыки всех времен, всех стран и всех морей!»
Кругом нет ничего... Глубокое молчанье...
Пустыня мертвая... И небеса над ней...

У ДК «Нефтяник», Московский проспект, 92

ПЫЖИХИНА СОСНА

Немало дурного приходило в Ярославль со стороны столицы. Именно со стороны Москвы наступал враг, отсюда прибывали плохие вести, оттуда приходил голод и чума. Оно и понятно — столица, сердце страны.

Вот почему не удивителен тот факт, что в 1655 году митрополит ростовский Иона Сысоевич поставил крест в честь избавления Ярославля от эпидемии моровой язвы именно со стороны въезда из Москвы. Он как бы защищал, оберегал город от будущих эпидемий. Однако были и другие причины.

Крест был поставлен на горе, получившей название Поклонной, — на доминирующей высоте во всей округе. По многочисленным свидетельствам, с горы было видно 35 окрестных деревень и 13 сел, не говоря уже о самом красавце-Ярославле. Он сверкал там, внизу, у слияния Которосли и Волги, позолотой сотен куполов своих церквей. Очень хорошее место для памятного креста вышло — светлое, высокое, видное отовсюду.

Здесь и возникло село Крестобогородское, оно же Крест, сейчас вошедшее в черту города и сохранившее в народной молве свое название. Памятный же крест, давший название селу и впоследствии городскому району, до сих пор как величайшая святыня хранится в Ризоположенской церкви, ну той, что находится у самого въезда

в современный Ярославль. Эта церковь, церковная сторожка да небольшое кладбище — единственное, что напоминает нам о большом селе, находящемся некогда на самой вершине Поклонной горы.

Ан нет, не единственное. Есть и еще одна свидетельница тех времен. Удивительно, но эта свидетельница — живая. Это единственная живая деталь, попавшая на наши страницы. Речь идет о сосне, что растет у самого Московского проспекта, перед входом в Дом культуры нефтяников.

Когда-то здесь было много таких вековых сосен, да все были выкорчеваны при строительстве Нефтестроя в 1960-е. Неизвестно, почему одну из них оставили в живых. Может быть, кто-то посчитал, что вход в ДК будет с этой красавицей выглядеть поживее, подушевнее, а может, как это обычно и бывает в России, просто случай.

Невероятно, но история сохранила и народное название этой сосны, что совсем уж одушевляет, делает родной нашу живую зеленую деталь. Раньше здесь, на горе, вдоль всей старой Московской дороги, а ныне проспекта, стояли крестьянские дома. В одном из них жила бабушка, которую на селе называли Пыжиха. У нее на задворках и росла эта красавица. С тех пор за этим сельским ориентиром и закрепилось название — Пыжихина сосна.

У беседки на Волжской набережной

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ МОГИКАН

Потерпите же, малахитовые мои читатели. Пара страниц — и закончится мой унылый ряд деталек, и вы сможете вернуться к своей насыщенной, полной событиями реальной жизни. Прогулка по закоулкам и площадям Ярославля подходит к концу. Под занавес так и хочется присесть, отдохнуть и, может быть, даже подумать о высоком.

Но где же? Где так славно отдыхается и думается о высоком? В пятнадцатом микрорайоне Дзержинского района? На остановке автобуса 21-го маршрута «Сельхозтехника»? Нет. Не то. Многие поколения ярославцев отдыхали и отдыхают душой и телом на Волжской набережной. Пойдем сюда и мы, памятуя о стройных рядах дивных лавочек желтого цвета, с такими массивными чугунными боковинами-ножками.

Неразрывно связанной в сознании представляется наша чудо-набережная с этими самыми желто-чугунными лавочками. Настолько неразрывно, что просто как ушат холодной воды на голову, когда ты идешь над Волгой и видишь, что такого романтического, такого теплого сочетания черного чугуна с желтым деревом уже нет. Что все эти скамейки, установленные под липами в середине прошлого века, уже не существуют — они заменены безликими новоделами.

Хотя нет. Вот она. Последняя из могикан. На всей набережной сохранилась лишь одна подобная скамейка — у беседки. Ложка меда в бочке дегтя. Удивительно, как можно было извести эти воистину нерушимые, истинно советско-имперские скамейки — каждая боковина весит несколько десятков килограммов.

Но факт остается фактом — того романтического облика набережной, к которому привыкло не одно поколение ярославцев, больше нет. Этот облик ушел из нашего восприятия незаметно, как незаметно меняется и вся окружающая нас реальность. Для этого изменения не нужно взрывать город, не требуется выжигать его напалмом подчистую. Достаточно того, чтобы осыпалась лепнина на старом особняке. Чтобы в двухвековом купеческом доме вставили пластиковые окна. Чтобы пробили на месте окна дверь. Чтобы унесли из сквера скульптуры пионеров. Чтобы залили асфальтом брусчатую мостовую. И вот когда убирают с набережной старые скамейки, ты оглядываешься и понимаешь, что того Ярославля, в котором ты родился и вырос, уже нет.

Город обошла война. Невероятными усилиями в лихолетье удалось сохранить значительную часть храмов. Уникальная регулярная планировка также сохранена. Усадьбы, старые башни и монастырь на тех же местах стоят, и Которосль все так же несет под Стрелкой

свои воды в Волгу. Все то же, все

те же. Да вот незадача: ты оглядываешься однажды. Оглядываешься и видишь, что нет уже ТОГО города. Того, который ты помнишь еще десять — двадцать лет назад. А ведь он здесь, он никуда не делся.

Да вот просто с набережной убрали старые скамейки.

Ул. Ушинского, 8

МОЕЙ ДАШЕ

Последняя, сотая деталь — особенная.

Это своеобразная благодарность. Да-да, благодарность тоже можно выражать с помощью деталей. Я хочу сказать «спасибо» своей второй половинке — моей любимой Даше. Спасибо за понимание, спасибо за то, что всегда принимала и разделяла мою страсть. За то время, которое я мог бы провести с ней, но корпел над «Детальями», за вечные катания со мной по частным секторам в поисках «чего-нибудь такого». И за то, что не обижалась на мою голову, поднятую вверх, к фасадам зданий, во время совместных прогулок. Спасибо вот за этот чудесный подарок — стилизованный страховой жетон «Добровольного Общества Взаимного Страхования ДАРИЯНЪ».

Мы повесили этот жетон на фасаде своего дома по Стрелецкой — Ушинского, и тем самым добавили ярославским пейзажам новую деталь. СВОЮ деталь. Завершая на этой мажорной ноте небольшой цикл своих очерков, я лишний раз хотел бы дать понять, что история — это не пыльный изрисованный учебник за седьмой

класс, это не музейные экспонаты, не то, к чему апеллируют политики. Это даже не те неизвестные нам мужики, которые лепили барельефы, чеканили и вешали страховые доски, строили фонтаны или устанавливали крышки люков. В первую очередь история — это мы сами. Мы сами ее создаем. Мы украшаем свои дома, свой быт, свой любимый русский город Ярославль, мы наполняем его, делаем его лучше. Чем мы наполним окружающее нас пространство, тем и запомнимся будущим поколениям. Право, так хочется, чтобы нас запомнили за что-нибудь хорошее.

И вот я добавляю в живую ткань городской материальной культуры свою маленькую детальку. Я надеюсь, что она повторит путь тех избранных судьбою мелочей, которые мы можем видеть на этих страницах, тех немногих, которые уцелели из тысяч. И пусть через некоторое время еще один любознательный человек случайно поднимет глаза наверх и найдет нашу страховую табличку. И пусть он улыбнется.

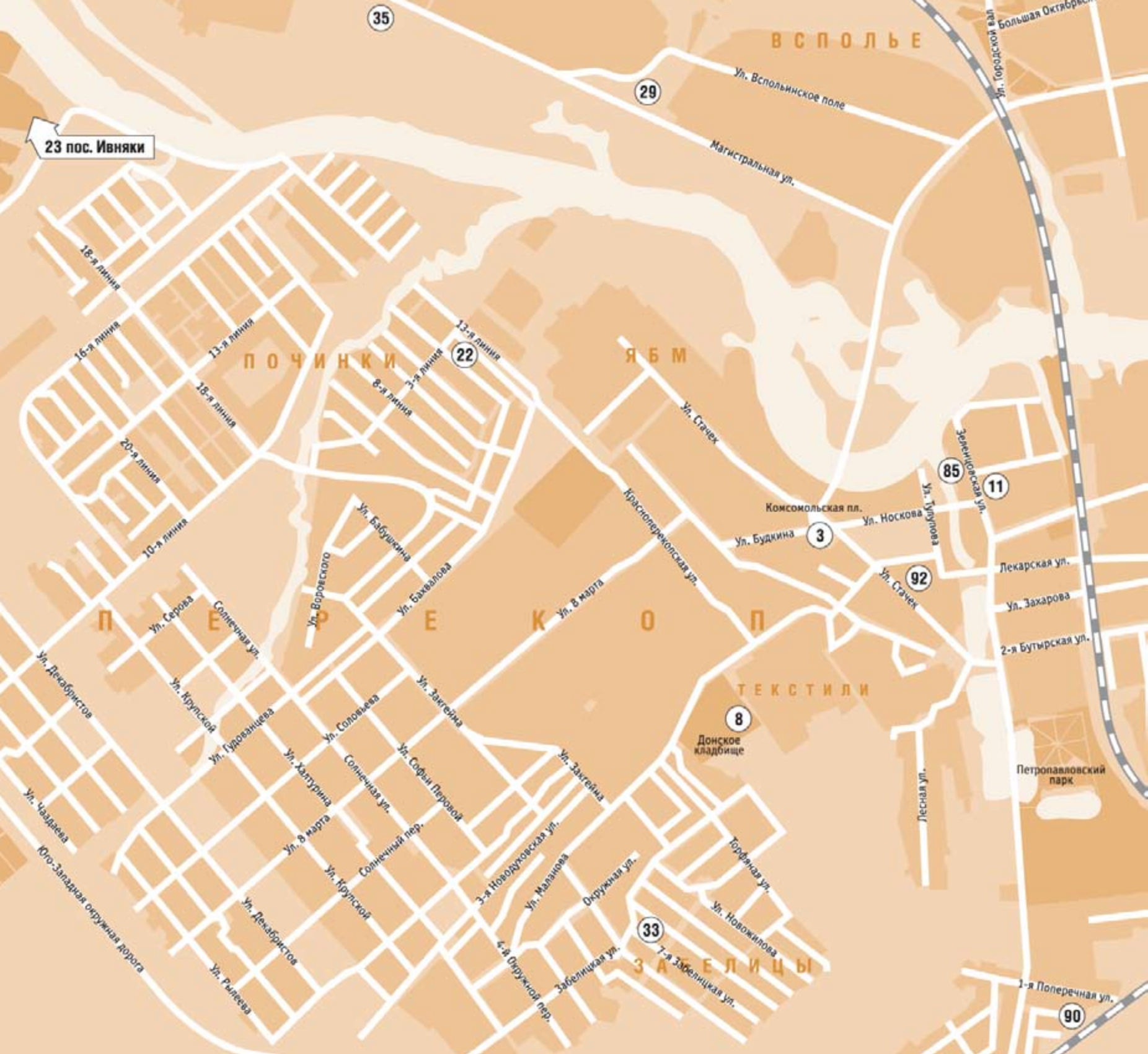

10, 26, 37 Норское

78 Долматово

80 Нижний пос.

35

ВСПОЛЬЕ

29

Ул. Вспольинское поле

Магистральная ул.

Ул. городской вал
Большая Октябрьская ул.

23 пос. Ивняки

ПОЧИНКИ

ЯБМ

22

13-я линия

8-я линия

3-я линия

13-я линия

18-я линия

18-я линия

16-я линия

20-я линия

10-я линия

П

Ул. Серова

Солнечная ул.

Ул. Воровского

Ул. Бабушкина

Ул. Бахвалова

Ул. 8 марта

Краснопереконская ул.

Комсомольская пл.

Ул. Будкина

Ул. Носкова

85

11

Белинская ул.

Лекарская ул.

Ул. Захарова

2-я Бутырская ул.

92

Ул. Станек

ТЕКСТИЛИ

8

Донское кладбище

Лесная ул.

Петропавловский парк

Ул. Декабристов

Ул. Крутой

Ул. Гидролизера

Ул. Хатурская

Ул. 8 марта

Ул. Декабристов

Ул. Рылева

Ул. Чадаева

Юго-Западная окружная дорога

Ул. Соловьева

Ул. Закейна

Ул. Софьи Перовой

Солнечный пер.

Ул. Закейна

3-я Новорусовская ул.

Ул. Маланова

Оружная ул.

Горбачева ул.

Ул. Новожилова

33

ЗАБЕЛИЦЫ

Забелицкая ул.

4-й Оружный пер.

1-я Поперечная ул.

90

р. Волга →

ТРОПИНО

КОРОВНИКИ

ТУГОВА ГОРА

ПОС. СОКОЛ

СУЗДАЛКА

р. Которосль →

ТОЛЧКОВО

Московский вокзал

98 Нефтестрой

86

42

49

5

84

89

38

46

30

59

79

4

34

7

97

83

36

95

95

95

95

95

95

95

95

95

95

95

95

95

95

95

95

95

Книга, которую вы только что долистали, необычна для нашего издательства. Это — бумажная реинкарнация темы «Ярославские детали, мой фотопроектик», которую открыл пользователь Masquerade на интернет-форуме Yarportal. Ru, в разделе «История и краеведение Ярославля и области», 27 апреля 2008 года.

Юзеры-читатели отреагировали в комментариях немедленно. Они предлагали свои «детали», сообщали, где еще в городе можно найти тот или иной кирпич с клеймом, а на пресловутые страховые доски вообще открылась настоящая охота. Каждый новый артефакт подогревал интерес. (Издатель, редакторы, дизайнер и близкие люди из нашего круга с удовольствием могут признать, что тоже испытали азарт включения в игру, смешанный с замечательным чувством облагораживающей зависти: ну почему не мне пришла в голову эта дивная идея?!)

Интернет-проекты не так уж редко превращаются в книги. Это бывает, когда твои тексты — сетевые дневники, путевые заметки, лирические письма (и в том же ряду стоят фотографии) — вызывают одобрение, и френды пишут тебе: «Да это можно прямо печатать!» Ведь авторитет напечатанного текста пока еще выше, чем текста виртуального. И часто, если это действительно выходит в свет, то вот именно «прямо» — как родилось в интернете. Со всей прелестью форумной речи, чуть ли не со смайликами.

Но эта книга необычна, поскольку не совсем типичен для Рунета, да и вообще для сегодняшнего времени, сам Masquerade, теперь aka [also known as] Ян Левин. Уже в первых его постах четыре года назад обращало на себя внимание чувство личной причастности автора Истории и Месту, нашему древнему городу. Не эгоцентризм и самолюбование на фоне популярных достопримечательностей, а столь редкое ныне понимание малости своего участия в бесконечном движении времени, эмоционально точная укорененность в истории.

Не случайно в газетном интервью на вопрос «А зачем, с твоей точки зрения, хранить старое?» Ян ответил: «Чтобы понимать свое место в жизни».

А ведь именно для этого нам — и каждому лично, и обществу в целом — необходимо краеведение! В недавнем интервью на улицах нашего города на вопрос, кто такой Ярослав Мудрый, многие земляки терялись с ответом: царь? полководец?.. И вообще — «я не знаю, мне не интересно».

Может ли краеведение быть доходчивым и интересным? «Детали» Яна свидетельствовали: без «журнализма», без пошлости, когда знание подменяется откровенной желтизной, вполне можно обойтись. Нужно просто шире посмотреть на жизнь своего города. Поднять голову. Взглянуть под ноги. Просто остановиться и оглядеться, прислушиваясь к тихому голосу прошлого. И тогда увидишь большой диапазон объектов: и важные, серьезные, и — детали-нюансы. Которые даже можно потрогать.

Увлечение родными артефактами — это, конечно же, не открытие Яна. В Сети оно зафиксировано уже на первых порах становления Рунета, и с годами растет. На Западе все началось много раньше, но там, кстати, и в большой науке стали больше обращать внимание на так называемую культуру повседневности еще тогда, когда мы продолжали делать вид, что зубрим «три источника и три составные части».

Краеведческое знание рождается от любви к своему краю. А любовь всегда отважна в своей субъективности. Профессиональные историки морщатся, мол, краеведение — не наука. Обиженные родиноведы, стесняясь ли своей любви, или тщась встать в один ряд с критиками, старательно прячут эту свою методологическую субъективность... Новизна краеведения от Masquerade — в отважной декларации права на личный взгляд. И в не менее смелом отказе как от преданности узкой псевдонаучной теме, так и от претензий на наукообразные обобщения.

Автор просто с интересом и с умом смотрел на город широко открытыми глазами.

У буквального, «в лоб», перенесения сетевых текстов на бумагу есть слабые места. Для издательства это первый опыт, на чужие грабли наступать не хотелось. Прежде всего нужно было выработать принципы работы с текстом, нарочито свободным от традиционных литературных норм. Удалось это не без боли, в ходе бурных дискуссий — оставить ли в неприкосновенности талантливую самобытность автора (святая заповедь хорошей редакции) или бестрепетно резать и перекраивать, потому что так не пишут (вторая святая заповедь). Автор желал говорить на своем языке — современном, разговорном, даже сленговом. Редакторы — сторонники классических ценностей, но не ханжи. Да, жизнь идет вперед, и язык развивается. И прекрасно. В этом мы достигли взаимопонимания.

Но книга-то краеведческая: фактов — море. И вот здесь пришлось подойти к исходному тексту куда серьезнее. Провозглашенная субъективность — не индульгенция на ошибки. Пришлось прибегнуть к консультациям специалистов. Ян слабо сопротивлялся: но ведь это мое виденье! и ошибки, в конце концов, мои! Он боялся чуждой ему «научности». Отдадим ему должное. Кроме профессиональных добродетелей пишущего: свежего взгляда, наблюдательности, остроумия, вкуса, — у него есть, конечно, и упрямство — но в меру...

Эта книга выходит всего лишь за год до 1000-летия Ярославля. И будет юбилей, и будут парадные альбомы. Но торжества пройдут, фейерверки погаснут. А город останется. И останутся детали прошлого — живая память его долгой истории. И прав автор: из них-то, деталек, и складывается образ Ярославля, не буклетно-открыточный, а жизненный. Вот это и показал впервые Ян Левин. А удалось ли нам не испортить его идею — судить уже вам.

Анастасия Маслова и Александр Рутман

Ян Александрович Левин

100 ДЕТАЛЕЙ ЯРОСЛАВЛЯ

Художник М. Е. Бороздинский

Фотографии Яна Левина и Михаила Бороздинского

Редакторы А. Ю. Данилов и А. А. Маслова

Научные консультанты А. Ю. Данилов, Н. С. Землянская,
Н. В. Обнорская, Н. С. Сапрыкина, С. В. Севрюкова

Под общей редакцией А. М. Рутмана

Корректор В. М. Хирцова

На обложке — дом № 16/15 на пересечении ул. Менжинского и Харитоновая; на авантитуле — останки дома управляющего ЯБМ в Петропавловском парке; на распахнутом титуле — пожарная лестница на доме № 12 по Златоустинской ул. Фотографии Михаила Бороздинского.

Подписано к печати 28.06.2009. Формат 100 × 70 ¹/₁₂. Бумага офсетная. Гарнитура MiniatureC. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,9. Тираж 1 000 экз. Заказ № .

AR Издатель Александр Рутман

150063 Ярославль, ул. Труфанова, 25, корп. 4, тел. (4852) 53–16–29.
E-mail: arutman@yandex.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049 Ярославль, ул. Свободы, 97

Наш бесценный читатель может проследить за эволюцией сетевого проекта «Ярославские детали» по интернет-адресу <http://yarportal.ru/topic43711.html>, там же он может поучаствовать в обсуждении той или иной детали, внести коррективы, замечания, и добавить свою собственную деталь, которая, наверняка, найдется у каждого в заветном уголке заглавника.

Восторженные отзывы, равно как признания в ненависти лично к автору и угрозы кровавой расправой, а также мольбы помочь деньгами и, естественно, великодушные предложения подержать морально и материально вы можете присылать на адрес levin_yan@mail.ru

УДК 908 (470.316) (091) (084.121)

ББК 26.89 (2Рос-4Яро) я611+63.3 (2Рос-4Яро) я611+85.118 (2Рос-4Яро) я611
Л36

Левин, Ян Александрович.

Л36 100 деталей Ярославля / Ян Александрович Левин. — Ярославль: Издатель Александр Рутман, 2009. — 212 с.: ил.
ISBN 978–5–91038–023–7

Крышка смотрового люка. Дата постройки здания на его фасаде. Скамейка в парке. Реклама. Гидрант. Ручка входной двери. Агитационный плакат. Инициалы владельца дома на въездных воротах. Светофор. Страховой жетон на доме... Все это — городские детали. Сами по себе они, может, и мало что значат для тысячелетнего города, но вместе они дают незабываемую и самобытную его сегодняшнюю атмосферу, удивительный сплав из мелочей разных времен ярославской культуры.

Современная эпоха, как, впрочем, и любая другая, порой беспощадна к таким маленьким городским штучкам. Они, детальки, то и дело исчезают, безвозвратно тают, но в это время где-нибудь появляются новые. Это жизнь, с этим ничего не поделаешь, это и не хорошо, и не плохо. Это просто факт. Жизнь идет своим чередом. Но как же хочется сохранить эти крохотные разрозненные, затерянные кусочки большого пазла под названием «Город Ярославль»!

Пусть хотя бы на фото, пусть на бумаге...

© Я. А. Левин, 2009

© М. Е. Бороздинский, оформление, 2009

© Издатель Александр Рутман, 2009

ISBN 978–5–91038–023–7